

ФАРЛИ МОУЭТ

ПРОКЛЯТИЕ МОГИЛЫ ВИКИНГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ФАРЛИ МОУЭТ

ПРОКЛЯТИЕ МОГИЛЫ ВИКИНГА

повесть

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Издательство „Детская литература“ Москва 1972

И (Канад)
М 85

Приключенческая повесть из современной жизни народов канадского Севера — индейцев и эскимосов. Герои повести — три мальчика-подростка и одна девочка. С ними случаются самые неожиданные происшествия, им приходится одним проделывать огромный путь через весь Север страны, по дороге у них много интересных встреч, знакомств и открытий.

**Перевод
Р. Облонской**

**Рисунки
В. Юдина**

О ФАРЛИ МОУЭТЕ И ЕГО КНИГАХ

В маленьком городке Порт-Хоуп, в конце улицы Джон-стрит, упирающейся в берег великого американского озера Онтарио, стоит старинный каменный двухэтажный дом с цветным неярким фонариком на крыльце. В темноте этот фонарик светит как маленький маяк, притягивая взгляд позднего прохожего. Это дом Фэрли Моуэта.

Кабинет писателя расположен в глубине первого этажа, и окна этой большой комнаты, где стоят строгие шкафы с картотеками, вырезками, где во всю длину от окна до другой стены тянется некрашенная деревянная пластина, представляющая письменный стол, выходят в небольшой дворик.

Хозяин дома начинает работу на рассвете.

Стрекочет пишущая машинка. Черный пес, по имени Альберт, знает, что хозяина не дожидаться до полудня, и он дремлет на заднем крыльце, ловя чутким ухом шум волн Онтарио.

После полудня на крыльцо выходит Фарли Моуэт. Он небольшого роста, крепко сбит, лицо его обрамлено пышной бородой. Но главное в его лице — яркие, внимательные, пронзительные голубые глаза.

Собака бежит впереди и у берега останавливается, вопросительно оглядывается на хозяина, прося разрешения броситься в воду.

Моуэт смотрит вдаль, на рейд, где на волне покачивается его небольшая шхуна. Сколько пройдено на ней морских миль в северных водах, омывающих остров Ньюфаундленд, где Моуэт прожил несколько лет в небольшом рыбацком селении! Сколько пройдено проливов, морей, устьев больших и малых рек! Последний путь был через залив Святого Лаврентия, по реке, сюда, на рейд города Порт-Хоуп, где Фарли Моуэт решил обосноваться после долгих лет скитальческой жизни.

Фарли Мак-Гилл Моуэт родился в мае 1921 года в семье библиотечного работника, который в то время жил в провинции Саскэчеван. Первые детские впечатления, особенно путешествия вместе с дядей, известным биологом, навсегда связали Фарли Моуэта с Севером.

После окончания средней школы Фарли Моуэт поступил в Торонтский университет, где взялся за изучение биологии. Но начавшаяся война с фашизмом прервала учение, и Фарли Моуэт отправился в Европу. Он воевал в Сицилии, в Западной Европе и в 1945 году впервые встретился с советскими людьми — с советскими солдатами на Эльбе.

Возвратившись на родину, преисполненный надежд на светлое будущее, на лучшие отношения между людьми, Фарли Моуэт, к своему разочарованию, обнаруживает, что отчуждение между людьми в капиталистическом мире увеличивается с каждым годом. Тогда на память ему пришли детские воспоминания о давней поездке на Север, встречи с эскимосами, чья жизнь осталась у него в памяти как жизнь безмятежная, жизнь, целиком подчиненная природе и природным склонностям человека, без тех уродств, которые несет и порождает капиталистическая цивилизация.

Фарли Моуэт выбрал пустынные пространства тундры, где жило небольшое эскимосское племя ихалмиутов.

Но эта встреча не принесла успокоения в душу вчерашнего солдата, начинающего писателя. Он увидел страшную картину постепенного вымирания гордого племени, вымирания, в котором был виноват белый человек, торговец, вынудивший ихалмиутов заменить традиционную охоту на оленя-карибу ловлей песцов. Когда цены на мировом рынке упали и никто не стал ездить так далеко за белыми песцовыми шкурками, ихалмиуты оказались на грани голодной смерти.

Фарли Моуэт тогда написал книгу «Люди оленьего края». Это был крик о помощи, беспощадная правда о северных народах, которые оказались беспомощными в капиталистическом мире. Книга разошлась по всему миру, и правительству Канады пришлось принимать кое-какие меры для оказания помощи эскимосам-ихалмиутам.

Фарли Моуэт до этой книги написал и издал повесть о военных годах, которая называлась «Полк», и некоторые другие. Но подлинную славу принесла ему книга о людях обездоленных, о тех, кто, являясь подлинными хозяевами Канады, оказались забытыми и брошенными в пустынных, бесплодных землях. В этой процветающей, одной из богатейших капиталистических стран, где испокон веков проживали индейские и эскимосские племена, человек Севера, человек бескрайних лесов и тундры оказался ненужным и даже временами мешающим тем, кто наживает свои богатства на эксплуатации других.

На русском языке у Фарли Моуэта вышло несколько книг. Это «Люди оленьего края», «Отчаявшийся народ», «Испытание льдом», «Не кричи, волки!». Для детей им написаны повести — «Собака, которой не могло быть», «Совы в нашей семье», «Затерянные в тундре» и др. Одна из самых интересных его книг — «Проклятие могилы викинга», рассказывающая о приключениях трех мальчиков и девочки в далеких землях канадского

Севера. В этой книге Фарли Моуэт остается верен себе, как человек, глубоко сочувствующий обездоленным. Люди канадской тайги и тундры олицетворяют для него лучшие человеческие черты, а представители власти и деловых кругов, наоборот, как правило, оказываются малосимпатичными и корыстными. Это так и есть на самом деле.

В книге Моуэта мы видим эскимосов и индейцев в их привычной обстановке — в стойбищах и селениях, разбросанных в бескрайних просторах Северной Канады. Они сравнительно мало общаются с так называемым цивилизованным миром.

Но есть и другие эскимосы и индейцы. Они работают на промышленных предприятиях, являются шахтерами, шоферами, грузчиками. Таких индейцев и эскимосов я видел на окраине северного городка на берегу Большого Невольничьего озера — Йеллоунайфе. Дома, в которых живут подлинные хозяева страны, не благоустроены и совсем непохожи на комфортабельные, удобные жилища провинциальных чиновников и служащих компании по добыче золота.

Судьбы малых народов канадского Севера заботят не только Моуэта, но и всех прогрессивных людей этой страны. Но все их усилия — это жалкие попытки изменить судьбу людей, которые самими общественными отношениями, самим капиталистическим строем поставлены в положение второсортных людей.

В университетском городе Саскатуне у профессора Вильямсона, большого знатока эскимосской культуры и языка, я видел двух эскимосских юношей, которых на свои средства учил и содержал профессор, чтобы они могли поступить в университет. Ибо образование для эскимосов и индейцев построено так, что средняя школа, созданная специально для этих народов, не дает им права поступления в высшее учебное заведение.

В то время, когда я был в Канаде, в 1967 году, там училась в университете только одна студентка-эскимоска — Мери Карпентер. Для того чтобы поступить в высшее учебное заведение, ей потребовалась помощь нескольких благотворительных организаций, влиятельных писателей и журналистов, среди которых, конечно, был и Фарли Моуэт.

Моуэт много читал и слышал о том, что судьба народов, родственных эскимосам и индейцам Канады, в Советском Союзе сложилась совсем иначе. Он мечтал приехать в нашу страну и лично познакомиться с теми успехами, о которых он читал и слышал. В 1966 году на теплоходе «Александр Пушкин» Моуэт прибыл в нашу страну, чтобы проделать огромное путешествие по северным окраинам Советского Союза.

Еще в Ленинграде Фарли Моуэт познакомился с новой жизнью малых народов Севера. Он был гостем студентов Северного отделения педагогического института имени Герцена, где учатся представители всех малых народов нашей страны — от далекой Чукотки до Кольского полуострова.

Из Москвы туманным осенним утром мы вылетели в далекий Якутск. Чем дальше на север, тем становилось холоднее. В Якутск мы прибыли в начале ноября, когда там уже трещали тридцатиградусные морозы. Тем не менее на демонстрацию в честь годовщины Октября Фарли Моуэт вышел в клетчатой шотландской юбочке, которую он надевает в самых важных случаях, когда хочет выразить свое искреннее уважение.

Фарли Моуэт с интересом осматривал город, знакомился с искусством и литературой якутского народа.

Из Якутска путь лежал далеко на север, в устье Колымы, где находится северный Нижне-Колымский район. Именно здесь и встретился Фарли Моуэт с представителями малых северных народов — чукчами и юкагирами, охотниками и оленеводами. Мы были в школе-интернате, в детских садах, в больнице и совершили полет на вертолете в глубину колымской тундры, в оленеводческое стадо.

После отъезда на родину Моуэт очень много выступал по радио и телевидению с рассказами о нашей стране, написал несколько статей для канадских и американских журналов.

Когда я был у него осенью 1967 года, Фарли Моуэт говорил о том, что не решается написать книгу, так как считает, что еще недостаточно собрал материала и такую большую страну, как наша, с одного взгляда трудно понять.

Вторую поездку Моуэт совершил через три года после первой. Мы сознательно избрали маршрут, почти повторяющий первую поездку.

Мы побывали снова в Якутске, в Иркутске, посетили знаменитые алмазные города Мирный, Чернышевский и с Колымы отправились в Магадан. Там нас пригласили на концерт Государственного чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон». «Это прекрасно! — сказал канадский писатель молодым певцам и танцорам. — То, что вы имеете возможность сохранять вашу культуру, развивать и пропагандировать, — такое может быть только в социалистической стране и невозможно в стране, где господствует капитал!»

После возвращения на свою родину Фарли Моуэт написал большую книгу «Сибирь», в которой рассказал о своих двух путешествиях в нашу страну, о тех грандиозных изменениях,

что произошли в жизни народов и народностей Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Эта книга в течение полугода была сенсацией и разошлась в количестве необыкновенном для такой страны, как Канада, где такого рода книги не очень хорошо покупают. Главные достоинства книги Фарли Моуэта — это правда, искреннее изумление нашими достижениями, дружеское отношение. Нашего друга восхищает героизм советских людей, преобразующих северные пустынные территории, огромные средства, которые вкладываются в промышленное и культурное развитие районов советского Севера. Он много раз повторял мне, что завидует нам, ибо бескрайние пространства его родной Канады и поныне либо остаются неосвоенными, либо отдаются на откуп американским компаниям, которые ведут там хищническую добычу полезных ископаемых.

... Книга «Проклятие могилы викинга» — приключенческая и в то же время познавательная. Обычай, культура индейских и эскимосских племен описаны в этой книге с точностью до тошного научного исследователя. Народы Севера и тайги за многовековую борьбу с суровой природой создали неповторимую культуру, которая помогла им выжить в трудных условиях. Фарли Моуэт отдает дань уважения их подвигу, прекрасно понимая, что в современных капиталистических условиях этим народам приходится очень и очень трудно.

Фарли Моуэт — страстный борец против расового неравенства. Он боролся против фашизма и расизма на полях сражений во время второй мировой войны, и сейчас его перо служит сплочению народов во имя дружбы и мира во всем мире.

Приключения представителя индейского племени кри Эуэсина, эскимосского мальчика Питьюка, племянника белого охотника Энгуса Макнейра — Джейми и сестры Эуэсина, Анджелины, ведут читателя через густые леса Северной Канады, через тундровые пространства к Гудзонову заливу. В испытаниях, совместно преодолеваемых трудностях растет и крепнет дружба представителей трех разных народов, населяющих Канаду.

В этой книге Фарли Моуэт выражает свою сокровенную мечту о том, чтобы все народы, независимо от цвета кожи, от их национальности, жили в дружбе и вместе строили счастливую жизнь для всех. Я уверен, что наши советские школьники с интересом прочтут книгу талантливого друга нашей страны и узнают еще одну страницу в Великой книге народов и народностей, населяющих нашу планету.

Юрий Рытхэу

Глава 1. ШКОЛА СРЕДИ ЛЕСОВ

На открытом всем ветрам льду озера в северной Манитобе, у замерзшего скелета оленя-карибу, нахохлившись, сидели два ворона. Лисицы и волки оставили на этих костях драгоценные кусочки мяса, и вороны угрожающе кружили друг подле друга, а резкие сварливые голоса их далеко разносились в предполярной тишине над озером.

Росомаха, что кралась по мрачному лесу вдоль берега, вскинула тяжелую голову и прислушалась. Крики воронов означали, что поблизости есть еда, и росомаха свернула и пошла по льду на птичьи голоса.

На северном берегу озера, в густом высоком ельнике, принюхивалась к холодному воздуху белая лайка. Она учуяла мускусный запах росомахи, и шерсть у нее стала дыбом. Задрав морду, она вызывающе взвыла. Тотчас вскочили на ноги и еще лайки — добрый десяток — и подхватили ее вой.

Среди деревьев, неподалеку от того места, где привязаны были собаки, уютно примостился низкий бревенчатый сруб, уставясь двумя окнами на озеро Макнейр. В доме этом Энгус Макнейр отложил книгу, которую читал вслух, и подошел

к окну. Минуту-другую он приглядывался к собакам, потом, мотнув рыжей пиратской бородой, обернулся к трем мальчишкам, что выжидающе на него смотрели.

— Нет, ребята. Собаки расшумелись не из-за оленя. Волки, может... а то росомаха. Да вы не горюйте, карибу скоро пойдут назад этой дорогой, и у нас опять будет свежее мясо.

Он уселся в самодельное кресло и продолжал урок.

Энгус Макнейр никак не походил на учителя. Это был рослый, крепкий охотник, с лицом, точно высеченным из камня; в северных краях Канады он жил с тех самых пор, как тринадцатилетним пареньком уехал с Оркнейских островов. Классной комнатой служила хижина Макнейра, с низким потолком, загроможденная всякой всячиной, пропахшая звериными шкурами, что свешивались со стропил. Здесь три дня в неделю Энгус давал уроки. А в остальные дни учитель и ученики обходили свои капканы, которые расставлены были в окружности пятидесяти миль на север, восток, запад и юг.

Энгус читал, а его племянник Джэйми, пристроясь на чурбаке подле железной плиты, слушал. Голубоглазый, с резкими чертами лица и взлохмаченной копной светлых волос, он склонился над лисьей шкурой, распяленной на деревянной раме, и ловко соскабливал с нее тупым ножом остатки мяса.

Рядом с ним, на краю широкой деревянной скамьи, сидел Эуэсин Миуэсин, сын вождя индейского племени кри, которое жило неподалеку, у озера Танáут. Эуэсин был худощавый, смуглый, черноглазый и черноволосый, весь упругий и гибкий, точно силок для кроликов.

Третий «школьник» был, несомненно, самый занятный из этой тройки. Его приветливое скуластое лицо можно было бы принять за азиатское, если б не большие голубые глаза да огненно-рыжие, спадающие на лоб волосы. Звали его Питъюк. Был он сыном бродячего охотника англичанина по имени Фрэнк Андерсон. Однажды зимой, много лет назад, Андерсон отправился за белыми лисами в открытую тундру, к северу от озера Макнейр. Там он встретил женщину из племени эскимосов и женился на ней. Незадолго до того, как у них появился ребенок, Андерсон переходил озеро по уже непрочному весеннему льду и утонул, так что сын его, Питъюк, родился и вырос среди эскимосов.

Книжка, которую Энгус читал сегодня мальчикам, очень их увлекла. В ней рассказывалось о том, как в старину, задолго до Колумба, приплыли в Америку норвежцы. Сегодня утром Энгус читал главу об экспедиции некоего викинга, которая

примерно в 1360 году приплыла в Гренландию, а оттуда, вероятно через Гудзонов залив, — в Северную Америку. Дальше рассказывалось о том, как в 1898 году в Кенсингтоне (штат Миннесота) нашли камень, на котором была вырезана какая-то странная надпись. Оказалось, что это рунические письмена. В древности ими пользовались скандинавы и другие германские племена.

— Когда надпись расшифровали, — продолжал Энгус, — стало ясно, что ее оставили восемь шведов и двадцать норвежцев, которые пустились открывать неведомые земли, лежащие на западе. Надпись рассказывала о том, как однажды они заночевали на острове посреди какого-то озера. Наутро они отправились ловить рыбу, а десять человек остались охранять лагерь. Когда рыбаки вернулись, они никого не застали в живых: все десять их товарищей лежали убитые. Еще десятерых, говорилось в надписи, с самого начала оставили охранять корабль: он стоял на якоре в четырнадцать дней пути от места убийства. Надпись эта была высечена на камне в 1362 году.

Энгус поднял глаза от книги.

— Вот здесь нарисован этот камень со всеми знаками, — сказал он мальчикам. — Смотри-ка, Джейми, а ведь они здорово похожи на те — помнишь, на обломке свинцовой пластинки, которую вы с Эуэсином нашли прошлым летом в тундре? Дай-ка ее сюда, Джейми, сейчас поглядим.

Джейми вскочил на ноги и с полки под стропилами достал обломок свинцовой пластинки размером примерно в пятнадцать квадратных сантиметров. Энгус положил пластинку на книгу, рядом с изображением Кенсингтонского камня. Мальчики тесно обступили его.

— А ведь точно! Знаки такие же. Может, тайник, где вы нашли пластинку, устроили те самые люди, которые вырезали письмена на камне. Эх, вот бы нам прочесть эту надпись, а, ребята?

У Джейми заблестели глаза.

— Если надпись и правда такая же, значит, и все остальное в тайнике тоже норвежское! За такое открытие наверняка большие деньги дадут!

— Деньги, конечно. Только если ваши находки и в самом деле норвежские, они стоят куда дороже денег. Пожалуй, они помогут написать новую главу в истории Америки. В общем, как наступит лето, пойдем к вашему тайнику... Да только идти надо осторожно, не так, как вы тогда ходили.

Джейми и Эуэсин сделали вид, будто им совестно. Они от-

лично помнили то путешествие: оно чуть не кончилось катастрофой. Они отправились в тундру с охотниками племени чи-пеуэв и набрали на загадочный тайник, но слишком на себя понадеялись, отстали от индейцев, на речных порогах потопили каноэ и большую часть снаряжения. Несколько месяцев, пока в тундре свирепствовала зима, им пришлось отчаянно бороться за жизнь. В конце концов им посчастливилось встретить Питьюка с эскимосами его племени, только это их и спасло.

Энгус закрыл книгу и бережно поставил ее на полку: здесь размещалась вся его библиотека — десятка два изрядно потрепанных томов, которые он берег как зеницу ока.

— На эту неделю урокам конец, — сказал он мальчикам. — Я буду стряпать, а вы идите делайте свою работу.

Мальчики выбежали за дверь, а Энгус еще минуту-другую стоял у окна и любовался на них. Питьюк колот березовые поленья, а Джейми и Эуэсин по очереди работали ломом: проби-вали в замерзшем озере прорубь. Энгус смотрел на мальчиков и вспоминал, что привело их в его одинокое жилище.

Джейми приехал к нему три года назад из одного южного канадского города: родители его погибли в автомобильной катастрофе и у него не осталось родных, кроме Энгуса. За эти годы Джейми из хилого, ни к чему не приспособленного маленького горожанина превратился в крепкого подростка, который в предполярном лесу чувствовал себя так же уверенно и свободно, как родившийся здесь Эуэсин.

Эуэсин никогда не бывал южнее Пеликан Нэрроуз, всего в двухстах милях отсюда; там, в школе при миссии, его научили хорошо говорить и читать по-английски. Но Эуэсин жадно тянулся к знаниям, и, когда Энгус Макнейр стал учить Джейми, Эуэсин без труда уговорил своего отца, Альфонса Миуэсина, позволить и ему учиться у Энгуса и прожить у него зиму.

Третий ученик Энгуса, Питьюк, оказался здесь потому, что встретился тогда в тундре с Джейми и Эуэсином. Эскимосы, с которыми кочевала мать Питьюка, благополучно доставили двух спасенных мальчиков на юг. Но, уходя к местам своих кочевий, они оставили Питьюка на попечение Энгуса Макнейра, рассудив, что пора уже мальчику познакомиться с миром его покойного отца Фрэнка Андерсона.

К тому времени как ящик был полон дров, а ведра — воды, у Энгуса поспел обед. Он сварил вкусную похлебку из ячменя, сушеной оленины и жирной свинины. Нарезал хлеб свежей выпечки, налил каждому по кружке крепкого сладкого чая.

Мальчики обедали не спеша, строили планы летнего похода

в тундру, к загадочному каменному тайнику. За этим разговором они могли бы засидеться дотемна — ведь зимний день в тех краях короток, — но Энгус вернул их к действительности.

— Эй, ребята! От разговору мехов не прибудет. Нечего рассиживаться! Вам еще сегодня надо привезти хороший груз шкур. Коли собрались идти к землям эскимосов, понадобятся новые каноэ и всякое снаряжение, а на это нужны деньги.

Энгус первым встал из-за стола, натянул свою огромную парку, оленьи рукавицы и мокасины. Потом взвалил на плечи тюк и пошел к двери, мальчики поспешили за ним.

Джейми непременно хотел отъехать первым, он кинулся к своим нартам (узким саням, которые так любят звероловы), бросил на них свой тюк и мигом отвязал собачью упряжку. У него было три лайки. Двух, маленьких и мускулистых, дал ему дядя. А третью — крупную, белую, по кличке Зуб, — Эуэсин и Джейми нашли в тундре: этот Зуб и еще один пес отстали от эскимосов.

Во дворе поднялся отчаянный шум — выли собаки, кричали ребята. Первым справился с упряжкой Питъюк; он громко, задорно попрощался с товарищами, прыгнул на свои длинные эскимосские сани, и они, кренясь набок, покатали по льду озера к югу. Джейми и Эуэсин чуть замешкались. А когда выехали на лед, упряжки их поначалу шли голова в голову, стараясь обогнать друг друга. Но вот Джейми закричал: «Давай! Давай!» — и его упряжка послушно свернула влево, к восточному краю озера.

Ребячьи упряжки уже мчались во весь опор, а Энгус все еще обстоятельно запрягал своих собак. Глядя, как бешено несутся тобогганы¹ и нарты, он улыбнулся и покачал головой.

— Джульетта, голубка, — говорил он, затягивая постромки на брюхе своего вожака, — видала, какие проворные ребята? Что твои барсуки.

Джульетта заскулила в ответ и натянула постромки, давая другим собакам знак трогаться. Неторопливо, степенно она вывела упряжку на лед, и тобогган Энгуса свернул к северу.

Последний завиток голубого дыма поднялся из старой черной трубы, истаял в небе, и вокруг воцарилась морозная тишина январского дня.

---

¹ Тобогган — сани без полозьев, передок загнут, вместо бортов натянута шкура или береста. Канадские индейцы перевозят на них грузы.

Глава 2. ХОЛОД, КОТОРЫЙ УБИВАЕТ

Следующие четыре дня, пока Энгус и мальчики объезжали капканы, безмолвие дома нарушалось лишь резкими криками соек, слетавшихся на отбросы. Только под вечер четвертого дня из трубы к голубому, чуть затуманенному небу вновь поднялся дым. Перед дверью дома в свежесвыпавшем снегу стояли нарты Эуэсина, а собаки, уставшие от последнего тридцатимильного перехода по рыхлому снегу, тяжело дыша, развалились подле своих бревенчатых конурок. Эуэсин гнал их вовсю: он непременно хотел вернуться первым. Но едва у него успел закипеть чайник, как на пологий берег озера стремительно влетела упряжка Джейми.

— Ты что это как долго? — насмешливо спросил Эуэсин.

Джейми не ответил. Посвистывая, он привязал вожака к дереву и снял с нарт что-то большое и темное. Потом подошел к дому и небрежно бросил свою ношу к ногам Эуэсина.

Тот присел на корточки и недоверчиво на нее поглядел.

— Илька! — восхищенно воскликнул он, поглаживая прекрасный темный мех. — Я такую видел только раз в жизни. Где ты ее взял, Джейми?

— В куньем капкане, в ельнике, у моей избушки, где я ночевал вторую ночь. Наверно, там их полно. Да только они не всякому даются, тут нужно уменье.

Но Эуэсин не попался на эту удочку: он не мог оторвать глаз от ильки. Ведь куница илька — одно из самых редких млекопитающих в здешних местах, и притом самое ценное. Эуэсин торжественно внес ее в дом и положил на стол: тут можно будет рассмотреть ее всю — от острой, совсем как у ласки, мордочки до великолепного пушистого хвоста.

На дворе снова залаяли собаки. На сей раз они возвещали о прибытии Питьюка. А в сумерки вернулся и Энгус.

Поездка у всех была удачная. Питьюк привез двух лис, куницу, трех горностаевых ласок и норку. Эуэсин — двух норок и двух красных лисиц. Энгус, у которого был самый большой участок, привез трех лис, двух норок, ласку и выдру. У Джейми, кроме ильки, оказалась еще только красная лисица, но илька одна стоила едва ли не всей сегодняшней добычи.

После ужина зажгли керосиновые лампы, и все принялись за работу. Снимали шкуры, чистили их, распяливали, а тем временем рассказывали друг другу, что интересного произошло с ними за эти дни. Эуэсин рассказал о том, как, расставляя капкан, ступил одной ногой на тонкий лед, провалился — при-

плось поскорей развести костер и сушить мокасина, чтобы нога не заледенела окончательно. У Джейми в одной избушке побывала росомаха и съела все припасы, так что пришлось довольствоваться белой куропаткой, которую он подстрелил из ружья. Питьюк повстречался с двумя индейцами-чипеуэями: с зимней стоянки в лесах у озера Кэсмёр они держали путь на юг, к фактории на озере Оленьем. Но самая интересная новость была у Энгуса: он видел свежие следы карибу.

Как всегда, ранней осенью началось передвижение оленей-карибу, они ушли из тундры и укрылись в лесах. Но главные стада миновали озеро Макнейр всего за какую-нибудь неделю, свернули на запад и скрылись. Однако, судя по словам Энгуса, выходило, что они сделали круг — прошли на север, на восток — и теперь снова двигаются на юг. Известие это взбудоражило всех: ведь вот уже три месяца они ели только кроликов да куропаток, другого свежего мяса на озере Макнейр не было.

Потолковали об оленях, и Энгус вновь заговорил о встрече Питьюка с чипеуэями, или, как сами они себя называли, эл-дэлями (слово это означает «едоки оленины»).

— Зачем они двинулись на юг в такую неподходящую пору? — рассуждал он вслух. — Они тебе не сказали, Питьюк?

Питьюк покачал головой:

— Я по-ихнему не говорю. Да только видно: они очень голодный и спешил здорово. На нарты никакой мех нет, и у собак живот подвело.

— Чудной народ эти чипеуэи, — задумчиво продолжал Энгус. — Стараются жить, как жили их предки сто лет назад, а ведь теперь так уже не проживешь. В прошлом году они чуть не перемерли с голоду, а сейчас, может, у них дела и того хуже. Да, к нам Альфонс Миуэсин собирается. Я остановился у Танаутского озера, хотел его повидать, а он в это время объезжал свои капканы. Твоя мать, Эуэсин, сказала, он скоро нас навестит — верно, хочет знать, как твои успехи в ученье.

Альфонс Миуэсин появился еще раньше, чем его ждали. На завтра в час обеда собаки возвестили о приезде гостя, и через несколько минут на пороге встал высокий сухощавый вождь племен кри. Под мышкой у него был какой-то узелок, завернутый в оленью шкуру. Еле сдерживая улыбку, он протянул этот небольшой сверток Питьюку.

— Моя дочка Анджелина думает, эскимосы не умеют шить хорошие сапоги, — объяснил он. — Вот она тебе и посылает...

В свертке оказались две пары прекрасно сработанных лосевых мокасин, искусно расшитых красными, зелеными и золо-

тыми бусами. Питъюк очень смутился, он держал в руках мокасины и не знал, что сделать и что сказать.

— Ну, Пит, попался! — весело воскликнул Джейми. — Уж если девушка кри шьет парню мокасины — тут ему и конец. Правда, Эуэсин?

Эуэсин важно кивнул:

— Верно. Моя сестра еще никогда никому не шила мокасины. Теперь буду следить за тобой в оба, Питъюк. Я ведь ей брат, помни!

Питъюк, весь красный, растерянно обернулся к Эуэсину, натолкнулся на его суровый взгляд и крикнул в отчаянии:

— Меня зачем ругаешь? Я слова с ней не сказал.

Мученьям Питъюка положил конец Альфонс — он отвернулся от смущенного парнишки и заговорил с Энгусом:

— Вчера утром я проезжал стойбище едоков оленины на Кэсмирском озере; там женщины причитали по покойнику. Я хотел пойти в чумы, но старый вождь Деникази остановил меня, сказал, что на них напала болезнь и уже есть мертвые. Все больные; только он сам да несколько стариков здоровые и еще охотники Пенъятци и Мэдис. Этих двух он послал на юг, к белым людям за помощью.

Лицо Энгуса омрачилось:

— Плохие вести. А что у них за болезнь, ты знаешь?

— Легкими они болеют. Сперва горят в жару, а потом коченеют и умирают.

— Тогда и сомневаться нечего, — пробормотал Энгус. — Это грипп, дело ясное. Видно, подхватили, когда ездили на рождество в миссию. — Он вскинул голову и спросил с тревогой: — А как твое племя, Альфонс? Тоже есть больные?

Альфонс помотал головой.

— Мои все здоровые. И я послал Деникази двое саней с вяленным сигом, а то у них есть нечего.

— Да, знаю, ты всегда готов помочь, — сказал Энгус и положил руку на плечо друга. — Но пускай твои люди больше к ним не ездят. Я позабочусь, чтоб они не голодали. Для белых грипп не так страшен, для индейцев он опасней. А у меня хорошие вести. Олени идут на юг. Капканы наши подождут. А ты давай нам в помощь несколько твоих охотников, и мы с ребятами заготовим мяса для племени Деникази.

Весть, принесенная Альфонсом, круто изменила жизнь мальчиков. И объезд капканов, и уроки были отставлены. На другое утро все трое отправились к северо-востоку от озера Танаут, в те места, где Энгус видел олени следы, а Энгусу

предстояло одному объехать все капканы и собрать всю добычу. Энгус велел гнать собак без роздыха, а когда ребята настигнут стадо, охотиться два дня и убить как можно больше оленей. Потом пусть нагрузят нарты, все, что не поместится на них, спрячут понадежней и едут к стойбищу едоков оленины. Он будет их ждать неподалеку и переправит мясо больным сородичам Деникази.

Первого оленя мальчики повстречали на южном берегу Кэсмирского озера, но, помня наказ Энгуса, поехали дальше, на северо-восток, по реке Кэсмир, пока не оказались среди кочующих оленьих стад.

Они раскинули лагерь и два дня охотились на карибу, которые во множестве сошлись там у несчетных мелких озер. Двое мальчиков прятались, держа ружья наготове, а третий выезжал на своей упряжке на лед и гнал перепуганных оленей напрямик на засаду.

К концу второго дня было убито и готово к отправке десятка два оленей. Наутро молодые охотники двинулись к стойбищу Деникази; тяжело груженные нарты двигались вверх по реке Кэсмир, потом выехали на широкий простор Кэсмирского озера. У северного его рукава к небу поднимались тонкие спирали дыма над чумами чипеуэев, что стояли среди чахлого кустарника подле устья реки Касба.

Энгус встретил мальчиков на льду озера, на дальних подходах к стойбищу: он давно уже с нетерпением их поджидал. Энгус помог им спрятать мясо на крохотном островке — отсюда он сможет переправлять его больным и голодным чипеуэям.

— Быстрее назад, ребята! — распорядился Энгус. — И завтра же возвращайтесь с новым грузом, потому как я решил сам ехать на юг. Торговцы и миссионеры не станут слушать Пенъятци и Мэдиса, а меня, может, послушают. А если и от меня отмахнутся или не смогут помочь, я поеду еще южнее — надо поговорить с властями. Чипеуэям нужны врачи и лекарства. Они очень тяжело болеют, и если мы не остановим эпидемию, она, пожалуй, охватит весь край. Так вот, слушайте! Когда я уеду, вы сгрузите мясо на лед в полумиле от их стойбища. Там кое-кто еще держится на ногах, они приедут за мясом. Вам подходить к чумам нельзя. Но уж если у этих несчастных все станет совсем худо, если все-таки придется идти в их лагерь, туда пойдет только Джейми. Один! Поняли?

... Спустя два дня Энгус отвез последний груз мяса на стойбище чипеуэев. Попрощался с мальчиками и пустился в далекий путь, почти за двести миль, — на ближайшую факторию. А оттуда ему, быть может, придется проехать и еще сто пятьдесят миль — до ближайшего крупного поселения.

Весь конец января и первую неделю февраля мальчики с помощью нескольких охотников-кри трудились в поте лица, добывали пропитание для больных чипеуэев. Они доставляли нарты с мясом, а другие кри возили к становищу дрова.

Но пища и топливо — это было еще не все. Многие едоки оленины так ослабели, что уже не могли ни разжечь огонь, ни сварить еду. Слег и вождь Деникази, и, хотя он еще кое-как выползал из своего чума и отрубал куски сырого мороженого мяса, он тоже день ото дня слабел. С каждым днем среди остоверхих, крытых шкурами чумов было заметно все меньше признаков жизни.

К концу первой недели февраля ребятам стало совсем невтерпеж. Они приняли решение, и в тот же вечер объявили его в чуме Альфонса Миуэсина на озере Танаут. Они молодые, здоровые, доказывали они Альфонсу, уж наверное они не умрут, даже если и заразятся от чипеуэев. Так что решено: они поедут в стойбище и будут ухаживать за погибающими чипеуэями. Не отпускать же туда Джейми одного, горячо доказывали Эуэсин и Питьюк. Спорить с этим было трудно: в одиночку там и в самом деле не справиться.

Альфонс и Мэри Миуэсин, в конце концов, с великой неохотой согласились.

— Мы будем каждый день привозить мясо и топливо, — сказал Альфонс. — Пусть духи крепко держат ваши жизни в своих руках, дети мои.

На стойбище ребята застали невероятную грязь и запустение. Уже много недель ни у кого не хватало сил убирать чумы или хотя бы вынести мертвых. Мальчики переходили из чума в чум и, подбадривая друг друга, делали свою тяжкую и страшную работу. От всего, что открывалось их глазам, лица у них каменели, их мутило, но решимость их не ослабевала. Чипеуэи — их друзья, а на севере ради друга человек готов на все.

Скоро они начали одерживать кое-какие победы в битве с болезнью. Гудящее пламя костров и крепкий мясной бульон прибавили сил тем чипеуэям, кто уже переболел и остался жив. К концу недели больше двух десятков мужчин и женщин перенесли кризис и стали выздоравливать, но почти столько же больных умерли.

У мальчиков совсем не оставалось времени на отдых. Всю ночь напролет — а зимние ночи длинные — двое обходили чумы, поддерживали огонь в очагах, а третий, совсем уже без сил, сваливался и засыпал. И они думали только об одном: когда же наконец подоспеет помощь? День за днем они вглядывались в даль — не появятся ли на другом берегу озера охотники Альфонса? Быть может, с ними приедут наконец Энгус Макнейр и доктор?

Однажды, в конце февраля, Альфонс пригнал на обычное место сани с едой и застал там одного Джейми. Как было условлено с самого начала, мальчик стоял поодаль, шагов за полсотни, и сразу видно было — он совсем измучен, вот-вот свалится в снег.

Альфонс поглядел на Джейми с испугом, но голос почти не выдал тревоги.

— А где остальные? — спросил он.

— Питьюк заболел, — ответил Джейми. — Эуэсин около него. Эуэсин здоров, и я тоже. Когда придет помощь, Альфонс? Неужели от моего дяди все нет вестей?

Красивое бронзовое лицо Альфонса потемнело. Он протянул к мальчику руки, словно в досаде, что их разделяют эти пятьдесят шагов.

— Ты сильный, Джейми, — сказал он. — Так вот, соберись с силами — у меня дурные вести.

— Энгус! — воскликнул Джейми. — Что с ним? Добрался он до Те-Паса?

— Он все сделал, как сказал, сын мой. Вчера вечером из Те-Паса приехал вестник из племени кри, его полиция послала. Он привез тебе письмо от полиции и еще одно известие. Когда Энгус добрался до озера Оленьего, Пенъятци и Мэдис лежали больные. Их палатка стояла в стороне от фактории, и никто к ним не подходил. Твой дядя начал за ними ухаживать. Мэдис выжил, а Пенъятци умер. В фактории Энгус помощи не нашел и поехал дальше. Но болезнь уже сидела у него в легких. В Те-Пас он приехал больной. Его взяли в больницу и сперва думали — умрет. Но он жив, сын мой, жив! И он послал тебе наказ через своих друзей кри. Вот что он велел тебе передать: «Скажите ему, пускай поступает как знает. Он показал себя мужчиной, а мужчина должен сам решать, как ему жить».

Альфонс замолчал и положил на снег плотный конверт. Потом отошел подалее, а Джейми подбежал, схватил конверт, вскрыл и прочел:

18 февраля

Джейми Макнейру

Озеро Макнейр, провинция Манитоба

Уважаемый сэр!

1. Должен сообщить Вам, что Ваш дядя, Энгус Макнейр, положен в больницу в Те-Пасе, у него двустороннее воспаление легких с серьезными осложнениями. По мнению врачей, он пролежит еще много недель, и если вообще сможет вернуться на Север, то не раньше чем через несколько месяцев.

2. Поскольку у него нет средств, его положили в палату для неимущих пациентов.

3. Как нам известно, мистер Макнейр Ваш опекун. Поскольку он сейчас не в состоянии о Вас заботиться, мне предложено довести до Вашего сведения, что Вам надлежит возможно скорее явиться в Виннипéг, в отдел попечительства о несовершеннолетних.

4. Тем самым Вам надлежит приехать в Те-Пас с подателем сего письма, констеблем Питером Моусти. Вышеназванный отдел оплатит Ваш железнодорожный билет до Виннипега.

5. Сообщите, пожалуйста, вождям Деникази и Миуэсину, что управление по делам индейцев обсуждало вопрос об эпидемии и постарается, когда позволят обстоятельства, послать к ним врача.

Сержант Роберт Оуэн,
командир отряда в Те-Пасе

Глава 3. АНДЖЕЛИНА

Джейми дочитал письмо, и его обуяли возмущение и ярость. Кровь отлила от его лица и взгляд стал суровым.

— Ты только послушай, Альфонс! — с горечью воскликнул он и прочел письмо вслух.

Глаза вождя тоже загорелись гневом.

— Значит, пришлют доктора, когда позволят обстоятельства! — сказал он. — Ну, тогда он увидит много могил, лечить будет уже некого. А ты как решил? Что будешь делать, сын мой?

— Останусь здесь! — с жаром воскликнул Джейми. — Скажи

констеблю Моуисти, я буду в чуме Деникази, там пятеро больных чипеуэев. Хочет меня забрать — пускай приходит туда.

— Не горячись, сын мой. Питер Моуисти сам из племени кри. Его не надо бояться. Захочешь, он уедет на юг без тебя. Но только подумай как следует. Сдается мне, полиция пошлет за тобой еще кого-нибудь.

— Тут еще о многом надо подумать, — уже спокойнее ответил Джейми. — Они обращаются с Энгусом как с нищим. Я должен добыть денег, чтобы позаботиться о нем: вдруг он еще долго проболит. В сиротском доме я ничем не смогу ему помочь, а ведь если я поеду в Те-Пас, меня уж наверно засадят в сиротский дом. А если останусь здесь, буду промышлять пушного зверя, и... и потом, есть еще сокровища викинга! За них наверняка дадут кучу денег. И мы все равно пойдем за ними на Север! Это самый лучший выход, Альфонс!

Альфонс подошел ближе, задумчиво кивнул:

— Пожалуй, ты прав, сын мой. Но помни, ты ведь белый. Значит, белые так легко тебя не отпустят. Не забывай, они твой народ.

Джейми сжал кулаки, скомкал письмо, бросил его на лед. И сказал с горьким вызовом:

— Мой народ? Ну, нет! Вы тут можете умирать, а они пальцем о палец не ударят. Нет, Альфонс, это не мой народ!

Альфонс искусно перевел разговор.

— Тебе самому решать, — сказал он. — Дядя написал, чтоб ты сам решал, как тебе поступить. Но вот что: если едоки оленины могут теперь обойтись без вас, лучше бы перевезти Питьюка в вашу хижину — там его легче будет выходить.

Упоминание о Питьюке сразу остудило гнев Джейми:

— Да, правильно. Чипеуэи теперь обойдутся и без нас, лишь бы вы привозили им мясо и топливо. А Питьюк совсем больной.

На другое утро, когда Джейми и Эуэсин запрягали собак в нарты, из своего чума вышел вождь Деникази. Он был еще слаб, но не сгибался под холодным ветром. Молча смотрел он, как друзья осторожно положили Питьюка, который от жара почти потерял сознание, на нарты Эуэсина и укутали оленьими шкурами. Только после этого Деникази кашлянул, чтобы привлечь их внимание, и, даже не глядя на них, пробормотал несколько слов.

— Что он сказал? — спросил Джейми: он не понимал языка чипеуэев.

— Сказал: мы будем здесь, — перевел Эуэсин.

— Вот так благодарственная речь за все наши заботы!

Эуэсин пронзительно взглянул на друга, и его всегда мягкий голос зазвучал сурово:

— Иногда мне кажется, ты совсем нас не знаешь, Джейми. Зачем нужны длинные речи? Что значат слова Деникази? Что пока в краю этом есть чипеуэи, у нас всегда будут друзья. Разве этого мало?

Джейми смущенно вертел в руках постромку.

— Прости, Эуэсин, — пробормотал он. — Скажи ему, что мы рады были помочь.

— А зачем говорить, Джейми? Он и так знает. Поехали.

Несколько минут спустя мальчики обернулись — старый вождь все стоял и смотрел им вслед. Лишь когда они отъехали так далеко, что едва могли его разглядеть, он повернулся и медленно пошел к неровному ряду чумов, крытых оленьими шкурами. Многие чумы стояли теперь пустые, открытые всем ветрам, а те, кто поставил их, безмолвные и застывшие лежали под тяжелым покровом снега и ждали весны, когда земля оттает и примет их, и они обретут наконец вечный покой.

К обеим своим упряжкам мальчики подпрягли собак Питъюка и теперь во весь дух мчались домой. Боясь заразить индейцев кри, они далеко объезжали стойбища на озере Танаут, но почти все кри выходили из чумов и издали махали им и кричали. Едва стемнело, нарты подкатили к озеру Макнейра.

Джейми и Эуэсин думали, что заброшенный на столько недель дом встретит их запустением и холодом. Но что за чудеса — окна приветливо светятся! Ребята быстро оглядели двор — нет, ни нарт, ни собак не видать. Что же это значит? Ведь они уговорились, что не будут общаться с кри, пока Питъюк окончательно не выздоровеет. А кто еще, кроме кри, мог зайти в их жилище?

Ответа долго ждать не пришлось. Собаки втащили сани со льда озера на берег, отрывисто залаяли — и тотчас дверь распахнулась. На пороге появилась девушка. В руке она держала керосиновый фонарь. Он освещал ее миловидное лицо, и яркие отблески дрожали на ее длинных черных волосах.

— Анджелина! — поразился Эуэсин. — Что ты здесь делаешь? Сейчас же уходи. Мы привезли Питъюка, он больной. Нам надо внести его в дом. Хватай свои вещи и уходи!

— Вносите его скорей, — спокойно ответила сестра. — В доме все готово. На плите горячий суп. И не командуй мной. Мама позволила мне приехать, и отец сам привез меня сюда.

Скорей несите Питъюка. Что вы стоите, будто к месту примерзли?

Мальчики, изумленные до немоты, покорно внесли Питъюка в дом. Его переодели, уложили на койку, накормили горячим бульоном и, лишь когда он забылся тяжелым, лихорадочным сном, приступили к Анджелине с расспросами. Она же мыла посуду, кипятила воду и не спешила отвечать: она чувствовала себя хозяйкой положения. Только когда Эуэсин перестал покрикивать на нее, как на маленькую, и взмолился — да объясни же наконец, что все это значит! — она с улыбкой обернулась к мальчикам и все им рассказала.

— Ты забыл, Эуэсин, а ведь когда я училась в школе при миссии, там была эта болезнь. Я тоже заболела, но скоро все прошло. Когда отец сказал, что вы везете больного Питъюка, я спросила: а кто ж за ним будет ухаживать? И мама поняла. Отец согласился и сегодня утром привез меня сюда. Хорошо, что я здесь. Поглядите-ка на себя! Медведь и тот выгнал бы вас из своей берлоги — от вас ужас как разит! Вот горячая вода, вот чистая одежда. Если хотите ночевать в доме, а не за дверью, с собаками, тогда мойтесь!

Народам Севера не знакома ложная стеснительность, и

Эуэсин покорился неизбежному довольно кротко. В два счета скинул он с себя грязную одежду и, блаженно вздыхая, стал мыться обжигающе горячей водой.

Но Джейми вырос в городе, и он просто не мог последовать примеру Эуэсина. Под конец он взял бадью и пошел в неотапливаемую пристройку, где хранилось все, чему не страшен мороз. Никто не сказал ему ни слова, когда он выходил на холод, но, когда он, окутанный горячим паром, весь дрожа, мылся в пристройке, из-за стены явственно донеслось хихиканье, и Джейми невольно покраснел от досады.

— Проклятая девчонка... — проворчал он, стараясь, однако, чтобы за стеной его не услышали. — Принесла ее нелегкая!

Но час спустя, когда он улегся на свою койку чистый, в чистых трусах и рубашке, которые днем постирала Анджелина, злости поубавилось. А когда Анджелина принесла ему кружку кофе и взяла его мокасины, чтобы починить истершиеся подошвы, он даже почти дружелюбно поблагодарил ее.

Питьюк и в самом деле тяжело хворал, и долгий переезд в санях, конечно же, не пошел ему на пользу. Жар держался у него еще несколько дней. Все это время Анджелина ухаживала за ним на редкость заботливо и внимательно. А Джейми и Эуэсину она спуска не давала. Правда, она досыта кормила их, тщательно починила изорванную одежду, зато задавала такую работу, за которую без нее они нипочем бы не взялись. Им пришлось отскрести грязь со стен и пола. Она уговорила Джейми, и он целый день мастерил и прибивал новые полки, чтобы было где аккуратно уложить одежду и всякую утварь, раскиданную по всему дому. Она послала Эуэсина ставить капканы на кроликов: для больных нет ничего лучше кроличьего супа, объяснила она.

Да, Анджелина крепко забрала ребят в руки, она никогда не повышала голоса, никогда не командовала. Говорила всегда кротко, спокойно, с улыбкой — и, однако, оставалась непреклонной в своих требованиях. Джейми был совершенно сбит с толку. Почти все время он в душе негодовал — чего ради она им навязалась? — но в минуты, когда решался быть откровенным с самим собой, бывал благодарен ей за то, что она так заботится о Питьюке и этим облегчает бремя, которое иначе пришлось бы нести ему с Эуэсином вдвоем.

Анджелина строго спрашивала с мальчиков, но и старалась дать им отдохнуть и набраться сил после испытаний, которые выпали на их долю в становище чипеуэев. Стряпать и ходить за больным было ей не в новинку: она приучилась к этому и

дома и в школе. Но в доме Макнейра она чувствовала себя хозяйкой и все хлопоты доставляли ей огромное удовольствие (хоть она и старалась его не выдать). Притом она, конечно, замечала, что Питьюк, чьи силы прибывали день ото дня, смотрит, как она хозяйничает, с нескрываемым восхищением.

Эуэсин очень быстро примирился с присутствием сестры. Он хорошо ее знал и не хотел зря тратить время и силы на сражения с ней. Притом он понял, что она им здесь неоценимая помощница, втайне этому радовался и гордился ею.

Однажды, примерно через неделю после возвращения в дом Макнейра, Эуэсин и Джейми рубили дрова и толковали о том, в какую беду попал Энгус и как бы ему помочь.

— Питьюку уже гораздо лучше, — сказал Эуэсин. — Анджелина теперь и одна за ним приглядит и с хозяйством управится, а нам пора заняться капканами. Зимний мех сейчас еще очень хорош, и вот-вот подойдет время ондатры и бобра. Скоро мой отец поедет на юг, в факторию, — расплатится там с зимними долгами и запасется снаряжением для весенней охоты. Давай пошлем с ним наши меха. Он купит нам все, что нужно, — и поехали в тундру!

Джейми просиял. Его давно уже мучили мысли о будущем и о том, что дядю держат в больнице из милости, как нищего, и непременно надо как-то раздобыть для него денег.

— Верно, Эуэсин. Пора проверять капканы. Ты будешь объезжать свой участок, я — свой, а участок Питьюка поделим, пока он сам не станет на ноги. Может, мы и часть капканов Энгуса тоже сумеем объезжать. У нас уже немало мехов и до тепла еще сколько-то добудем, так что отправим на продажу хороший груз. Самые лучшие меха пошлем прямо в Те-Пас. Там хороший скупщик. Энгус ему доверяет: он их продаст и постарается, чтобы у Энгуса были деньги.

Так и порешили и наутро распрощались с бледным, исхудалым Питьюком, который все еще не вставал с постели.

Анджелина помогла брату и Джейми нагрузить сани, проводила их. Когда они, проголодавшись, сделали первый привал, оказалось, что Анджелина наготовила им пончиков, мороженой тушеной оленины и пресных лепешек с сушеной голубикой, которые на Севере заменяют хлеб, — их делают из муки, замешанной на воде с щепоткой пекарного порошка, и жарят на оленьем жире. Так вкусно и сытно они не едали в своих походах уже много месяцев, и Джейми поймал себя на том, что не без удовольствия думает о черноволосой девушке с блестящими глазами, которая ждет их в доме на озере Макнейр.

Глава 4. В БЕГАХ

В середине марта Питъюк наконец поднялся с постели. Когда Джейми и Эуэсин, объехав все свои капканы, вернулись домой, там их ждали Альфонс Миуэсин и еще четверо кри. Они направлялись на юг, в факторию, и заехали к мальчикам узнать, не надо ли им чего. Альфонс охотно согласился захватить с собою их меха и привезти взамен необходимое снаряжение и припасы: мальчики заранее подготовили для него длинный список. Все плотно поужинали жареной олениной, которую приготовила Анджелина (при отце и других взрослых мужчинах Анджелина двигалась по дому тихая и незаметная, как тень), а потом Альфонс поднялся из-за стола и начал рассматривать меха.

— В факторию хорошие меха не повезем, — сказал он. — Там платят мало, у них и на плохой мех, и на хороший одна цена. Я самые лучшие меха, как начнется лето, повезу в Те-Пас. Мы вернемся через две недели и привезем все, что вам надо. На обратном пути заберем Анджелину. — Он чуть помолчал и взглянул на Питъюка. На лице его в эту минуту ничего нельзя было прочесть. — Она вам, верно, уже надоела своей ленью и болтливый языком.

Питъюк, нетерпеливый и горячий, не успев подумать, кинулся защищать Анджелину:

— Ничего она не ленивый! И много не говорит. Она очень даже добрый, хороший...

И вдруг, увидев, что лица пятерых мужчин расплылись в улыбке, осекся на полуслове. А сама Анджелина так грохнула кастрюлей об плиту, что слетела крышка, мигом выбежала из дома и с треском захлопнула за собой дверь.

— Да ладно, пускай живет с нами, — сказал Джейми, улыбаясь во весь рот. — Уж как-нибудь стерпим. Не то Питъюк совсем расстроится.

— Нет, лучше заведи ее домой, отец, — возразил Эуэсин. — А то Питъюк все будет болеть да сидеть дома и на промысел никогда не пойдет. А ведь чудно: дрова-то он колет и воду носит — на это у него сил хватает.

Этого Питъюк стерпеть не мог: вне себя он вскочил, одной рукой обхватил за шею Джейми, другой — Эуэсина.

— Да, — сердито крикнул он, — сейчас столкну вас лбами, тоже и на это есть сил... Вот!

И он так их стукнул, что оба завопили от боли, а мужчины громко захохотали.

Альфонс подошел к двери, кликнул дочь. Когда она нехотя вошла в круг света, он потрепал ее по плечу, приподнял подбородок своей большой рукой, заглянул ей в лицо и сказал:

— Ты поистине дочь своей матери, а она хорошая женщина. Ты не побоялась прийти в дом болезни — это хорошо. Никто над тобой не смеется. Хочешь оставаться и если они тоже хотят, оставайся. Мужчинам тяжело делать их собственную работу и еще женскую тоже.

Наутро пятеро охотников двинулись на юг, увозя с собой большой груз мехов и обстоятельное письмо, которое Джейми написал дяде. Жизнь в доме Макнейра начала входить в колею — Питьюк скоро уже совсем стал на ноги и принялся объезжать свои капканы; теперь они с Джейми разделили между собой участок Эуэсина, чтобы Эуэсин мог заняться участком Энгуса, самым большим и расположенным севернее других.

Никогда еще мальчики не охотились так много и усердно. Они редко задерживались дома больше чем на день; выспятся, вволю и вкусно поедят, снимут шкуры с добытой дичи — и снова на охоту. Счастье, долгие месяцы изменявшее жителям этого северного края, снова им улыбнулось. Теперь каждый новый день неизменно приносил богатую добычу. В капканы попадалось немало куниц и лис, но больше всего повезло Питьюку: он поймал черно-бурую лисицу.

Мальчики редко собирались в доме все вместе, не часто им удавалось поговорить, не было времени строить планы на будущее и даже просто подумать. Изредка Джейми спрашивал себя: как-то власти отнеслись к его отказу приехать?.. А в общем, мысль эта не слишком его тревожила.

Но вот однажды в конце марта, возвратясь после обхода капканов, Джейми застал дома Альфонса и его спутников. Все вместе сели обедать, только Эуэсин еще не вернулся. За едой Альфонс рассказал Питьюку и Джейми, как шла торговля.

— Начальник фактории удивился, что у нас столько мехов и мы можем купить так много всякого товара. Но он, конечно, не знает, что тут большая часть для вас и для вашего путешествия в тундру. Да только и он, и священник из миссии много спрашивали про тебя, Джейми. А когда мы уезжали, священник сказал, чтобы мы, кри, не прятали тебя, не то не миновать нам беды от полиции. Но мы не боимся. Только вот что он сказал плохое. Сказал, полиция будет тебя искать, пошлет патруль на собаках, а не найдет тебя патруль — прилетит самолет, который может на лед садиться.

Страх клещами сжал сердце Джейми.

— Патруль на собаках может застать врасплох. А самолет возьмет да и сядет прямо перед нашим домом. Меня наверняка схватят. Что же делать? Как ты посоветуешь?

Вопрос был обращен к Альфонсу, но ответил Питьюк:

— Что делать? Уезжать нам надо. Уйдем на север от кри, на озера и болота. Верно говорю? Там бобра, ондатры много. Там на тукту охотиться будем, на олень. Зиме скоро конец. В палатка жить будем.

— Верно говоришь, Питьюк, — сказал Альфонс. — Если на Север поедете, мы сумеем предупредить вас, когда придет полиция. Они сперва здесь искать будут. Потом к нам приедут. Кри им мало скажут, а что и скажут — не больно им поможет. — Тут Альфонс принялся набивать свою самодельную трубку. — Только зачем вам в палатках жить? На Кэсмирском озере стоит дом Кэсмира. Кэсмир был великий вождь, хоть он и элдели. Дом построил большой, на высоком холме, окон много — чтоб видеть на много миль, кто по его стране ходит. А когда умер, никто не стал в том доме жить; изо всех чипеуэев он один под крышей жил. Деникази, наверно, позволит вам поселиться в том доме. Я поеду к нему на стойбище, спрошу. Вот Эуэсин вернется, собирайте все, что надо, да поезжайте на Север.

На другое утро Альфонс уехал, а когда днем возвратился Эуэсин, в доме все было вверх дном. Большую часть припасов и снаряжения, которые понадобятся для весенней охоты и для путешествия в тундру, уже увязали в тюки; осталось только погрузить их на тобогганы и нарты. Альфонс, верный своему слову, получил для мальчиков разрешение поселиться в доме Кэсмира и послал им в помощь двоих людей своего племени с собачьими упряжками.

Джейми так боялся, что вот-вот нагрянет полицейский патруль, так ему не терпелось поскорей унести ноги, что он даже не мог толком объяснить ошеломленному Эуэсину, из-за чего такой переполох. Но скоро Эуэсин и сам все понял, горячо взялся помогать, и в тот же день после обеда все было готово. Собачьи упряжки двинулись в путь. В сумерках добрались до стойбища кри на Танаутском озере, там и заночевали. Наутро заспешили дальше и, наконец, на восточном берегу Кэсмирского озера, на гребне холма, увидели дом Кэсмира.

Замечательный это был дом — бревенчатый, и бревна не уложены, а поставлены стоймя; к тому же в нем было целых три комнаты. В каждой стене — по два окна, а так как дом стоял высоко на безлесном холме, выше окружающих холм де-

ревьев, то из окон видно было все окрест миль на восемь, а то и на десять.

Собаки с трудом втащили в гору тяжело нагруженные сани.

— Нелегко будет возить воду из озера, — сказал Эуэсин.

И тут мальчики вдруг осознали, что Анджелина, которая в доме Макнейра всегда сама носила воду, все еще с ними.

А она уже успела растопить печку и старательно выметала мусор, скопившийся здесь за годы после смерти вождя Кэсмира.

Джейми озадаченно поглядел на распахнутую дверь дома.

— Она-то чего ради с нами увязалась? Кто ее звал? — растерянно спросил он.

Ответом было молчание. Да, конечно, никто Анджелину не приглашал. Но никто и не запрещал ей поехать с ними. В суматохе поспешных сборов да и в пути Эуэсин и не задумывался, почему сестра с ними. Питьюк все время помнил, что Анджелина здесь, но уж он-то вовсе не собирался напоминать об этом или предлагать, чтобы ее оставили в стойбище кри. Ну, а Джейми только о том и думал, как бы поскорей убраться с озера Макнейр, — ему было не до Анджелины, тем более что она умела не бросаться в глаза.

Эуэсин невесело усмехнулся.

— Что ж, — сказал он, — звали не звали, а она здесь. Если ты знаешь, как от нее избавиться, попробуй. Ну, а по мне пускай остается — кому-то все равно надо стряпать, а она хотя бы не отравит нас, не то что вы оба, когда приходит ваш черед готовить еду. — Он лукаво глянул на Питьюка. — Что скажешь, Питьюк? Разве плохо, если можно посидеть и отдохнуть, а хлопчет пускай кто-то другой?

— Что скажу? Скажу — оставляйте бедный девчонка в покое, не то возьму опять да как стукну лбами.

— «Бедная девчонка»! — фыркнул Джейми. — Да она обвела вас обоих вокруг пальца! Но я в меньшинстве, так что пускай пока остается.

Анджелина словно бы не подозревала, что за порогом в эти минуты идет жаркий спор о ней. Но, подметая, она тихонько улыбалась.

Они хорошо сделали, что переехали, и причин на то было несколько. В доме Кэсмира они могли не опасаться, что полиция нагрянет к ним неожиданно; к тому же вокруг простирались отличные охотничьи угодья. Земли эти принадлежали чипеуэям, но те из них, кого не унесла болезнь, так ослабели, что промышлять зверя этой весной им было не под силу.

Дня через три после того, как мальчики и Анджелина устроились на новом месте, их навестил вождь Деникази. Поначалу старик сказал только, чтоб спокойно пользовались и этим домом, и землями чипеуэев. В ответ (это придумал Эуэсин) мальчики пообещали отдавать чипеуэям четверть добычи ондатры и бобра — они ведь хорошо понимали, как сейчас нуждаются чипеуэи. Если Деникази и был благодарен, он ничего не сказал им прямо.

— Когда месяц народится, поедете на Север, в тундру? — спросил он. — Каноэ белых не берите. Нехорошие. Тяжелые очень. У элдели каноэ берите. Я сказал.

— По-моему, это значит, он хочет дать нам чипеуэйские каноэ, — объяснил Эуэсин, переведя слова вождя. — Если так, нам повезло. Их каноэ самые лучшие во всем северном крае. Они из бересты. Маленькие, легкие.

— Слушай, Эуэсин, — сказал Джейми, — скажи ему про полицию, что меня искать будут. Пускай знает. Вдруг полиция через эти места поедет!

Эуэсин перевел слова Джейми; суровое лицо старика неожиданно осветилось чем-то вроде усмешки. Он вдруг разразился длинной речью:

— Говорят, белая полиция, они знатные ездоки. У-у! Да только где им с моими равняться. Они по широким дорогам ездят, по большим рекам и озерам. А мои такими дорогами ездят, какие один олень видел. Элдели покажут вам тайные пути, и пускай тогда белые люди вас ищут. Состарятся, зубы потеряют, а никого не отыщут, одних чаек да белок. У-у! Я для них обманных следов понаделаю, как матерый волк.

Настал апрель. Он принес с собой первые признаки оттепели, что начнется в мае. Горячей грело солнце, длинней становились дни. Ребята расставили на болотах и топях капканы; вскоре дом Кэсмира украсили гирлянды из ондатровых и бобровых шкурок. Снова жизнь вошла в колею. Сейчас мальчикам приходилось не так трудно, как зимой: участки, на которых они расставили капканы, были куда меньше. Теперь хватало времени и на то, чтобы поболтать, даже чтобы изредка навестить своих старых приятелей кри на озере Танаут. Кри все время были настороже, но до сих пор не подметили ни единого знака, что в их краях появились чужаки.

Чем ближе подходило время весеннего таяния, тем меньше мальчики боялись полицейского патруля. Они знали, что с середины мая до середины июня, в пору, когда вскроются реки и подтает лед на озерах, с юга никому сюда не добраться ни

на собаках, ни на лодках. А к тому времени, как реки очистятся от льда, ребята уйдут уже далеко на север и им не страшны будут никакие преследования.

Но Джейми нашел новый повод для беспокойства. Несколько раз Питьюк ухитрялся обойти свои капканы куда быстрее товарищей, причем приносил меньше ондатры. И в этих случаях, когда Джейми и Эуэсин возвращались домой, оказывалось, что Питьюк с удовольствием хлопочет по хозяйству, занимается каким-нибудь чисто женским делом. Однажды он, повязавшись вместо фартука старым мешком из-под муки, перетирал вымытые Анджелиной тарелки. В другой раз нес с озера две большие корзины мокрого белья: он развел на берегу костер и кипятил воду в баке, чтобы Анджелина стирала тут же, а не таскала воду наверх.

Эуэсин начал было его поддразнивать, но всегда добродушный Питьюк сразу мрачнел, обижался, и Эуэсин в конце концов оставил его в покое. Зато чем дальше, тем больше тревожился Джейми. Ведь если Питьюк стал вздыхать по Анджелине, это, пожалуй, помешает летнему путешествию в тундру, а Джейми готов был на все, лишь бы поездка состоялась.

Через несколько дней после того, как Питьюка застигли, когда он помогал Анджелине со стиркой, мальчики собрались на озеро Танаут — навестить кри и запастись новыми лосевыми мокасинами. Джейми решил про себя, что на Кэсмирское озеро они вернутся без Анджелины, но он не принял в расчет ее чутье. Она наотрез отказалась ехать с ними: ей, мол, столько надо чинить одежды, столько стряпать, нет, она никак не может поехать... Ничто, даже трогательные уговоры Питьюка, не заставили ее передумать. В конце концов мальчикам пришлось ехать без нее, но Джейми порядком разозлился.

Они сделали привал у все еще покрытых льдом Кэсмирских порогов, стали кипятить воду, чтобы напиться чаю. Вдруг Джейми не выдержал:

— Слушайте. Май ведь уже. Через неделю, ну, через две надо ехать на Север. Пора нам отделаться от Анджелины. Раньше, в доме Макнейра, она и правда помогала, а теперь от нее одна помеха. Девчонка уже вообразила, будто она с нами на равных. Она еще и на Север захочет с нами ехать.

Эуэсин постарался успокоить друга:

— На Север ей с нами никак нельзя. Мы все это знаем. А если она побудет в доме Кэсмистра, пока мы не уедем, — что плохого? После приедет отец и заберет ее.

— А вот что плохого! — вне себя закричал Джейми. — Этот

олух, — он показал на Питъюка, который склонился над котелком с чаем, — совсем из-за нее спятил. Дела не делает, капканы забросил, бродит, будто пьяный, толку от него чуть. А на Север поедem, так он и вовсе голову потеряет.

Эуэсин от такого взрыва ярости совсем растерялся. Питъюк же вскинулся, точно от удара ножом. Он выпрямился, повернулся к Джейми.

— Ты мне друг, — отдельно сказал он. — Теперь изменил. Анджелина мне друг тоже. Она не изменил, как ты. Ты мне теперь враг, тогда и я стану тебе враг. Драться хочешь — буду драться.

Джейми вскочил.

— Да ты что, сдурел?! Тебя уму-разуму учить надо!

Эуэсин и моргнуть не успел, как они кинулись друг на друга. Это была борьба без правил, самая обыкновенная драка. Они сцепились намертво, повалились в снег, перекатились через костер, расплескивая чай, разбрасывая уголья. Джейми вцепился Питъюку в волосы и старался ударить его головой оземь, а Питъюк обхватил его поперек туловища ногами и сжимал изо всех сил.

Эуэсин прыгал вокруг дерущихся, пытаясь ухватить их, растащить, но безуспешно — они катались по земле и рычали, словно дикие звери.

Вдруг Эуэсин отступил от них, насторожился, озадаченно поглядел на юг.

— Да бросьте вы! — крикнул он. — Бросьте! Тише! Слушайте! Что там за шум?

Его тревожный, властный окрик отрезвил дерущихся. Они расцепились, сели. У Питьюка была рассечена скула, лицо в крови. На миг все трое замерли, и вдруг Джейми закричал:

— Собаки! Скорей собак и нарты! Надо прятаться! Скорей, черт возьми! Это самолет!!!

Глава 5. БЕГСТВО НА СЕВЕР

К счастью, собак не успели распрячь, трое перепуганных мальчишек мигом вскочили в сани и понеслись к густому темному ельнику, до которого от замерзшей реки было рукой подать. Костер уже погас, предательский дымок не поднимался над стоянкой, но все равно Эуэсин кинулся из лесу обратно и забросал черное кострище снегом. Едва он успел вновь укрыться под деревьями, как глухое завывание, что насторожило его, перешло в грозный рев.

Мальчишки скорчились подле собак, со страхом глядя сквозь ветви на оснащенный лыжами одномоторный самолет, с громовым гулом промчавшийся над ними на высоте каких-нибудь трехсот футов. Самолет был так близко, что Джейми казалось, будто взгляды летящих людей устремлены прямо на него. Он низко опустил голову, теснее вжался в снег. Вдруг вспомнил — и его даже замутило от страха: сани-то они спрятали, а следы ведь остались!

Рокот мотора быстро удалялся, но все-таки с перепуга Джейми заговорил шепотом:

— Они увидят наши следы. Увидят и вернуться! Мы пропали... нам не удрать...

Питьюк сидел на корточках и рассеянно стирал со щеки кровь. Казалось, он вовсе не слышал Джейми. Широко распахнутые, удивленные глаза его были прикованы к бледно-голубому небу, где за беспокойными лохматыми верхушками елей скрылся самолет. Питьюк впервые в жизни увидел самолет и от изумления не мог вымолвить ни слова. Зато Эуэсин, который тоже никогда прежде не видел самолета, все равно оставался начеку и мигом сообразил:

— Да нет, Джейми. Откуда им знать, в какую сторону ведут следы? И откуда им знать, что эти следы — наши? Но на

всякий случай надо уходить от реки, ведь самолет только на реке и может сесть.

Голос друга прозвучал так спокойно, что страх Джейми как рукой сняло.

— Тогда поехали. Быстро!..

Эуэсин вскочил, стал распутывать постромки, которые совсем запутались, когда упряжки неслись к лесу.

— Первым делом, наверно, самолет полетит к озеру Макнейр, — задумчиво сказал он. — Потом на стойбище моего племени. Мои не скажут, где мы. Край наш большой, Джейми. Если никто нас не выдаст, они станут тыкаться во все стороны как слепые. А на Танаутское озеро нам сейчас нельзя. Вдруг самолет опять сядет там на обратном пути. Я так думаю, надо возвращаться в дом Кэсмира. Если самолет поджидает нас там, мы загодя увидим: небо ясное и луна будет.

Питьюк наконец опомнился от изумления.

— Кто обидит Анджелину, всех убью! — сказал он, да так сказал, что ясно было: и вправду готов убить.

Джейми бросил на него пронизательный взгляд:

— Хватит тебе о ней беспокоиться, Питьюк. Никто ее не обидит. А вот мы попали в переделку. Слушай, зря мы с тобой дрались. Я виноват. Просто так сболтнул, сгоряча... был сам не свой. Давай про это забудем, Пит. Ладно?

Питьюк просиял:

— Я быстро забыл. Мы опять друзья. Друзья — хорошо.

Полоса ельника вдоль берега реки была не очень широкая. Уже через полчаса они выехали на открытую равнину, на которой там и сям торчали корявые сосны; снег тут был глубокий, по крепкому, надежному насту можно было ехать очень быстро. Ребята свернули к северу, параллельно реке и восточному берегу Кэсмирского озера. К концу дня они были уже всего в двух-трех милях от дома Кэсмира.

Эуэсин оставил Джейми и Питьюка с собаками, а сам осторожно пошел к берегу озера, стараясь, чтобы его лыжня не пересекала открытые пространства. Через час он вернулся.

— Самолета нигде не видать, на озеро он не садился — его следов нет. Да только дым из трубы не идет, и Анджелины тоже нигде не видать.

Питьюк вскочил, но Джейми ухватил его за руку:

— Ну, что ты, Пит. Она, верно, заметила самолет или, может, услышала и загасила печку, чтоб полиция не увидела дым. А теперь вот что. Мы отведем собак на южный склон холма, там их привяжем. И если нам придется удирать, они будут

наготове. А потом потихоньку проберемся к дому и посмотрим, что случилось.

В считанные минуты они объехали холм, привязали собак. И стали осторожно подниматься к дому. Подобравшись совсем близко, Эуэсин тихонько свистнул, но в ответ — ни звука, ни признака жизни. Джейми подошел к дому с торца, заглянул в окно.

— Никого! — удивленно сказал он. — Ни души. Анджелины нет.

Забыв об осторожности, они кинулись к двери. Она оказалась запертой на засов и заколоченной. В полном недоумении, порядком напуганные, они сбили засов и ворвались в дом.

Здесь было чисто прибрано, но пусто. Больше того, несмотря на сильный едкий запах дыма, все выглядело так, будто здесь давно никто не жил. Совершенно сбитые с толку, ребята обошли комнату за комнатой и обнаружили, что все их припасы и снаряжение, приготовленные для поездки в тундру, исчезли. Всюду было почти так же пусто и голо, как несколько недель назад, когда они впервые переступили этот порог. Они стояли в пустом, тихом доме; всем поневоле стало жутко.

— Не пойму, — едва слышно сказал Джейми, — куда подевалась Анджелина и все наши припасы? И не видно, чтоб спешила. Будто тут сто лет никто не жил...

Питьюк схватил ружье, шагнул к двери, на лицо его легла тень тревоги и гнева.

— Что-то случился, не знаю. Буду узнавать! — крикнул он.

Эуэсин преградил было ему путь, но Питьюк оттолкнул его. И тут неожиданный звук приковал всех троих к месту — чуть слышный, приглушенный смех.

Джейми круто повернулся, словно в него выстрелили. Вплотную прижавшись к окну, так что кончик носа расплющился о стекло, на них лукаво глядела Анджелина.

Рассказ ее — когда ей наконец дали возможность рассказать — был несложен. Она колола подле дома дрова и вдруг услышала незнакомый шум. Чуть погодя вдалеке, над устьем реки Кэсмир, показался красно-серебристый самолет. Она кинулась в дом, распахнула дверцу печи, вытащила и побросала на пол горящие поленья, залила их водой; весь дом наполнился дымом и паром, и она чуть не задохнулась. Кашляя, лояртом воздух, она подхватила лыжи и выбежала из дома; она хотела юркнуть в кусты и кружить там, пока не углядит на льду реки след мальчиков, — тогда она пошла бы за ними вдогонку. Но тут она увидела, что самолет повернул, удаляясь

на северо-запад, к стойбищу чипеуэев. Тогда она передумала. Около дома стояли маленькие санки. С яростью отчаяния она принялась собирать вещи, лихорадочно кидала все подряд на санки и отвозила в лес на северном склоне холма. Покончив с этим, она подмела, прибрала в доме, чтобы казалось, будто здесь давным-давно никто не живет. Потом березовым веником подмела вокруг дома, чтобы на снегу не видно было ее следов. Потом спустилась с холма, стала усердно перевозить снаряжение и припасы глубже в кустарник, что тянется к северу. Она трудилась без роздыха, пока не перетасила весь груз почти за две мили. Там она устроила тайник, прикрыла его еловыми ветками, вернулась к холму и спряталась так, чтобы видеть дверь дома. Она совсем выбилась из сил, угрелась в своей оленьей парке и незаметно для себя задремала.

Разбудил ее скрип отворяемой двери. Кто приехал, она не знала. Осторожно подкралась к опушке леса, а уж там увидела и узнала собак. Она разом успокоилась — значит, мальчики целы и невредимы, — но не устояла перед искушением незаметно подобраться к дому и ошеломить их.

Когда она все им рассказала, Эуэсин поглядел на нее с нежностью.

— Отец верно говорил, — сказал он, — хорошая ты девчонка, очень смекалистая.

Питъюк так и сиял, не в силах скрыть свое восхищение. Он схватил Анджелину за руку, круто повернул, и оба они оказались лицом к лицу с Джейми.

— Очень прекрасный друг! — крикнул он. — Мы теперь все очень прекрасный друзья — правда, Джейми?

Джейми не мог не улыбнуться:

— Ну конечно, Пит. И Эуэсин верно говорит: смекалистая ты девчонка, Анджелина. Если сюда прилетит самолет, они ни о чем не узнают, куда мы делись, да и что мы здесь были, тоже не узнают. — Улыбка вдруг сбежала с его лица. — Анджелина, а они не могли увидеть дым до того, как повернули?

— Не знаю, Джейми. Я развела большой огонь — грела воду для стирки, а дом стоит высоко. Но это было очень недолго, скоро весь дым пошел в дом и мне в горло.

— А все-таки они могли его увидеть, — задумчиво сказал Эуэсин. — Лучше нам отсюда убраться.

— Ничего страшного, — возразил Джейми. — Такие самолеты ночью не летают, а сейчас уже сумерки. Давайте возьмем с саней одеяла и кое-какую еду. Поедим и обсудим, что делать дальше.

Сияя от непривычной похвалы Джейми, гордая своей сообразительностью, счастливая оттого, что все так хорошо удалось, Анджелина поспешно разожгла огонь, совсем маленький, из сухих поленьев. А мальчики тем временем принесли все необходимое. Вечер настал холодный, тепло, распространившееся по дому, было приятно. Но даже после еды, в темноте (а они решили, что зажигать свет опасно) никого не клонило в сон. Слишком они были взбудоражены, и слишком о многом надо было поговорить. Но хотя свое положение они обсуждали не один час, они так и не надумали, как же действовать дальше. Ясно было одно: как только рассветет, из дома Кэсмира надо уходить. И еще: нельзя ехать к Танаутскому озеру, по крайней мере до тех пор, пока они не узнают наверняка, что самолет покинул эти края. Питъюк предлагал сразу же двинуться на Север, в тундру.

— Зачем ждем? Все есть. Собаки хороший, побегут скоро. Лед не успеет таять, мы будем у эскимосы. Тогда полиция сто самолет пошлет — нас не найдет.

Эуэсин не согласился.

— Нет, — упрямо сказал он, — у нас еще есть дела на озере Танаут, а самое главное — каноэ нет. Как летом без каноэ по тундре двигаться? Как без каноэ возвращаться осенью? На санях из тундры на юг пройдешь только зимой. А с Анджелиной как быть? Нельзя ее тут бросить, нельзя ей одной возвращаться на Танаутское озеро. И отцу с матерью надо сказать, без этого не уеду. Я им столько забот и тревог принес — больше не хочу.

Джейми не знал, на чью сторону стать. Ему не терпелось отправиться на Север — он отчаянно боялся попасть в лапы полиции, — однако же понимал, что Эуэсин прав. Меж тем Анджелина тихонько вышла за порог и почти тотчас вернулась.

— Эуэсин! Кто-то едет по озеру! — объявила она.

Мальчики вскочили, кинулись за порог. Небо подернулось дымкой, слабого света луны едва хватало, чтобы различить: по озеру к холму бесшумно движется что-то очень чудное. Впереди словно бы собачья упряжка, за ней маячит что-то непонятное, огромное, а рядом бежит человек.

— Да что ж это такое? — в тревоге спросил Джейми.

— Что бы ни было, а из дома надо уходить, — веско сказал Эуэсин. — Анджелина, печка прогорела? Хорошо. Быстро собирайтесь. Спрячемся у подножья холма!

Уже через пять минут все укрылись в лесу. Скорчившись подле упряжек, сдавленным шепотом грозили собакам, чтоб не

смели подать голос. Все напряженно ждали — и скоро услышали скрип полозьев, тяжелое дыхание собак, шлепанье лыж. Потом все смолкло.

Ребятам казалось, тишине не будет конца. Питьюк уже хотел было привстать, оглядеться, и вдруг так внезапно, что у всех захватило дух, над ними вырос какой-то человек. В ночи раздался свистящий шепот.

Со вздохом облегчения Эуэсин вскочил на ноги.

— Порядок. Это чипеуэй. Он привез нам вести.

Немного смущенные, все четверо вышли из укрытия (чипеуэй с легкостью отыскал их по следам) и подошли к вестнику. То был молодой охотник Зэбэдис. Скоро все поняли, почему такой чудной вид у его упряжки. Он привез два четырнадцатифутовых каноэ из бересты, увязав их одно на другом на длинных нартах.

Все пошли в дом. На сей раз Эуэсин засветил свечу.

— Сейчас не опасно, — уверил он друзей. — Он говорит, самолет остался на ночь в стойбище элдели, белые поставили рядом с ним палатку и спят.

— Разузнай про все! — нетерпеливо воскликнул Джейми.

Несколько минут Эуэсин и Зэбэдис перебрасывались словами. Потом Эуэсин перевел:

— Белых трое. Один полицейский. Один управляет самолетом. И один доктор. Они привезли и Мэдиса — это чипеуэй, который поехал на юг за помощью и чуть не умер на Оленьем озере. Белые велели ему показать дорогу на Север. Он не знал, что у нас тут беда. А когда они сели на Танаутском озере, мой отец улучил минуту и все ему растолковал. И еще отец вот что передал мне через Мэдиса. Велел, чтоб мы спрятали наши меха и уходили на Север, если сумеем. Говорит, полицейский разозлился, что тебя нет ни на Макнейрском озере, ни на Танаутском. Отец говорит, они теперь всю примутся тебя искать. Велел нам отослать Анджелину в стойбище Деникази: через несколько дней он сам за ней приедет.

Деникази тоже кое-что передал. Тоже велит нам поскорей уходить на Север. Он послал нам два каноэ и Зэбэдиса. Зэбэдис проведет нас к тундре тайными тропами. Сказал, белые видели дым над домом: глядишь, утром сюда прилетят. Надо скорей уходить.

Джейми и Питьюк забросали Эуэсина вопросами, а он переводил их Зэбэдису, но тот прибавил только, что Деникази сдержал слово и постарался сбить белых со следа. Когда белые ушли в свою палатку, со стойбища вместе с Зэбэдисом тихонь-

ко выехала еще одна упряжка. Они ехали кружным путем почти до самого Кэсмирского холма, а потом вторая упряжка свернула в сторону. Она пошла серединой северо-западного рукава озера и тем же путем еще до рассвета вернется, так что можно будет подумать, будто след ее начинается от дома Кэсмара. Скорей всего, самолет полетит по этому ложному следу. А тем временем Зэбэдис поведет мальчиков по малым водоемам к реке Пьютхау. По этой реке они пойдут на Север, причем первые два перехода будут двигаться только по ночам.

— Деникази здорово все продумал! — восхищенно сказал Джейми. — План вроде лучше не надо. Как по-вашему, ребята?

— Все хорошо, — ответил Эуэсин, — только вот одно: как быть с Анджелиной? Не оставлять же ее здесь. И к чипеуэям ей одной тоже идти нельзя...

— А я все равно туда не пойду! — решительно перебила Анджелина. — Может, они и хорошие люди, да только я их не знаю и не останусь у них. Пойду с вами...

— Нет, не пойдешь, — сердито оборвал Джейми.

— Почему «не пойдешь», Джейми? — вмешался Питьюк, который до того почти все время молчал. — Она обед варит, упряжкой правит, гребет тоже. Чем хуже нас? У нас два каноэ, два парень в каждый. Нет, — он слегка покраснел, — два парень в один каноэ, один парень и девушка — в другой.

— К черту! — крикнул Джейми. — Никаких девчонок!

— Не кричи, Джейми, — сказал Эуэсин. — Я знаю, что делать. Пускай она едет с нами первую часть пути, пока Зэбэдис не повернет назад. А тогда он возьмет ее с собой и довезет прямо до Танаутского озера. Я думаю, он не откажется. Сейчас спрошу.

Услыхав вопрос Эуэсина, Зэбэдис впервые толком посмотрел на Анджелину. И, как показалось Питьюку, пронзительный взгляд его черных глаз задержался на милом ее лице и стройной фигурке дольше, чем следовало. Наконец чипеуэй обернулся к Эуэсину и кивнул.

— Ладно, свезу ее домой, — сказал он.

Другого выхода у них не было; Джейми волей-неволей согласился. Часом позже путники собрались у тайника, который с таким трудом устроила Анджелина. Все необходимое для путешествия она еще тогда увязала в тюки, которые теперь в два счета погрузили на тобогганы и нарты. И вот четыре упряжки во главе с санями Зэбэдиса, на которых горой высились обе лодки, двинулись по освещенному луной сосновому лесу к поджидавшей их на Севере тундре.

Глава 6. ЗЭБЭДИС

Они пустились в путь уже за полночь, а ведь до свету надо было уйти от дома Кэсмира на безопасное расстояние. Однако двигаться все равно приходилось медленно. Луна хоть и светила, но выбирать дорогу в сумрачном сосновом лесу было нелегко. Снег лежал глубокий, а наст совсем тонкий, так что тяжело груженные нарты и тобогган то и дело проваливались; скоро собаки совсем выбились из сил. Ни одного седока они бы не свезли. Даже Зэбэдис, у которого груз был самый легкий (каное весили всего по сорок фунтов), и тот шел впереди упряжки, прокладывая ей дорогу.

Часа в два ночи они добрались до первого звена в цепи маленьких озер, по которым пролегал их путь, и тогда идти стало легче. Анджелина еще накануне устала до полусмерти и сейчас еле передвигала лыжи. Она старалась не отставать, никто не слышал от нее ни единой жалобы. Но когда в конце первого озера сделали короткий привал, Зэбэдис кинул на нее быстрый взгляд и что-то отрывисто сказал Эуэсину.

— Он говорит, у него груз легкий, — сказал Эуэсин сестре. — Говорит, дорога сейчас лучше, ты можешь сесть на его сани. Садись, не то скоро тебя совсем ноги держать не будут.

Слишком измученная, чтобы спорить, Анджелина послушно сняла лыжи, забралась на сани Зэбэдиса и свернулась там под оленьей шкурой.

Упряжки медленно перевалили через невысокий, поросший ельником водораздел, спустились к следующему озерку. Но когда они снова выехали на крепкий гладкий лед, Зэбэдис погнался собак быстрее, оставив мальчиков далеко позади. Они не стали беспокоиться — ведь след его саней был ясно виден, но когда они достигли третьего озера, Зэбэдис со своей упряжкой уже окончательно исчез из виду. Увидели они его лишь тогда, когда заходящая луна поблекла в опаловом свете зари, а темно-синий снег стал угрюмо-серым. К этому времени они пересекли глубоко врезавшийся в сушу залив Кэсмирского озера (при этом они держались поближе к берегу, чтобы скрыть свой след) и подошли к другому заливу, от которого начинался волок к бассейну реки Пьютхау.

У волока их ждал Зэбэдис. На его санях все еще крепко спала Анджелина.

— Он спрашивает, пойдём ли мы дальше, — объяснил Эуэсин Питьюку и Джейми.

— По-моему, еще час можно идти, — ответил Джейми. —

Вряд ли они полетят не поевши, да и мотор им надо разогреть. Продвинемся еще немного. Уж очень мало мы отъехали от дома Кэсмира.

Так и сказали Зэбэдису. Он кивнул, тотчас крикнул собакам и был таков. Мальчикам пришлось отправиться следом, не дав отдыха ни себе, ни собакам.

Они нагнали его снова на опушке густого темного ельника, на берегу южного рукава Рыбачьего озера. Зэбэдис уже проложил путь в самую гущу зарослей; скоро и сани и упряжка были надежно укрыты.

Утро настало ясное, светлое — погода самая что ни на есть летная. Чутко прислушиваясь, не раздастся ли шум мотора, ребята позавтракали пресными лепешками и холодной оленьей. Все изнемогали от усталости. Покормив собак, расстелили на еловых ветках меховые одеяла и легли. Питьюк и Зэбэдис мигом уснули; скоро их примеру последовали Эуэсин с Анджелиной. Одному только Джейми от волнения не спалось.

Долго он лежал в полудреме. Снег подтаял, большие комья, шурша, упали с еловых ветвей. Джейми сразу очнулся, сердце его громко стучало. Попытался было уснуть, но едва задремал, как снова встрепенулся от далекого, еле слышного звука — будто загудел комар.

На этот раз ошибки быть не могло. Джейми дотянулся до Эуэсина, потряс его. Мальчики сели и молча, вытянув шеи, напряженно прислушивались к далекому жужжанию. Медленно, но верно звук становился громче. Сердце Джейми сжалось: да, конечно, воздушные преследователи напали на их след! Но по счастью, далекий звук снова стал слабеть. Вскоре тишину вокруг нарушал лишь гортанный крик ворона, парящего высоко в пустынном небе.

— Они пошли по ложному следу, Джейми, — сказал Эуэсин и шумно перевел дух. — Все в порядке. Теперь они нас не найдут.

Понемногу Джейми успокоился и, вконец измученный, погрузился в сон, точно в глубокий колодезь. Он проспал почти весь день. Наконец открыл глаза оттого, что кто-то коснулся его лица. То была Анджелина. Она подала ему кружку мясного супа (Эуэсин, осмелев, разжег маленький костер) и робко улыбнулась.

Джейми приподнялся на локте, взял у нее из рук кружку, небрежно поблагодарил. Анджелина отошла, а ему вдруг захотелось узнать, что же она о нем думает: ему стало немного совестно.

На вторую ночь беглецы ушли далеко вперед. Они двигались по реке и озеру Пьютхау; лед покрыт был твердым пластом прибитого ветром снега, собаки бежали ходко. На время последнего перегона Зэбэдис уговорил Анджелину опять сесть в его сани, потом снова оторвался от остальных упряжек. Они добрались до привала на берегу Гусиного озера почти часом позже него.

Когда мальчики приехали, здесь уже горел костер. Зэбэдиса нигде не было видно, зато Анджелина сбежала с берега им навстречу как-то уж очень явно обрадованная. Эуэсин, который знал нрав сестры куда лучше, чем остальные, был озадачен. Не в ее это характере — так открыто выражать свои чувства. Когда все наскоро поели, а Джейми с Питьюком пошли кормить собак, Анджелина отвела брата подальше и что-то торопливо зашептала ему на ухо. Эуэсин слушал и становился все мрачней и мрачней. Через час из лесу неожиданно появился Зэбэдис: он ходил охотиться на оленя, но вернулся ни с чем. Эуэсин словно бы и не заметил его, Анджелина не стала разжигать для него костер, разогревать еду. Зэбэдис посмотрел на них долгим взглядом, но промолчал. Сам развел огонь, сам разогрев еду и пошел есть в сторонку, там же приготовил себе и постель.

— Что это с Зэбэдисом? — спросил Джейми, укладываясь спать.

— Ничего, — коротко ответил Эуэсин. — Элдели чудной народ. Плохо сходятся с чужими людьми.

— Зачем чудной! — возразил Питьюк. — Этот парень, он все с Анджелина. Почему всегда вперед с ней едет?

— Просто у него груз легче, Питьюк, — ответил Эуэсин. — Да все равно, она теперь отдохнула. Сегодня с ним не поедет. А теперь спать давайте, ведь нам еще ехать и ехать.

Но в этот вечер они не поехали дальше — погода испортилась. Случись это вчера, они бы только радовались, а сегодня ненастье оказалось совсем некстати. Задул резкий северо-восточный ветер, повалил снег, а к концу дня начался настоящий буран, так что о ночной езде нечего было и думать. Мальчики поставили палатку, у входа развели большой костер и устроились очень уютно. Только Зэбэдис не пожелал к ним присоединиться, хотя Джейми знаками радушно его зазывал. Отчужденность, чуть ли не враждебность чипеуэя его встревожила.

— Наверно, мы чем-то ему досадили, — сказал Джейми, ко-

гда все уютно укутались в одеяла из шкур. — Не нравится мне это. Вдруг он разобидится, возьмет да и бросит нас, а мы ведь не знаем дороги.

— Пускай бросит, — громко сказал Питъюк. — Не надо его. Скоро лес кончается, дальше мой земля. Я нахожу дорогу.

— Но ведь пока мы еще в лесу, Пит. Нам без него не обойтись. Что с ним сделалось? Ты не знаешь, Эуэсин?

Эуэсин быстро переглянулся с Анджелиной, но только покачал головой:

— Да ничего. Все будет хорошо. Ты о нем не беспокойся, Джейми.

К утру буран утих. Все сытно позавтракали, не спеша выпили по второй кружке чая и решили двигаться среди бела дня. Погода для езды выдалась отличная. Буран прибил снег, а верхний слой подтаял на солнце как раз настолько, чтобы образовался наст, по которому легко скользили сани. В такой день можно бы продвинуться далеко вперед.

Но как раз в этот день их на каждом шагу подстерегали неожиданные помехи и препятствия. Дважды Зэбэдис словно бы сбивался с пути, давал крюку, упирался в тупик — в губу, из которой не было другого выхода. Один раз он вдруг остановился, схватил ружье и на целый час скрылся среди кустов в погоне за оленем, хотя мальчики не сомневались, что никакого оленя тут не было — он его просто выдумал. И еще того хуже: через каждые час-два он требовал останавливаться и кипятить чай.

Питъюк откровенно радовался, что Анджелина идет с ним рядом у последних саней, и ему горя было мало, что они двигаются так медленно, а вот Джейми отчаянно волновался. Эуэсин молчал, на лице его ровным счетом ничего нельзя было прочесть.

Часа в три дня они вышли с восточного края озера Рыжий Сосунок, пересекли невысокую гряду холмов и, оставив позади бассейн реки Пьютхау, приблизились к новому озеру, которое, как не сразу и неохотно сказал им Зэбэдис, называлось Озером Мертвых. Оно тянулось к востоку, а посреди него стоял голый каменистый островок. Как только они вышли из еловой чащи и спустились к озеру, Зэбэдис остановил сани и выпряг собак, показав этим, что на сегодня путь окончен. Джейми с помощью очень неохотно переводившего на сей раз Эуэсина, пытался уговорить его, но безуспешно. Зэбэдис уговорам не поддавался. Наконец, когда Джейми примирился было с тем, что вторая половина дня потеряна, Зэбэдис небрежно кивнул в сторону

Анджелины и на свистящем своем языке что-то быстро про-
бормотал.

Лицо Эуэсина не выразило никаких чувств.

— Он говорит, пускай Анджелина едет с ним. Говорит, в этих местах злые духи, а она приносит удачу, с ней легче отыскать дорогу.

— Ну и пускай едет! — запальчиво сказал Джейми. — Это ж лучше, чем идти пешком. Раз он верит во всяких там духов и удачу, пускай от девчонки будет толк.

Лицо Эуэсина стало суровым.

— Она моя сестра, не собака! Она не хочет с ним ехать, ей нельзя приказать. — Лицо его смягчилось. — Не сердись, Джейми, но лучше ей с ним не ехать.

— Да почему? Все равно ж она поедет с ним обратно, к Танаутскому озеру.

Эуэсин отвернулся и стал снимать со своих нарт остатки оленьей ноги.

— У нас кончается корм для собак, — сказал он, переводя разговор на другое. — Я видел сегодня много следов оленя. Остановимся здесь, сходим на охоту — чем плохо?

Питьюк внимательно прислушивался к их разговору, но ничего не сказал. Выражение лица у него стало совсем непривычное. Дружелюбия как не бывало. Он вдруг обернулся к Анджелине.

— Этот парень плохо тебе говорил? — резко спросил он. — Обижал тебя, да?

Анджелина так яростно замотала головой, что в длинных ее волосах замелькали блики угасающего солнца.

— Да что ты, Питьюк! Поди-ка помоги мне собрать ветки для костра. Или, знаешь, наколи льда, будет вода для чая.

Озадаченный и раздосадованный Джейми посмотрел им вслед.

— Девчонки! — чуть ли не злобно пробормотал он, пожал плечами и принялся разгружать нарты.

Зэбэдис неподвижно сидел на своих санях. Черные глаза его так неотступно следили за Анджелиной, что будь Джейми проницательней, он бы многое заметил и понял. Но Джейми поглощен был одним — как бы поскорей отъехать подальше от Кэсмирского озера. Где уж ему было уловить, что происходило между проводником и братом с сестрой!

Ночь настала тихая, безветренная; уже ощущались первые признаки весенней оттепели. Путники не стали разбивать палатку, а просто забрались под меховые одеяла. Никто за этот

день особенно не устал, и они принялись разговаривать о крае, по которому странствовали. Питъюк рассказал, как эскимосы попытались однажды завязать отношения с белым торговцем, который держал факторию на Танаутском озере.

Самый могущественный и деятельный из эскимосов, по имени Кейкуми, решился поехать к этому торговцу, хотя эскимосы смертельно боялись и чипеуэев, и сумрачных лесов, в которых они жили. Кейкуми отправился в путь среди зимы; он запряг двенадцать больших эскимосских собак, нагрузил сани шкурками белых лисиц. Ехал он западным берегом озера Ньюэлтин — чипеуэи называют его озером Спящих Островов — и быстро продвигался на юг.

Потом от одного залива Кейкуми свернул по реке. Она привела в край лесов, и в первую ночь, которую предстояло провести в лесу, он разбил лагерь на невысоком каменистом островке посреди озера, откуда открывался вид во все стороны. Один во вражеской стране, он спал, конечно, очень чутко. На рассвете одна его собака заворчала, и он вмиг проснулся.

В бледном свете утра он увидел семь собачьих упряжек, семь нарт, все они двигались по льду прямо к нему. Кейкуми сразу увидел, что правят упряжками чипеуэи, но не пытался ни бежать, ни занять оборонительную позицию. Он спокойно разжег костер, подвесил котелок с водой и, безоружный, ждал чужаков, которые промчались по льду и остановились у подножия островка.

Их было девять, все чипеуэи. Поначалу они держались на расстоянии, потом, уверившись, что Кейкуми здесь в одиночестве, подошли к костру. Один дерзко откинул шкуры, что прикрывали груз мехов. Другой пнул ногой одну из собак Кейкуми. Пес огрызнулся, и чипеуэй ударил его по голове прикладом.

Кейкуми не знал языка чипеуэев, но догадался, о чем они говорят. Скоро трое принялись вскрывать его тюки с мехами, а трое других медленно двинулись вокруг костра, чтобы оказаться у него за спиной.

Кейкуми не стал терять время даром. Под паркой у него было спрятано магазинное ружье. Кейкуми выхватил его, упер о бедро... Индейцы опомниться не успели, как он выстрелил ближайшему в живот. Раненый вскрикнул и повалился наземь, а Кейкуми обернулся и выстрелил в одного из тех, кто подбирался к нему сзади.

Оставшиеся в живых чипеуэи перепугались. Ёинулись к своим упряжкам, а Кейкуми аккуратно сажал пулю за пулей в лед, по которому они только что пробежали. Через десять

минут индейцы были уже на дальнем берегу озера и скрылись в лесу, оставив Кейкуми целого и невредимого, со всеми его мехами, в обществе двух мертвецов. Кейкуми не притронулся к убитым и поехал дальше; добрался до фактории, а потом благополучно вернулся домой. Слух о его подвиге распространился по лесам, точно пожар. Ни в тот раз, ни во время других своих поездок на юг он не встречал больше ни одного чипеуэя.

Зэбэдис, казалось бы, не прислушивался к рассказу Питьюка, но несколько раз, когда упоминалось имя Кейкуми, быстро взглядывал на рассказчика. Питьюк это заметил.

— Этот парень, он вроде знает про Кейкуми. Скажи ему, что я сказал, Эуэсин. Скажи все, что на это озеро случился, и еще скажи, Кейкуми — мой дед.

Эуэсин с видимым удовольствием передал суть рассказа. Зэбэдису явно стало не по себе. Он беспокойно переводил взгляд с Эуэсина на Питьюка, а когда Эуэсин сказал, кем приходится Питьюку Кейкуми, Зэбэдис сбросил с себя шкуры, в сердцах плюнул в угасающий костер и гордо удалился в темный лес. Вернулся он, когда все, кроме Питьюка, уже спали.

Но едва он закутался в свои шкуры, Питьюк встал и подбросил сучьев на уголья. Костер разгорелся, стало светлей.

Тогда Питъюк достал из саней свое ружье и начал неторопливо, старательно его чистить. При этом он то и дело задумчиво поглядывал в сторону: по сгустившимся в том месте теням он угадывал, где лежит Зэбэдис.

Потом тихо, почти шепотом, Питъюк запел песню эскимосов. То был странный, загадочный напев, словно заклинание, словно призыв к умершему. Однообразный, нескончаемый, он вновь и вновь нарастал и вновь затихал, терзая душу. Время от времени в песне звучало имя Кейкуми, и всякий раз при этом Питъюк щелкал затвором.

В слабом, мерцающем свете костра все это выглядело очень внушительно. А когда костер совсем погас и все опять погрузилось во тьму, Питъюк усмехнулся про себя. «Уж этому-то чипеуэю сегодня будет не до сна», — с удовлетворением подумал он и уютно закутался в шкуры.

Глава 7. НЮЭЛТИЦ-ТУА — ОЗЕРО СПЯЩИХ ОСТРОВОВ

Джейми спал беспокойно и проснулся первый. Полежал немного, наслаждаясь теплом своего мехового гнездышка, потом сел, огляделся. Эуэсин и Анджелина спали у нарт, которые защищали их от ветра. По другую сторону погасшего костра под горой меховых одеял спал Питъюк. Зэбэдиса не было видно.

Поначалу Джейми не придавал этому значения, подумал, что тот пошел поохотиться или набрать сучьев для костра. Но вдруг сообразил, что одеял его тоже нет на месте. Тогда Джейми встал и поглядел на берег, где спали собаки. Упряжка Зэбэдиса исчезла — ни собак, ни саней... Обе лодки лежали на сугробе, видно сброшенные второпях.

— Вставайте! — тревожно закричал Джейми. — Вставайте, эй, вы! Зэбэдис смылся!

Из груды шкур высунулась рыжая всклокоченная голова Питъюка.

— Где мылся? — озадаченно спросил он. — Зачем?

— Сбежал он, дурак ты! — сердито крикнул Джейми. — Эуэсин! Вставай!

Все трое мальчишек торопливо натянули меховые чулки и мокасины, кинулись к берегу замерзшего озера. Сомнений не было. Поверх следа, который оставили накануне их сани, они ясно различили след саней Зэбэдиса.

— Скорей, — требовал Джейми, — давайте запрягать! Может, мы его догоним.

Эуэсин внимательно разглядывал след.

— Нет, Джейми, — спокойно ответил он. — Зэбэдис уехал давно. А даже если мы его поймаем, как заставим ехать назад?

Джейми был взбешен.

— Это все ты! — обрушился он на Питьюка. — Ты и твои дурацкие байки. Напугал его до смерти, вот он и удрал. Ну, как мы теперь найдем дорогу? И как... — лицо у него стало совсем растерянное, — как теперь отделаться от Анджелины?

— Я так не хотел, Джейми, — довольно кротко ответил Питьюк, — не знал, что он так боялся. Хотел от Анджелины его отогнать. Пускай от нее отставал...

— Это правда, — перебил Эуэсин. — И Питьюк еще не все знает. Я не хотел вам обоим говорить. Ты бы разозлился на Анджелину, а Питьюк сцепился бы с Зэбэдисом. Два дня назад, когда он укатил так далеко вперед, он кое-что сказал Анджелине. Он не так уж и виноват. Он молодой, хотел жениться, а та девушка умерла весной в эпидемию. Ну, вот он и хотел взять Анджелину в жены. А когда она отказалась, он, может, и не захотел нам больше помогать. В общем, хорошо, что он уехал. Если бы вы сказали, чтоб она возвращалась с ним, мне пришлось бы самому везти ее домой.

— Жалко, я не продырявил ему башка! — вскипел Питьюк. Потом по лицу его расплылась улыбка. — Он, верно, думал, я стрелял, как Кейкуми. Сейчас буду рассказывать... — И он описал им представление, которое разыграл ночью на страх Зэбэдису.

Эуэсин посмеялся, и даже Джейми не выдержал, улыбнулся. Но тотчас опять помрачнел:

— Да, вам хорошо веселиться, а ведь он нас без ножа зарезал. Повесил нам на шею Анджелину, и как ехать отсюда до тундры, мы совсем не знаем.

— Как ехать? Почему не знаем? — вмешался Питьюк. — Не бойся. Тот рассказ я сказал, все правда. Много раз его слышал. Кейкуми этот дорога шел. Пойдем на восток, там Озеро Мертвых. За ним еще одно озеро, элдели его зовут Ньюэлтин-туа, а потом на Север. Я дорога легко найду.

Пока они все это обсуждали, подошла Анджелина и заговорила прямо с Джейми:

— Мне тоже очень жаль, Джейми. Я никому не хотела доставлять хлопот, никому бы не сказала про Зэбэдиса, только

брату. Если хочешь, чтоб я вернулась, я пойду домой одна, на лыжах. А еду возьму в заплечном мешке, на дорогу хватит.

Джейми чуть было не хлестнул ее злым словом, но, увидев, что в темных глазах девушки блеснули слезы, прикусил язык.

— Понимаешь, — смущенно сказал он, — по-моему, не дело брать тебя в тундру. Там может быть здорово трудно. Но, конечно, нельзя тебе возвращаться одной к Танаутскому озеру, так что, выходит, надо тебе ехать с нами.

Когда Джейми умолк, Эуэсин и Питьюк заулыбались. Эуэсин — оттого, что все уладилось, а Питьюк — просто от счастья. Час спустя они дружно сидели вокруг костра, завтракали овсяной кашей, пресными лепешками и чаем. Так хорошо и весело им давно уже не было.

Снимались с лагеря на этот раз особенно бодро и деловито. Перераспределили груз, кое-что из нетяжелого снаряжения перетаскивали с длинных саней Питьюка на нарты, а на его сани поверх всего остального привязали каноэ, причем вложили одно в другое и сняли с них банки. Решено было, что упряжкой Питьюка будет править Анджелина, а Питьюк пойдет впереди всех на лыжах — будет прокладывать путь.

Собакам словно тоже прибавилось сил. Они сразу пошли ходко и скоро поравнялись с каменистым островком посреди озера. На вершине островка торчали двумя остроконечными пирамидками серые шесты, точно каркасы двух вигвамов. Эуэсин прикрикнул на своих собак; они побежали быстрее, пошли вровень с санями Джейми.

— Старые могилы чипеуэев, — сказал Эуэсин, кивнув в сторону «вигвамов». — Видно, Питьюк не сказки рассказывал.

Озеро Мертвых оказалось невелико. Через час они достигли уже того места, где брала начало покрытая в эту пору льдом речушка. Полчаса они мчались по ней, как вдруг перед ними до самого горизонта распахнулось огромное ледяное поле.

Сани и нарты остановились. Четверо путешественников, стоя рядом, смотрели на необъятные просторы Ньюэлтин-туа. На юге серая ледяная пустыня переходила в бесчисленные, поросшие лесом острова. На севере тоже виднелось множество островов, но голых, без единого деревца. Черные, крутолобые, они горбились на льду, точно спины спящих мастодонтов.

— Вон там начинается мой страна, — гордо сказал Питьюк, указывая на север.

— Поехали, — заторопил Джейми. — Поглядите на небо. Если пурга застанет нас на открытом месте, нам несдобровать.

По белесому небу неслись белые длинные космы облаков, точно косяк серебристой сельди, а за ними на востоке вспухали зловещие черные тучи.

— Пожалуй, сильная пурга будет, — сказал Эуэсин. — Лучше нам не уходить далеко от берега.

Все согласились, что это самое разумное; они двинулись вдоль берега большого залива, который вытянулся к северу, упираясь в цепь безлесных холмов.

Скоро поднялся ветер, взметнул и погнал перед ними сухой снег. Небо быстро темнело. К полудню его сплошь затянуло тучами. Путникам непременно хотелось уйти как можно дальше, пока не началась пурга, и потому на обед они не остановились, а просто на ходу пожевали холодные лепешки. Добрались до края залива, свернули на восток, огибая холмы, и теперь ветер стал дуть им прямо в лицо. Черные тучи разразились не снегом, как они ожидали, — внезапно стал хлестать обжигающий холодом ливень.

Упряжки понеслись к берегу, но там почти негде было укрыться. Густые ели и сосновые леса бассейна Пьютхау остались позади, а здесь попадались только одинокие, малорослые, искривленные ветром деревца. Кое-как укрыться можно было лишь за расколотыми морозом валунами. И когда удалось наконец поставить палатку, все уже промокли насквозь. Пока они с немалым трудом набрали сучьев и веток для костра, сгустились сумерки, а едва удалось развести огонь, дождь и ветер вновь его погасили, не дав вскипятить воды для чая. Тогда все отказались от напрасных усилий и забрались в палатку, где Анджелина постаралась постелить самые сухие одеяла.

Ночь прошла прескверно, но хотя путникам было холодно и неуютно, они не падали духом. Края палатки бились и хлопали под порывами ветра и потоками дождя, а ребята сидели, тесно прижавшись друг к другу, натянув на плечи меховые одеяла, и, чтоб разогнать тоску, пели. У Анджелины оказался на редкость чистый, звонкий голосок. Брат уговорил ее спеть несколько песен, которым она научилась в школе.

Только Питьюк, всегда такой добродушный и веселый, сейчас что-то приуныл. Джейми принялся его поддразнивать, назвал филином, и он заставил себя улыбнуться.

— Лесной край — твой край, — объяснил он. — Ты там вел, я за тобой шел, не заботился. Теперь мой край пришли. Ты здесь мало знаешь. Теперь вся забота моя. Скоро реки растают. Потом лед плохой на маленький озера. Потом на большой тоже. Нам на стойбище иннуит надо скорей, скорей надо, застрять

можем. Этот дождь нам плохо. Много воды будет в речках.

— Что верно, то верно, — согласился Джейми. — Но, по моему, мы успеем. Озеро еще не скоро растает. Долго нам по нему идти, Питьюк?

— Два дня, может, три. А потом еще по маленький речкам, по озерам, по тундре.

— Дождь сейчас уже не очень сильный, — сказал Эуэсин. — Может, перестанет скоро. Надо бы немного поспать.

— В такой палатке только рыбам спать, — проворчал Джейми.

Однако скоро все задремали.

Утро наступило сухое, теплое, дул южный ветер, и небо над головой расчистилось. На рассвете все четверо, замерзшие, одеревеневшие, усталые, вылезли из палатки. Питьюк разжег костер. Наскоро выпив горячего чаю, поев жареной оленины, запрягли послушных собак и двинулись в путь.

После дождя по льду растеклись мелкие лужи, покрывавший его снег превратился в жидкое месиво. Но для нартов такая дорога была хороша; собакам, кажется, также не терпелось поскорей уйти на Север, как и их хозяевам. Весь день путники упорно продвигались вперед, лишь дважды останавливались у берега — наломать ивовых прутьев для костра, вскипятить чай и перекусить. Около полудня они миновали горловину озера Ньюэлтин-туа, вступили в его северную часть — и здесь окончательно распрощались с деревьями. Перед ними расстилались неоглядные просторы тундры, теперь им лишь изредка будут встречаться чахлые ивы, что жмутся ко дну иных, укрытых от ветра долин.

В этот день, прежде чем остановиться на ночлег, они прошли двадцать миль — неплохой переход; ведь сани у всех были перегружены, так что ни мальчики, ни Анджелина ни разу не могли присесть. Всю дорогу шли, вернее, почти все время бежали. На завтра — то был шестой день путешествия — они тоже сделали большой переход. Ночью подморозило, но днем мороз отпустил, оттепель продолжалась. Питьюк становился все озабоченней и гнал вовсю; быстрее не могли бы двигаться ни собака, ни человек. В этот вечер они стали лагерем у залива, что вдавался глубоко в северо-западный берег озера.

Непомерная спешка начала уже сказываться на ребятах: у них хватило сил лишь на то, чтобы кое-как перекусить и забраться под меховые одеяла. Собаки были голодны — запасы

оленины подходили к концу, а на всем пути по озеру мальчики не встретили ни одного оленя.

По-весеннему теплая погода, видно, решила держаться. Этой ночью морозец был совсем слабенький, а утром в чистом, безоблачном небе поднялось ясное жаркое солнце. И опять, как только ребята открыли глаза, Питъюк их заторопил.

— Солнце горячий очень, — тревожно хмурясь, говорил он. — Может, на маленький реки лед уже треснул.

Они ехали по заливу (а он повернул теперь почти прямо на запад), из-под полозьев саней били фонтаны, ибо кое-где талые воды уже покрывали лед на несколько дюймов.

— Здорово, что у нас есть каноэ, — сказал Джейми Эуэсину (их упряжки шли рядом). — Еще один такой день — и они нам понадобятся. А не то придется учить собак плавать.

Эуэсин собрался ответить шуткой на шутку, как вдруг увидел, что Питъюк повернул назад, поднял руку, давая Анджелине знак остановиться, и спешит к ним. Все упряжки подъехали к саням Питъюка.

— Скорей ружья берите, — распорядился он. — За мысом олень много. Анджелина, ты здесь стой. Собак держи, шуметь не давай.

Мальчики выхватили ружья из меховых чехлов и побежали под укрытие невысокой каменной гряды. Добежали, медленно, осторожно взобрались на невысокий гребень, заглянули на другую сторону.

Десятью футами ниже, всего в какой-нибудь сотне шагов от них, почернелый лед залива почти скрылся под могучим потоком карибу. Чуть не тысяча оленей длинными извилистыми вереницами переходили залив с юга на север. Они шли медленно, одни самки, почти все с большими животами — ведь наступало время отела.

Зрелище это так заморозило Джейми и Эуэсина, что они забыли про ружья. С десятков верениц переходили залив прямо перед ними, другие спускались на лед с холмов. А дальше, к северу, все холмы были испещрены и расчерчены бесчисленными вереницами карибу. Каждую цепочку — а в иных было до сотни голов — вела старая оленуха, которая, наверно, уже в двадцатый раз проделывала этот весенний переход в тысячу миль.

— Зачем ждем? — нетерпеливо сказал Питъюк. — Нам тоже скорей на Север надо. Буду стрелять.

Он вскинул ружье, вмиг прицелился и выстрелил. Грохот выстрела далеко раскатился над ледяной гладью озера, но олени точно и не слышали. Одна нетельная самка упала на

колени, попыталась подняться — и повалилась на бок. Те, что шли за нею, чуть посторонились, обошли ее. Несколько оленух замешкались было, вытянули голову в ту сторону, откуда раздался выстрел, и, фыркнув, пошли дальше своей дорогой.

— Оленуха когда на Север идет, телиться хочет, никто не остановит, — объяснил Питъюк. — Волка не боится, человека не боится. Идет, никто не остановит.

Несколько минут спустя он доказал свою правоту. Мальчики вернулись к Анджелине. Все четверо погнались упряжки прямо на оленей. Голодные собаки совсем обезумели. Джейми не справился со своей упряжкой: она оторвалась от него и пошла вскачь колесить по льду, а он бежал далеко позади, крича до хрипоты, тщетно приказывая собакам остановиться.

Но олени просто расступились, пропуская упряжку, а когда она повернула и погналась за одной оленухой, та припустила галопом, далеко опередив своих преследователей. Потом снова ровной рысцой повернула на север. Собаки Джейми кидались во все стороны разом и вскоре так запутали построжки, что вдруг остановились, уже не в силах сдвинуться с места. Когда Джейми, запыхавшись, подбежал к ним, вся упряжь так переплелась, что он минут двадцать истошно кричал на собак, сыпал пинками, пока наконец, обливаясь потом, не разделил сбившихся в клубок псов. А тем временем Эуэсин и Питъюк разрубили и разделали тушу убитой оленухи, погрузили мясо на сани и подъехали к Джейми.

Увидав спутанную упряжь, Питъюк горестно покачал головой.

— Может, когда и выучишься собаками править, — сказал он. — Бывает, белый человек правит хорошо, только долго ждать надо. Борода седая вырастет.

Джейми все никак не мог перевести дух. Он лишь сердито хмыкнул вслед Питъюку, а тот уже гнал свою упряжку к концу длинного залива.

Глава 8. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ

Северо-западный залив озера Ньюэлтин упирался в забитую снегом долину, что тянулась на запад, извиваясь меж высоких голых холмов. Не сбавляя скорости, Питъюк вывел упряжки на лед реки, текущей по этой долине. Лед был неровный — в буграх и впадинах; растаявший снег образовал кое-где лужи в добрый фут глубиной.

Так они проехали несколько миль. Вдруг Питъюк остановил упряжки и осторожно пошел вперед, простукивая лед прикладом ружья. Скоро он вернулся очень встревоженный.

— Под ледом река быстро бежит, — сказал он. — Растопляет лед снизу. Очень тонкий стал лед. На берег идти надо.

— По берегу не пройти, — возразил Джейми. — Вот снегу сколько, да мягкий, пушистый, муха и та провалится.

— Может, река не тот? — неуверенно сказал Питъюк. — Эта на запад течет, большой. А нам надо на северо-запад и поменьше. Он по равнине течет, не по долине. Может, спешил я очень? Может, назад надо идти, посмотреть надо?

Обидно было возвращаться, но что поделаешь. Повернули назад и через два часа вновь выехали из устья большой реки на лед залива. Тут все остановились, а Питъюк, взобравшись на холм, стал оглядывать северный берег залива. Когда он, скользя, спустился к остальным, тревога на его лице уже сменилась обычной усмешкой.

— Нашел! — ликующим голосом объявил он и повел их к маленькой бухте, скрытой за цепью островов.

Нужную им речку они увидели, лишь обогнув последний на их пути остров.

— Да как ты сумел ее найти, Пит? — спросил Джейми.

— Реку не видел, Джейми. Вон что видел... — И Питъюк показал на гребень одного из островов.

На фоне неба высилась груда камней фута в три высотой. Случайному взгляду она и в самом деле показалась бы обычной каменной грудой, в тундре то и дело натыкаешься на беспорядочные нагромождения камней — остатки отступивших древних ледников.

— Это инуко́к, каменный человек, — объяснил Питъюк. — Эскимосы делал. Много инукоков делал, по вся тундра. Дорогу показывает. Этот, верно, Кейкуми делал. Теперь дорога знаю.

Хотя день был уже на исходе, Питъюк не дал им передохнуть, не дал даже согреть чаю. Собаки устало потянули сани, и устало побрели дальше путники.

Новая река оказалась всего-навсего неглубоким ручьем; он вел из залива на северо-запад, петляя по холмистой равнине, пересеченной длинными каменистыми грядами, с которых снег уже совсем сошел. В заснеженных долинах лежали бесчисленные озера, по краям они оттаяли, и между берегами и поздраватым льдом чернели полосы воды.

Ехать по Маленькой речке, или Мики́ку (так ее назвал Питъюк), было нелегко. Лед таял и трескался, да к тому же

на каждом шагу торчали валуны. Всюду разлились талые воды; ребята ясно слышали зловещий рокот реки, что бежала у них под ногами, под тонким, ненадежным льдом.

Сани их, напоминавшие тобогганы, были плохо приспособлены к такой дороге: они днищем плотно прилегали к земле, а значит, толкали перед собой тяжелое талое месиво. Весь груз скоро промок. А сани Питъюка, сделанные на эскимосский лад, на высоких полозьях, легко прорезали талый снег, и груз оставался сухим.

У всех четверых ноги промокли до колен, от ледяной воды застыли, окоченели. И вдруг Анджелина, которая мужественно шла наравне со всеми, не проронив ни слова жалобы, соскользнула в глубокую полынью и по пояс погрузилась в воду.

Эуэсин проворно ее вытащил и объявил, что сегодня они дальше не пойдут.

— Хватит, — устало сказал он. — Я знаю, надо спешить, да только так мы загоним собак.

И Питъюк сдался:

— Ладно, лагерь разбивать будем. Холм хороший, песчаный. Может, дерево найдем, костер будем зажигать.

Все принялись разгружать сани, раскладывать вещи на склоне песчаного пригорка, а Питъюк тем временем сбегал вверх по течению и скоро вернулся с большущей охапкой добела высохшего хвороста.

— Раньше тут лес всюду был, — сказал он, когда его спросили, где он раздобыл такую драгоценность. — Давно-давно деревья умер. Почему — не знаю. Лес стоит, не гниет. Для костра очень хороший.

Сухое дерево это, сохранившееся здесь с незапамятных времен, когда климат был теплее и леса еще не отступили к югу, горело жарким белым пламенем. Над мокасынами, меховыми одеялами, носками, развешанными на камнях и палках вокруг костра, за клубился пар.

Ребята сытно пообедали олениной, жаренной на нутряном сале. Так как небо было ясное, палатку решили не ставить. Хорошая еда, сухая одежда, отдых восстановили силы путешественников. Джейми, Эуэсин и Анджелина взобрались на вершину песчаного холма — поглядеть на новые для них просторы.

Анджелина впервые видела настоящую тундру. Перед лицом этих неоглядных далей, бесконечной холмистой равнины, каменистых кряжей, широких долин, которые тянутся чуть не до края света, она не сразу обрела дар речи.

— Нет, не нравится мне тундра, — тихо сказала она и поежилась. — Большая очень... и пустая.

— Она не пустая, — возразил Эуэсин. — Вон сколько там точек, будто камни. Видишь? Немножко движутся, да? Это олени. Вот она где, оленья страна. Зимой они приходят к нам, в леса, но это ненадолго, а дом их здесь. В прошлом году, когда мы с Джейми ездили с Деникази на Север, мы столько оленей встречали — иногда прямо проехать не могли. Нет, здесь не пусто.

Скоро, накормив собак, к ребятам подошел Питьюк. За последние день-два он как будто даже изменился внешне: словно раздался в плечах, стал выше ростом, сильнее, уверенней в себе. Он стоял сейчас рядом с ними, рыжие волосы его трепал ветер; он вытянул шею и смотрел вперед, на север, будто вожак, вынюхивающий добычу. Веселый, беспечный мальчишка, которого зимой знали Джейми и Эуэсин, уступил место юноше с уверенным взглядом голубых глаз, юноше, который знает, что делает и чего хочет.

— Мой край! — с гордостью сказал Питьюк. — Здесь тукту живет и иннуит. Олень и люди. Хорошо!

Джейми усмехнулся, легонько ткнул друга в бок:

— Ты как туристский гид говоришь, Пит. А я тебе вот что скажу. Не очень-то мне нравятся дороги в твоём драгоценном краю.

Питьюк ответил без улыбки.

— Дороги плохой, — согласился он. — Поздно едем. Сани сейчас нехорошо. Каноз рано. В такой время эскимос на месте сидит. А нам идти надо... быстро идти. Может, лучше спрятать немного тюки здесь?

— Дельно, — согласился Эуэсин. — Лед сейчас тает быстро. А с нашим грузом нам и десяти миль в день не сделать.

Вернувшись в лагерь, они принялись разбирать припасы и снаряжение, раскладывать их на две кучи, чтобы одну оставить здесь, а другую взять с собой. Мальчики везли два ящика патронов, несколько мешков муки и три ящика чая в подарок эскимосам, которые выручили Джейми и Эуэсина прошлой зимой, когда они заблудились в тундре. Большую часть этих припасов вместе с чаем, салом, мукой, патронами, запасной одеждой и многим другим ребята уложили высоко на песчаном холме, надежно укрыли шкурами карибу, а сверху завалили камнями. Питьюк сказал, что, как только река освободится ото льда, эскимосы приплывут сюда на каяках и переправят весь этот груз в свое стойбище.

Ночью сильно похолодало, от мороза наст опять затвердел. Облегченные сани быстро скользили по узкой извилистой Маленькой речке. Еще засветло путники добрались до истоков речки, до водораздела, за которым реки текут уже на север. Под защитой этого водораздела, с гребня которого дружелюбно глядели на мир несколько инукоков, разбили лагерь.

— Холод продержится — за один день стойбище иннуитов приедем, — радостно объявил Питъюк.

Но в тундре погоду не угадаешь. Ночью ветер переменился и принес с юго-запада теплынь. Перед рассветом начался ливень. Когда путники стали спускаться по Гусиной реке, из близлежащих долин хлынули талые воды. Река бежала не только подо льдом, но и поверх него. Скоро все и вся окончательно промокли. Ребята попытались было подняться из русла реки и пойти берегом, но не могли пробраться через мокрые снега, лежащие в долине. Волей-неволей пришлось вернуться к реке, но двигаться по ней можно было лишь очень осторожно: лед стал совсем тонкий, едва выдерживал тяжесть саней или человека. Об остановке же Питъюк и слышать не хотел.

— Ехать надо, — твердил он. — Лед ломаться будет. Тогда сани не поедешь.

Через каждые несколько миль река расширялась, образуя озерцо. Тут ехать было легче, но скоро и крохотные эти озерца стало опасно переезжать: собаки уже не раз проваливались в полынью, и тогда приходилось далеко, осторожно обходить опасное место.

В сумерки они все еще шлепали по Гусиной реке; ночлег опять был холодный и неудобный. Наутро все чувствовали себя так худо, что Питъюку никак не удавалось их поднять. Вялые и понурые от усталости и холода, они наконец двинулись в путь. Около полудня небо посветлело, а немного погода берега расступились и путникам открылись просторы большого озера.

— Круглое озеро! — закричал Питъюк. — Теперь хорошо. Скорей вперед!

На душе у всех полегчало; перекинув длинные сани Питъюка, точно мостки, через полоску воды у берега, ребята вышли на озерный лед. Отрезанный от берега, где разгулялись и все пропитали талые воды, он был сухой, двигаться по нему было легко и удобно. Даже собаки приободрились. Караван помчался на север. К концу дня через горловину вышли в другую часть озера. И вдруг Питъюк, сильно всех опередивший, громко закричал. Услышав в этом крике радость, все стали жадно вглядываться вперед.

— Смотрите! — воскликнула Анджелина. — Там люди!

На длинном низком мысу, протянувшемся от западного берега, стояли пять приземистых, островерхих чумов. До них было не меньше мили, но все равно ребята разглядели, какая там поднялась суэта. Собаки носились взад-вперед, люди выскакивали из чумов и бежали к берегу.

— Верно! — с трудом переводя дух, крикнул Эуэсин, видя, что его собаки почуяли запах стойбища и припустили вскачь. — Вот теперь познакомимся с эскимосами — едоками сырого мяса. Держись, сестричка, как бы тебя не съели.

Глава 9. СТОЙБИЩА ИХАЛМИУТОВ

Первой на берег въехала упряжка Питъюка, и сразу же ее окружило такое множество мужчин, женщин, детей и собак, что и сани и Питъюк скрылись из глаз, будто их захлестнул коричневый вал. Джейми и Эуэсин тем временем вновь обрели власть над своими взбудораженными собаками и остановили упряжки в сотне ярдов от стойбища. Втроем — Анджелина посередине, мальчики справа и слева от нее — смотрели они на шумную встречу, которую устроили соплеменники Питъюку, но ближе не подходили.

Их удерживала не застенчивость, а что-то более серьезное. То был и не страх — они знали, что эскимосов им бояться нечего. Скорее, чувство у них было такое, словно они перенеслись из одной эпохи в другую, откатились на бессчетное множество веков назад и очутились в невообразимой древности, среди невообразимо древнего народа.

Еще прежде чем отправиться на Север, они знали, что эскимосы удаленных от побережья областей тундры живут очень замкнуто и совсем не связаны с миром белых людей. Питъюк рассказывал, что лишь очень немногие чужаки побывали у ихалмиутов, народа малых холмов, как они себя называют. Правда, иной раз кто-нибудь из самых отважных эскимосов отправлялся в дальний путь, в факторию, оттого-то к ним и попадали ружья и иные товары. Вообще же ихалмиуты жили совсем как их предки во времена, когда даже Европа была еще лесной чащобой и населяли ее одни лишь кочующие охотники.

Ощущение это — будто они вдруг перенеслись в древний и чуждый мир — было так сильно, что и Анджелина и оба мальчика просто не понимали, как быть и что делать. Они еще

долго стояли бы на льду точно истуканы, но Питъюк наконец вырвался из смеющейся толпы и повернулся к друзьям.

— Зачем стоите? — крикнул он. — Иннуита боитесь? Вот еще! Идите скорей, знакомить буду с мое племя!

Порядком смущенные, Эуэсин и Джейми повели упряжки к берегу. Анджелина шла за братом, чуть не наступая ему на пятки. Как нарочно, словно для того, чтобы еще сильнее смутить юных путешественников, эскимосы вдруг будто онемели, выстроились в ряд и в мертвой тишине пристально, пытливо смотрели на подходящих к ним незнакомцев.

Кликнув двух эскимосских парнишек, Питъюк кинулся навстречу друзьям, каждому пареньку передал по упряжке (чтобы между непривязанными эскимосскими псами и ездовыми не началась драка), а сам схватил Анджелину и Джейми за руки и потащил к эскимосам.

Он подвел их прямо к огромному, как медведь, длинноволосому старику, чье широкое, иссеченное морщинами лицо расплылось в улыбке, открывшей обломки темных зубов.

— Это Кейкút, — сказал Питъюк. — Когда мой отец умер, вместо отца мне стал.

Джейми застенчиво улыбнулся, протянул старику руку. Но тот посмотрел озадаченно — он явно не знал, что с ней делать. Джейми густо покраснел и отдернул руку.

— Я его с прошлой зимы запомнил, — грубовато сказал он. — Как поживаете, мистер Кейкут?

Питъюк захохотал, согнулся в три погибели; не сразу ему удалось взять себя в руки. Наконец он выпрямился и закричал:

— Кейкут не белый начальник! Эскимос! Рука не жимет, «как поживаете» не знает. Нос тереться! Вот, смотри!

Он круто повернул Анджелину к себе лицом, вытянул шею и потерся носом об ее нос; глядя на них, эскимосы громко, весело расхохотались. Напряженного молчания как не бывало, эскимосы толпой окружили приезжих. Мужчины и женщины брали их за руки, хлопали по плечам, смеялись, что-то быстро, непонятно говорили — шум поднялся оглушающий.

— Вот это да... — шепнул Джейми Эуэсину. — Как расходились-то!

— Они напугают Анджелину до смерти, — сказал Эуэсин. — Погляди, как она уцепилась за Питъюка!

Путешественников увлекли к самому большому чуму. Он был сделан из скобленных шкур карibu, сшитых и натянутых на каркас из тонких шестов. Конусообразный, он был около двадцати футов в поперечнике и футов двенадцать высотой.

Анджелину и мальчиков провели, вернее, протолкнули внутрь; здесь было просторно, светло. В глубине чума пол застлан был толстым слоем одеял из оленьих шкур мехом наружу. Меховая одежда, инструменты из оленьего рога, лук, стрелы, множество каких-то непонятных предметов свешивались с шестов каркаса и валялись на полу.

— Садитесь, — пригласил Питъюк своих друзей. — Сейчас большой еда будет. Для гость всегда большой еда, потом много разговор.

— А где твоя мама, Питъюк? — спросил Эуэсин.

— В стойбище на Кейкут-озеро, — ответил Питъюк и объяснил, что его племя живет в трех стойбищах, меж Круглым озером и рекой Кейзон, которую эскимосы называют Иннуит Ку — Река Людей. Так разделились они для того, чтобы широким фронтом стать на пути оленьих стад, идущих на север, и тем самым добывать как можно больше оленей. Пуля нет для ружья, — закончил он. — Охотятся с лук и стрелы. Много не убьешь. Эта зима все был сильно голодный.

Появилась немолодая женщина с круглым улыбчивым лицом, черные волосы, зачесанные назад, открывали широкий лоб, их придерживал блестящий медный обруч. Женщина внесла глубокую деревянную миску с супом, в котором плавали какие-то коричневые куски. Поставила миску перед гостями и ушла. В дверной проем вдруг просунулись головы по меньшей мере десятка ребятишек; большими круглыми глазами, серьезно и зачарованно, глядели они на приезжих и на еду.

— Вареные олени языки, — объяснил Питъюк. — Мы надо все съесть. Самый лучший еда на стойбище. Весь нам отдали. Не съедим — горевать будут.

Языки оказались необыкновенно вкусными, да к тому же все четверо проголодались, так что слова Питъюка никого не испугали. Но не успели еще ребята разделаться с языками, как появились две женщины. Одна несла старое ведро, а другая — миску. Ведро было до краев полно рыбьими головами — они плавали в воде и глядели на мир бессмысленным взглядом. В миске грудой висели жареные олени ребра.

— Ух ты! — воскликнул Джейми. — Они что, думают, мы это все съедим?

— Надо есть, — сказал Питъюк. — Эскимосы весь еда отдал. Нельзя обижать эскимосы, Джейми.

— Да ведь я тогда сам себя обижу или помру. Тут еды на целый полк. И лучше бы рыбы закрыли глаза. Терпеть не могу есть, когда на меня смотрят.

Прошло полчаса. Эуэсин, Джейми и Анджелина наелись так, что, казалось, вот-вот лопнут, и, обессилив, с трудом переводя дух, откинулись на оленьи шкуры. Один Питъюк не сдавался. Он обгладывал ребра карibu одно за другим и правой рукой кидал их в дверь; ребятишки, не спускавшие глаз с пирующих, пригибались; кости вылетали наружу, собаки набрасывались на них и уносили в зубах.

Мало-помалу, поодиночке и по двое, в чум стали сходиться взрослые. Скоро Питъюк так увлекся разговором, что забыл о еде. Ему было что порассказать эскимосам, а им — что порассказать ему, ведь с тех пор, как он отправился с Джейми и Эуэсином на юг, в лесные края, прошло почти полгода.

Джейми, Эуэсина и Анджелину пока оставили в покое, и они были этим очень довольны. Передышка дала им время освоиться с незнакомым обиходом эскимосского стойбища.

Меж тем другие женщины внесли железные котелки с чаем. Чай привез Питъюк, эскимосы его не пили уже больше года. Чай — главное лакомство эскимосов; в этот вечер они выпили, наверно, литров тридцать пять.

Время от времени Питъюк оборачивался к своим товарищам, коротко пересказывал, о чем идет беседа.

Много толковали о том, что с кем произошло за эту зиму, но немало говорили и об оленях: что их становится все меньше, что зима была голодная, — а еще о том, какая жизнь была в тундре в старину.

— Давний-давний время, — рассказывал Питъюк друзьям, — ихалмиуты жили еще дальше на север, у большой озеро Энгикүни. Тогда много было эскимос, очень много. Стойбище большой был, наверно пятьдесят чум. Когда Кейкут совсем ребенка был, белый люди приплыл каноэ по реке, а в стойбище пошел большой болезнь. Почти все помер...

Тут его прервали другие эскимосы. Наконец поток речей приостановился.

— Теперь праздник будет, — сказал Питъюк. — Эскимосский праздник. Очень весело. Вот увидите!

На дворе смеркалось; одна из женщин принялась зажигать плоски из мыльного камня, в которые налит был растопленный олений жир. Фитилями служили жгуты из шелковистой неприхотливой пушицы, что цветет повсюду за Полярным кругом. Лампы горели чистым, ярким пламенем, освещая темные улыбающиеся лица эскимосов, тесно набившихся в чум.

Старик Кейкут вытащил деревянный обод, футов трех в поперечнике; на обод была туго натянута оленья кожа.

При виде этого огромного бубна эскимосы одобрительно зашумели и потеснились к стенам, оставив посредине свободное место. В чуме все гуще клубился табачный дым: Питъюк раздал пачки табаку всем мужчинам и всем женщинам, и теперь они раскуривали трубочки из мыльного камня.

Кейкут, шаркая ногами, вышел на середину. В меховых штанах и парке, он сейчас еще больше походил на добродушного медведя. Держа бубен в левой руке, он завертел его и при этом палочкой, которую держал в правой руке, постукивал по ободу. Наконец он подобрал нужный ритм, склонился над бубном и запел, переступая ногами в такт музыке.

Дикая, пронзительная песнь эта состояла из множества коротких строк; после каждой все собравшиеся хором подхватывали, причитая: «Ай-я-я-я-яй, ай-я-я-я...»

Это было так странно, непривычно, что сначала у Джейми пошел мороз по коже. Но понемногу мерный рокот бубна захватил и его, и, сам того не заметив, он присоединился к хору. Он видел, что Эуэсин и Анджелина не сводят глаз с Кейкута и тоже подхватывают припев вместе со всеми.

Но вот песня кончилась. Кейкут передал бубен другому эскимосу, и тот тоже запел. Так продолжалось до тех пор, пока каждый мужчина не спел свою песню. Между песнями пили чай — чай лился рекой. Табачный дым становился все гуще. Наконец одна из женщин приподняла боковую полу чума, чтобы впустить свежий воздух. Оказалось, вокруг чума лежат на животах мальчишки и девчонки и слушают, что происходит у старших.

Пение кончилось. Питъюк повернулся к своим гостям.

— Теперь вы, — строго сказал он. — Пойте для эскимосы.

— Ой, нет! Только не я! — воскликнул Джейми, но Эуэсин не стал отказываться.

Он поднялся, серьезный и важный, шагнул на середину чума и запел. Песню эту Джейми никогда прежде не слышал. Было в ней что-то древнее, первобытное, прорывался порою какой-то нечеловеческий вопль, словно отзвук иных времен, голос ушедших в небытие, забытых людских племен.

Эуэсин пел, в чуме стояла мертвая тишина, а едва он кончил, все громко, восторженно закричали, хотя никто не понял ни слова. Да на что им были слова? Мелодия и сама внятно говорила о том, что было им так близко, — о бескрайних северных просторах, о загадочных существах, которые неведомы белому человеку, о горе и радости, о любви и смерти.

— Что за песню ты пел? — настойчиво спросил Джейми,

Дикая, пронзительная песнь состояла из множества коротких строк.

когда Эуэсин вновь сел с ним рядом. — Я не слышал таких песен ни от одного кри.

Эуэсин смущенно улыбнулся:

— Старая песня старого народа, Джейми. При белых мы таких песен не поем — они не поймут. Они просто затыкают уши да иногда смеются. А здешние люди, они понимают.

Джейми немного обиделся: не такой уж он тупица, чтоб не понять песню. Когда Питьюк снова потребовал, чтобы и он выступил, он поднялся и несмело протиснулся на середину.

Все взоры обратились на него, а он глубоко вздохнул, двумя пальцами одной руки зажал нос, а другой рукой сжал горло.

И вдруг тишину прорезал звук не менее странный и жуткий, чем те, что уже слышались здесь сегодня, — пронзительный, дрожащий и жалобный вой. Ошеломленные эскимосы замерли, а из тьмы, обступавшей чум, в лад этой дикой музыке взвыли и вновь постепенно затихли ездовые собаки.

Наконец Джейми опустил руки и прошел на прежнее место. Было тихо-тихо. Никто даже не кашлянул. Потом Питьюк громко, одобрительно закричал, и все остальные эскимосы к нему присоединились.

— Что это было такое? — крикнул Эуэсин в самое ухо Джейми. — Ты меня прямо напугал! Вот уж не думал, что белые так могут.

Джейми расплылся в улыбке: он был очень доволен впечатлением, которое произвел на всех его номер.

— Не одни кри да эскимосы умеют петь дикие песни, — гордо сказал он. — Это волынка. Ну, вернее сказать, подражание волынке. Меня отец научил, еще когда я был маленький. А раньше я вам не показывал, потому что... ну, потому что боялся, вы меня засмеете.

Выступление Джейми было гвоздем вечера. Эскимосы хлопали его по спине и все разом что-то говорили. Питьюк предложил Джейми еще порадовать публику. Успех был неслыханный.

Джейми изобразил «Шотландского волынщика», а потом «Нашего леса цветы». Замолчал он, лишь когда совсем охрип.

Наконец он сел. Какая-то женщина поднесла ему большую кружку чая, а Питьюк потрепал его по плечу и сказал:

— Ты инук, Джейми, эскимос. Все наши говорят: лучше тебя нет певец. Может, женишься на эскимосской девушка и останешься здесь, а? Знаменитый человек будешь!

От сдержанности и напряженности, которые поначалу сковали гостей, не осталось и следа. Даже Анджелина, которая

все время сидела тихо, как мышь, и только настороженно осматривалась, и та оживилась. Она под села к молодой эскимоске — своей сверстнице, и каждая с любопытством изучала, рассматривала одежду другой, хоть они не могли обменяться ни единым словом. Изредка Анджелина робко, но вместе с тем гордо поглядывала на Питьюка: вот он какой стал среди своих, настоящий мужчина! Питьюк поймал один такой взгляд и ответил ей широкой, счастливой улыбкой. Анджелине стало совсем хорошо и радостно.

Еще задолго до полуночи у гостей начали слипаться глаза. Но празднику не видно было конца. Теперь в бубен одна за другой били женщины, а там дошел черед и до детей: у каждого была своя песня. Ели вареную и жареную оленину. Поток чая не иссякал. Затеяли игру в «кроватьку»: мастерили разные узоры, перехватывая надетую на пальцы бечевку.

Под конец Джейми уже не в силах был сопротивляться сну. Он стал клевать носом. Заметив это, Кейкут своим хриплым голосом о чем-то распорядился. Гомон затих. Эскимосы тихонько потянулись к выходу; скоро в чуме остались только четверо путников: Кейкут, его жена и их взрослый сын Белликари.

— Теперь спать будем, — сказал Питьюк своим друзьям. — Все спать у задняя стена, под шкура тукту.

Слишком сонные, чтобы смущаться тем, что спать придется вот так, в общей постели, Джейми и Эуэсин сбросили с себя верхнюю одежду и забрались под шкуры. За ними последовал Питьюк, потом Кейкут и Белликари. Анджелина и жена Кейкута свернулись в своем уголке общего ложа. Последняя лампа мигнула и погасла, в становище ихалмиутов воцарилась тишина.

Глава 10. ИННУИТ КУ — РЕКА ЛЮДЕЙ

Измученные долгой дорогой и вчерашним сидением допоздна, мальчики и Анджелина спали как убитые, а проснулись, когда утро было уже в разгаре. Совсем еще сонные, они вылезли из-под шкур и увидели, что в большом чуме, кроме них, нет ни души. Они оделись, вышли.

Их ошеломила невообразимая кутерьма. Эскимосы бегали взад-вперед, перетаскивали грузы, волокли к саням собак, кричали, смеялись и все друг другу мешали. Тут же носились дети, гонялись за убегающими собаками. Там, где вчера стояли пять чумов, теперь оставался один чум Кейкута. На месте остальных были только связки шестов да груды оленьих шкур.

— Что это здесь творится? — спросил Джейми Питьюка.

— Едем становище моей матери, — объяснил Питьюк. — Весь люди едут. Время ехать Иннуит Ку, всем собираться большой становище. Скоро лед сойдет, олень тогда не может бегать всюду. Будет переходить реки, где узкий места. Люди пойдут туда на каяках, большой охота будет.

К ним подошел Кейкут и повел к своей жене — она разожгла костер из мха и прутьев. Над костром висел железный котел, в нем что-то кипело и шипело. Женщина приветливо улыбнулась, выудила из котла куски вареного мяса, подала им безо всяких тарелок. Мясо было горячее. Джейми стал перебрасывать свой кусок с ладони на ладонь. Начал есть и обжегся.

— Вот это называется походный завтрак, — пробормотал он. — А все равно здорово, — поспешно прибавил он, перехватив колючий взгляд Питьюка.

Эуэсин усмехнулся:

— Прошлой зимой в Потаенной долине ты был не такой неженка. Помню, ел мясо руками, да бывало, что и сырое.

— Может, я достану из саней наши жестяные тарелки? — предложила Анджелина.

— Нет, сестричка. Здешний народ с тарелок не ест. Не годится показывать, что им чего-то не хватает.

Позавтракали быстро, и Питьюк повел ребят по становищу. Мальчики не могли глаз отвести от собак: великолепные рослые псы были чуть не вдвое крупней лаек лесного края, притом удивительно нарядной масти — в черных и белых пятнах. Эуэсин спросил, почему эскимосы не привязывают их, когда они не в упряжке. Сразу видно, что у этих собак хороший нрав, заметил он еще.

— Потому что непривязанные, — объяснил Питьюк. — Тебя на привязи долго держать, ты тоже злой станешь. Эскимосский собака свободен, как эскимос. Потому и веселый, как эскимос.

Мальчикам очень понравились и эскимосские сани — такие же, как у Питьюка, только гораздо больше. Нарты Кейкута были двадцати футов длиной, массивные полозья соединялись поверху десятком коротких поперечин. Увидев, как велики эти нарты, какой на них громоздится груз, Джейми даже присвистнул. Он откровенно не верил, что собаки сдвинут такую машину с места, но, когда Кейкут и Белликари запрягли всех своих восемнадцать собак, недоверие его рассеялось. Собаки впряжены были не гуськом, как в лесных краях. У каждой была своя отдельная постромка, так что упряжка могла разойтись перед санями веером.

Последним на сани Кейкута погрузили какой-то странный предмет футов пятнадцати длиной (чум сложили еще прежде). То была частая изогнутая решетка из ивовых прутьев, прикрепленная сыромятными ремнями к длинным тонким еловым жердям. Она походила на скелет гигантской рыбыны.

— Каяк, — объяснил Питъюк, заметив, как удивленно и пытливо смотрит Эуэсин. — Приедем к Иннуит Ку, Кейкут берет олений кожи, кроет каяк, тогда очень хорошо плавает.

Над становищем разнесся крик Кейкута, и все, как один, обернулись к нему. Огромные его нарты готовы были двинуться в путь. Эскимосы один за другим стали подъезжать к нему поближе. Старухи и маленькие дети уже сидели поверх поклажи; женщины помоложе и дети постарше с тучками за спиной приготовились идти пешком. Кое-кто надел вьючные седла на еще не подросших собак, которым не приспело время ходить в упряжке. Несколько таких собак тащили за собой маленькие травой — подобие салазок: к двум длинным шестам ремнями привязан был небольшой щит с легкой поклажей. Пять-шесть совсем молодых собак — вчерашние щенята — вольно резвились между нарт, под ногами у людей.

Картина была веселая, но от нее веяло чем-то древним, первобытным. Толпа людей в звериных шкурах, воющие псы, необозримый простор холмистой тундры под белесым весенним небом — все было такое, как сотни, а быть может, и многие тысячи лет назад.

Мальчики и Анджелина вместе со своими упряжками присоединились к Кейкуту. Старик щелкнул над головами своих собак длиннейшим бичом — подал знак отправляться в путь. И тотчас караван тронулся.

Продвигались медленно, потому что во многих местах снег уже стаял. Нарты двигались не быстрее идущих рядом женщин и детей, но никого это, видно, не заботило. Все перебрасывались шутками, смеялись, а когда один из юношей, желая похвалиться своим искусством править упряжкой, неосторожно выехал на некрепкий лед и по самую шею провалился в воду, все остановилось и весело, необидно захохотали. Сам пострадавший, едва выбрался на прочный лед и переоделся во все сухое, тоже присоединился к общему веселью.

До становища, куда они направлялись, было всего восемь миль, но к озеру Кейкут, откуда уже видны были чумы, добрались лишь в сумерки. Все жители становища вышли навстречу прибывшим. Джейми, Эуэсину и Анджелине снова пришлось претерпеть обряд знакомства и одолеть щедрое уго-

щение, только на этот раз пировали в чуме Эпитны, матери Питьюка.

Эпитна была еще молода и хороша собой, хотя, пожалуй, слишком полная. Жила она вместе со своим женатым братом Оухото, дядей Питьюка, — коренастым крепышом лет тридцати пяти. Когда Оухото увидел Питьюка, он обхватил его по-медвежьи, поднял над землей и, как тот ни вопил и ни брыкался, донес на руках до чума Эпитны, а она стала тереться носом об нос сына, радостно похлопывая его по спине.

Эскимосы, приехавшие с Кейкутом, не ставили чумы, а разошлись по жилищам своих друзей. Всюду сразу стало тесно: ведь в четырех чумах теперь размещалось чуть не сорок мужчин, женщин и детей. Но никого это не смущало, а вечером все собрались в одном чуме, и празднество снова затянулось до поздней ночи. Эуэсину, Джейми и Анджелине это уже оказалось не под силу; они не хотели никого обижать, но все же выскользнули из чума, юркнули к своим саням, и только собрались было достать меховые одеяла, как вдруг, откуда ни возьмись, появились Питьюк с Оухото.

— Вы что?! — возмутился Питьюк. — Мать думает, не нравится вам. Печальный стала. Все эскимосы печальный. Назад идите, слышите?

Эуэсин и Джейми переглянулись. Джейми пожал плечами.

— Ничего не поделаешь, дружище, — шепнул он. И сказал Питьюку: — Мы просто хотели взять одеяла, Пит. И сейчас же назад.

— «Одеяла»! — фыркнул Питьюк. — На что они? Сколько людей рядом спать лягут, тепло будет!

— Угу, вот этого я и боялся, — пробормотал Джейми, но Питьюк не услышал.

Эту ночь Джейми запомнил надолго. На длинном широком ложе спали бок о бок девять человек. Со всех сторон слышались храп, бормотание, вздохи, посвистывание, точно в котельной. Мало того, кое в ком из эскимосов силушка играла и во сне. То вдруг кто-нибудь пнет Джейми в бок, то заедет локтем в ухо, а один раз чья-то ручища хлопнула его по губам — да, тут уж не соскучишься! Анджелине больше повезло: женщины спали спокойнее, но даже у нее наутро, когда можно было наконец встать с этой общей постели, лицо было усталое, а глаза совсем провалились.

И вот опять ребята смотрят, как эскимосы снимаются с лагеря: все, кто жил у озера Кейкут, тоже решили отправиться к реке Кейзон.

— Мы обрастаем людьми прямо как снежный ком, — сказал Джейми Эуэсину и Анджелине.

Анджелина призадумалась.

— Верно, Джейми, — сказала она. — Интересно, сколько народу будет спать сегодня на одной постели?

— Даже подумать страшно! — проговорил Джейми.

Но им повезло. Следующая стоянка была у северного конца озера Кейкут. Когда они дошли до места, оказалось, что здешние эскимосы накануне уже снялись с места и поехали дальше. Так что в эту ночь все выпались, и даже Питъюк, казалось, радовался свежему воздуху, простору, возможности вернуться в свое собственное одеяло.

На другой день еще до полудня неровный ряд саней и людей пересек полосу суши по ту сторону озера Кейкут и вышел к высоким, обрывистым берегам Иннуит Ку. Для Джейми и Эуэсина то была торжественная минута — они снова оказались на большой реке, которая в прошлом году унесла их на Север, к необычайному приключению.

Иннуит Ку была сейчас совсем не такая, какой они видели ее в прошлый раз, — ее сковало льдом. Но талые воды оторвали лед от берегов, вздулись под ним; он трескался, раскалывался, огромные глыбы наползали на берег. И под беспокойным этим покровом грозно рычали рвущиеся на волю воды.

— Лед, того гляди, тронется, — почтительно и со страхом сказал Эуэсин. — Не хотел бы я в этот час оказаться на реке.

Но двигаться по реке нечего было и думать. Кейкут повел всех на Север по восточному берегу. Около полудня он объявил привал, и все разошлись собирать топливо для костра.

Джейми и Эуэсин ушли подальше от реки за ивовыми прутьями, оставив Анджелину и Питъюка у саней. И вдруг промерзшая земля у них под ногами задрожала. Послышался глухой, раскатистый рев; ребята испуганно поглядели друг на друга, а рев уже перерос в оглушительный грохот.

— Река! — крикнул Эуэсин, и они помчались к стоянке.

Когда они добежали, глазам их представилось устрашающее зрелище. Талые воды, что скопились в реках и озерах на протяжении сотен миль, наконец вырвались из оков. Река вся вздыбилась. Громадные льдины выпирали из воды, громоздились, рушились, содрогаясь, отрывались друг от друга, и течение уносило их прочь. А потом с верховий, грохоча, надвинулась стена льда и воды футов в двадцать высотой и ринулась, кажется, прямо на зрителей.

Прижав к себе Анджелину, Эуэсин во все глаза смотрел,

как несется к ним могучий ледяной таран. Джейми что-то кричал, но голос его затерялся в чудовищном треске и громе воды, льда, камней. Ледяные глыбы толщиной футов по десять взлетали высоко в воздух и падали в воду, поднимая фонтаны брызг и ледяных осколков. Ледяная пыль искрилась, мерцала над сорвавшейся с цепи могучей рекой, точно алмазный туман.

Все полчаса, пока яростный поток не унялся, эскимосы будто вросли в землю. И когда Кейкут наконец велел раскладывать костры и готовить еду, даже эскимосы и те принялись за дело молчаливые, подавленные.

— Зиме конец, — сказал Питьюк, когда ребята пили чай. — Для эскимос хороший время пришел. Гляди! Летит!

Он показал в небо — над рекой неровным клином летела на север стая диких гусей.

Караван медленно продолжал путь. Снег сходил, обнажая камни и болота; собаки с трудом тащили нарты. Нередко эскимосам приходилось им помогать: люди с криками хватались за постромки, тянули наравне с псами. Лишь к концу дня на восточном берегу разлившейся широко, точно озеро, Иннуит Ку показали островерхие чумы.

Это было место главного летнего становища. Здесь ихалмиуты собирались, чтобы перехватить оленей-самцов, которые уходили на север несколькими днями позже самок. Теперь, когда прибыл караван Кейкута, здесь собралось двенадцать семей, шестьдесят человек, — остатки некогда многочисленного народа, населявшего бескрайние северные равнины.

Племя это жило когда-то повсюду по берегам извилистой Реки Людей, что несет свои воды долгих четыреста с лишним миль. Последними из своего народа были эти немногие, ибо Река Людей превратилась в Реку Теней, и могучий край обезлюдел.

Глава 11. ИЛАЙТУТНА

Вот уже несколько недель мальчики и Анджелина жили в эскимосском становище. Хотя реки вскрылись, но ледоход еще не кончился, плыть в каноэ пока было опасно. На заполярных равнинах весеннее таяние идет слишком бурно; снежные топи, вздувшиеся озерца, набухшие водой болота обратили весь этот край в непроходимое месиво, так что и по земле пути тоже не было.

Хоть молодым путешественникам и не терпелось добраться

до заветного тайника — могилы викинга, но невольная задержка оказалась им не в тягость. Очень уж интересно было жить среди эскимосов.

Джейми, Эуэсин и Анджелина скоро почувствовали себя среди ихалмиутов как дома, однако настояли на своем — поселились отдельно в своей палатке. Гостеприимство эскимосов оказалось немного утомительным. Но ребята опять и опять делили с ними трапезу: редкие гости были нарасхват, а радушие хозяев неисчерпаемо.

Питались эскимосы почти одной олениной; стряпали из нее разнообразные блюда, а иногда ели сырую. В первые дни мяса не хватало, потому что у эскимосов кончились патроны, а без них трудно убить достаточно оленей. Но Питъюк недолго думая повел Джейми и Эуэсина на охоту, а когда они вернулись, убив шесть упитанных оленей, их встретили торжественно, как могучих охотников. Добыча эта пришлась тем более кстати, что эскимосам надо было обтянуть кожей каяки, чтобы подготовиться к встрече самцов, а хороших шкур не хватало.

Джейми и Эуэсин с жадным любопытством смотрели, как Кейкут ладил свой каяк. Сперва он два дня вымачивал в реке только что снятые шкуры, потом дочиста отскоблил с обеих сторон, снял волос и жир. После этого кожи стали походить на пергамент. Тогда он снова их намочил, осторожно натянул на остов каяка, а три женщины накрепко их сшили. Сшивали они сухожилиями, костяными иглами, работали так искусно, что швы совсем не пропускали воду.

Просохнув, кожи сели, натянулись туго, как на барабане.

И вот однажды утром Кейкут решил испытать свой каяк. Он без труда его поднял — каяк, можно считать, ничего не весил, — отнес к озеру, осторожно спустил на воду, и легкое, как пушинка, суденышко поплыло. Кейкут вошел в воду, ловко вскочил в каяк, взялся за двухлопастное весло и стремительно заскользил по озеру.

Казалось, ну что тут трудного? И когда Питъюк лукаво намекнул, что одни лишь эскимосы умеют управлять каяком, Эуэсин неосторожно принял вызов.

Питъюк потихоньку шепнул об этом одному, другому, третьему. Когда Эуэсин спустился на берег, он с ужасом увидел, что тут собрались чуть не все эскимосы. Стараясь ни на кого не глядеть, он натянул кожаные сапоги — высокие, выше колен, да еще непромокаемые — и вошел в воду.

Забраться в каяк оказалось труднее, чем он думал, глядя со стороны. При первой попытке Эуэсин опрокинул суденышко

набок, и оно порядком черпнуло воды. Эуэсин, помрачнев, вытянул его на берег, вылил воду и приготовился начать все сначала. На этот раз он решил не шагнуть, а вскочить в скорлупку, и это было удачно. Но тут каяк накренился влево, и Эуэсин чуть не вывалился.

Джейми, Питьюк и толпа эскимосов потешались вовсю. Пока бедняга Эуэсин силился обуздать капризное суденышко, они вперемешку со взрывами хохота засыпали его добродушными советами. Наконец он обрел равновесие и ударил веслом по воде. Каяк понесся с такой скоростью, что Эуэсин только рот раскрыл от удивления, а зрители на берегу так и покатились со смеху. Теперь Эуэсин не знал, как остановиться. Каяк прыгал по ледяным водам озера, а Эуэсин греб изо всех сил, стараясь повернуть его к берегу. Описав огромный неровный круг, он сумел наконец направить длинный острый нос каяка к берегу. И почти тотчас одним концом весла принялся тормозить, но чересчур сильно. Не успел он перехватить весло, как лодка перевернулась вверх дном, а сам он ушел под воду. В следующий миг голова его вынырнула из воды, и он по-собачьи поплыл было к берегу. Однако тотчас лицо его выразило полнейшее недоумение. Он перестал работать руками, медленно встал на ноги — вода едва доходила ему до колен!

Питьюк больше не мог сдержаться. Давясь от смеха, он катался по берегу, но вот, спотыкаясь о подводные камни, Эуэсин выбрался на берег, ухватил его за ногу и поволок к воде. Питьюк не сопротивлялся — он совсем ослабел от смеха. Голова его скрылась под водой, а когда он вынырнул, отфыркиваясь водой точно кит, эскимосы совсем зашлись от восторга.

Каяк выудили и высушили, а потом и Джейми предложили показать, на что он способен. Джейми вежливо, но решительно отказался, а в душе дал себе слово, что по доброй воле нипочем не ступит в утлое это суденышко.

Однажды, примерно через неделю после приезда в летнее становище, Оухото, который всякий день ходил пешком к югу, вернулся до крайности взволнованный: долгожданные стада оленей-самцов совсем близко!

Эскимосы поспешно перенесли шесть уже готовых к этому времени каяков через водораздел за становищем, на берег узкой, но быстрой речки, что впадала с северо-востока в Иннуит Ку. Здесь их спрятали в ивняке. Рядом с каждым каяком лег и притаился охотник.

Еще двое эскимосов побежали к востоку, туда, где косо

протянулся на юго-восток длинный, почти в милю, ряд инукоков, каменных людей: их поставили здесь давным-давно на расстоянии примерно в полсотни футов друг от друга. Перебегая от одного инукока к другому, эти двое на каждого нахлобучивали кусок дерна, из которого торчала и качалась на ветру сухая прошлогодняя трава. Эти «головы» придавали инукокам сходство с присевшими на корточки людьми. То была «оленья ограда»: она должна была отклонить приближающиеся стада к той самой переправе через реку, у которой затаились охотники со своими каяками.

А в становище хлопотали женщины и дети: сгоняли собак, накрепко привязывали, чтобы не кинулись, не спугнули карибу. Костры загасили, золу залили водой, чтобы олень не учуял запах дыма.

Наконец все было готово, и все, кто не принимал участия в охоте, взобрались на гребень холма неподалеку от становища — отсюда лучше всего видно будет охоту.

Питъюк, Эуэсин, Джейми и Анджелина устроились в северном конце гребня, над местом предполагаемой переправы.

Кейкут стоял в южном конце и через старинную подзорную трубу пытливо оглядывал горизонт. Но вот он отложил трубу, замахал руками — вверх-вниз, вверх-вниз. Эскимос, стоявший неподалеку от Джейми, повторил сигнал, чтобы его увидели охотники, притаившиеся подле каяков.

— Идут, — шепнул друзьям Питъюк.

Напряженно вглядываясь, они наконец заметили в той стороне какое-то движение на склонах холма, в двух милях к югу. Скоро там стало вырисовываться нечто знакомое. Длинные вереницы карибу медленно струились по склону холма и вились по дну долины. Тут были одни самцы. Они шли неспешно. Казалось, они бредут куда глаза глядят, подгоняемые слабым южным ветерком; то и дело они останавливались пощипать ягель, который уже выступил из-под растаявшего снега.

Они двигались непереносимо медленно, а может, так казалось со стороны. Наконец вожаки подошли к «оленьей оградой». Они как будто не слишком ее испугались, но все же свернули на северо-запад. Спустя два часа после того, как эскимосы заметили оленей, вожаки наконец вышли на берег. Здесь они топтались минут двадцать, видимо не уверенные, стоит ли переходить быструю речку. Но сзади подходили все новые олени, стадо напирало, и передним волей-неволей пришлось рискнуть: с полсотни самцов вошли в воду. Высоко задрав головы, они поплыли к противоположному берегу.

Взгляд Джейми был прикован к едва различимым силуэтам охотников, но те по-прежнему не шевелились.

— Чего это они? — шепнул Джейми Питьюку. — Почему не спускают каяки? Олени ведь сейчас выйдут на тот берег.

— погоди, — успокоил Питьюк. — Смотри, все увидишь.

Олени благополучно перебрались через речку, отряхнулись, точно собаки, и направились к северу. На южном берегу тем временем собралось уже около сотни оленей: они следили за вожаками и, видно убедившись, что переправа безопасна, тоже ступили в быстрый поток.

Они достигли середины, и тут шестеро охотников вскочили, схватили каяки, кинули на воду и прыгнули в них. Быстро работая веслами, они налетели на перепуганных оленей и мигом отрезали их от обоих берегов.

Олени в ужасе закружились, кинулись вверх по течению, но было их так много, что они мешали друг другу и оттого пугались еще больше. Меж тем каждый охотник одной рукой управлял своим суденышком, а другой выхватил короткое, фута в три, копьё с треугольным широким стальным наконечником, закрепленное на носу лодки точно гарпун. Охотники подплыли вплотную к теснившимся на одном месте оленям.

Быстрый удар сзади, под ребра, — и оленю конец. Охотник тут же направляет каяк к новой жертве. Скоро холодные зеленые воды реки потемнели, помутнели от крови. Стремительное течение уносило десятка два убитых оленей вниз по реке. Уцелевшие, кто где мог, выбирались на берег и неуклюжим галопом мчались прочь.

С того мгновения, как появились охотники, и до того, как олени рассыпались по равнине, прошло не больше пяти минут. Когда Джейми, Эуэсин и Анджелина встали на затекшие от неподвижности ноги и вместе с эскимосами начали спускаться с холма к переправе, ниже по течению реки появились те двое, что приделывали инукокам травяные головы. В руках у них были длинные шесты с крюками, они сноровисто подтягивали к берегу плывущие по воде туши.

— Твоим и ружья ни к чему! — сказал Питьюку Джейми. — В жизни не видал таких ловких охотников.

Питьюк широко улыбнулся:

— Хорошо охотятся, только олень не часто в река идет. Тогда эскимос голодный, если для ружья пули нет. Пошли. Теперь большой еда будет, мозговой кости.

В тот вечер в становище устроили пир горой. Все всласть полакомились костным мозгом из длинных оленьих костей и

прочими деликатесами — жареными почками, сердцем, истекающей жиром, зажаренной грудинкой. Когда все изрядно подзаправились и могли уже оторваться от еды, появились бубны, начались песни и пляски.

Один из танцоров был старый-престарый, лицо все в морщинах и складках. Однако двигался он так легко и проворно, что, когда он запел и пустился в пляс, все остановились и стали смотреть и слушать.

— Кто этот старик? — спросил Джейми Питьюка.

— Илайтутна. Старей всех ихалмиутов. Шаман знаменитый. Со многим духи говорит, много историй знает. Может, завтра вам рассказывать будет.

На другой день Питьюк повел друзей в гости к Илайтутне. Когда они вошли в его чум, старик не встал с груды шкур, только кивнул и пронзительно поглядел на них маленькими черными, как уголь, глазками, упрятыми в складки морщинистой кожи. Немного погодя он что-то сказал Питьюку, тот долго ему отвечал, потом объяснил друзьям, о чем речь.

— Он спросил, зачем вы пришли наша земля. Я сказал про викинг, сказал, мы будем все забирать. Ему не нравится. Может, захочет останавливать нас. Говорит, могила викинг заколдован. Теперь погодите, буду узнавать.

Питьюк опять заговорил по-эскимосски, старик кивнул, но ничего не ответил. Казалось, они зашли в тупик, но тут Джейми осенило. В кармане у него было несколько плиток прессованного табака, он хотел их подарить охотникам. И вот теперь он достал три плитки, степенно подал старику.

Похожая на клешню рука молниеносно, точно нападающая змея, метнулась к табаку, схватила и сунула под широкую парку. Илайтутна пробуравил Джейми зоркими глазками и, кажется, на что-то решился. Встал на колени, принялся шарить под нарами и, наконец, вытащил оттуда какую-то диковину, сработанную из дерева и кости. Поднял ее повыше, чтобы гости лучше разглядели, но только Джейми понял, что это такое.

— Арбалёт! — изумился он. — Но ведь эскимосы не стреляют из арбалетов! Это — оружие европейца, оно было в ходу сотни лет назад. Откуда он у старика, Питьюк?

Питьюк перевел старику вопрос, потом ответил:

— Говорит, сам сделал. Говорит, иннуиты научился у инохэуик — железный люди, они давно-давно сюда приходил. Говорит, может рассказать, если хотим.

— А вдруг это связано с викингами? — вскинулся Джейми. — Пусть он расскажет, Питьюк. Попроси его, пожалуйста!

Питъюк повернулся к старику, перевел. Илайтутна поднял глаза, уставился куда-то поверх ребячьих голов. Казалось, он смотрит сквозь стену чума в непостижимую даль, куда им не дано проникнуть. Долго-долго он молчал. Но вот в исполненной ожидания тишине раздался его голос.

Глава 12. ЛУК ВИКИНГА

Этот лук был оружием! Он прибавил силы моему народу, многим поколениям — не счесть. А потом белые люди привезли к нам ружья, и мы забыли про него. Напрасно мы это сделали: не должен человек забывать про дары, что принесли ему величие.

Дар этот мы получили в незапамятные времена, но я их помню, ибо я шаман, мне ведомо волшебство, и память о тех временах пережила бессчетные зимы и пришла ко мне.

То был дар инохауиков. Они были могущественнее, сильнее людей, и все же не боги, ибо всех их под конец одолела смерть. Были они бледнолицые и бородатые. А глаза голубые, точно глубинный лед.

А из каких краев они родом, никто не ведал. Знали мы только, что земля их далеко на востоке, за соленой водой, которой нет ни конца, ни края. И по воде этой они приплыли в лодках в пятьдесят раз больше каяка — так говорили наши предки.

В те времена мы жили ближе к соленой воде, но было нас в этом краю не много, а индейцев-иткилитов — не счесть. Они ненавидели нас и охотились на нас, как на кроликов. Выйдут летом на равнины, нападут на становища иннуитов и всех подряд вырежут. И мы всегда жили в страхе.

Однажды в месяц охоты племя наше пришло на берег реки Айкарлүку. И вот утром мальчонка пошел к реке — хотел рыбу забить — и вдруг бежит назад, кричит: «Иткилиты идут!» Мужчины схватили копья, стоят перед чумами и дрожат — боятся иткилитов. Но совсем не иткилиты приплыли по реке — пришло диковинное каноэ из тяжелого дерева, и в нем сидели восемь диковинных гребцов.

То были инохауики. Они гребли по двое, а девятый стоял на корме лицом к ним. На голове его сверкала железная шапка, грудь закрывали железные пластины, и на них играло встающее солнце.

Испугались иннуиты, подумали, что это приплыли дьяволы. В страхе глядели, как инохауики высаживались на берег. Пер-

вым сошел тот, высокий, кто стоял на корме. Он держал перед собой огромный круглый щит, белый как снег. Потом он бросил щит на землю и на него положил большой железный нож, длиною с ногу мужчины. Так он и стоял безоружный, и все увидели, что пришел он не с черными помыслами и в сердце у него нет злобы.

Так пришли инохауики. Они не говорили на нашем языке, а мы не знали их языка. Но они знаками объяснили нам, что они в пути уже много лун и теперь хотят вернуться в далекий край, за солеными водами. После народ наш понял, что инохауики приплыли к нашим берегам в другом, совсем большом каноэ, а потом пошли на юг, в леса, и там на них ночью напали иткилиты и перебили всех, кроме этих девяти. Девять бежали на Север, но не скоро добрались до соленой воды — большое каноэ ушло, не дождалось их, и они остались одни.

Когда они приплыли к становищу иннуитов, они были голодные, и наше племя их накормило — таков наш обычай. То был великий день, когда они к нам пришли. Он положил начало нашему могуществу.

А что случилось после, о том много есть рассказов. Рассказы те — о силе чужеземцев и об орудиях их и оружии. Почти все у них было сделано из железа. До них мы никогда не видели железа и стали называть его по имени одного из чужеземцев — х́ауик. А вождя их звали Ќунар.

Они пожили немного среди нашего племени, а потом стали спрашивать, нет ли пути на Север вокруг соленой воды. И когда услышали, что такого пути нет, сильно опечалились. Потом выпал снег, и они стали жить в чумах вместе с нашим народом.

Больше года жили они среди нашего племени. Научились охотиться, как иннуиты. Почти все забросили диковинную свою одежду и стали одеваться в меха, как иннуиты. Но Кунар не пожелал расстаться со своей железной одеждой. Даже в самый жестокий мороз он ходил в рогатой железной шапке и похож в ней был на мускусного быка.

Кунар был великан. Один мог унести на плечах целого карibu. Своим большим железным ножом разрубал оленя на куски так же легко, как женщина — рыбу. Кунар жил в одном чуме с человеком, по имени Киликт́ук, а этот Киликтук был шаман. У него была дочь Айр́ут, и в скором времени она понесла от Кунара. Иннуиты обрадовались, думали, теперь Кунар и его люди останутся с нами навсегда. Инохауикам было чему научить наш народ. Они научили нас высекать огонь железом из камня, строить запруды, чтобы ловить лосося, находить до-

рогу по звездам и еще многим удивительным вещам. Мудрые они были, а в нашем краю были все равно что дети, и мы учили их, как жить на великих равнинах.

Пришла еще одна зима, и они собрались в и́глу и долго о чем-то говорили. Кунара с ними не было, он был в и́глу Киликтука и Айрут: там он жил со своим сыном, которого родила ему Айрут. Те восемь пришли к нему и сказали, что будут уходить. Пойдут к берегам соленой воды, а оттуда — на юг, в леса, будут искать такое дерево, из которого можно строить большое каноэ, и тогда поплывут на восток, к своему далекому дому.

Они просили Кунара пойти с ними — ведь он был их вождь. И Кунар согласился, хотя, видно, без радости.

Тогда эскимосы рассердились. Все инохауики взяли себе в жены наших дочерей, и племя рассердилось: ведь они теперь покинут своих женщин! Едва не дошло до драки, но вмешался Кунар. Сказал: если мы отпустим его людей на юг, он останется с нами навсегда и откроет нам еще много секретов.

Так и порешили. Эскимосы все равно отговаривали инохауиков уходить — знали, что белым такой путь не под силу. Знали: если их не погубит пурга, так перебыют индейцы. Но те восемь и слышать ничего не хотели. Эскимосы дали им собак и нарты, и они ушли.

Их поглотил снегопад, и больше никто никогда их не видел. Где-то в ночной тьме их настигла ярость нашей земли, и они погибли.

И теперь рассказ мой уже не обо всех инохауиках, а о Кунаре, и еще об Айрут, и об их детях. Народ наш очень любил Кунара. Он часто рассказывал про то, что знал и видел в далеких краях. И многим его рассказам нельзя было поверить, оттого что говорил он про страшные сражения: грозным оружием бились люди на море и на суше и кровь человеческая лилась будто весенние дожди.

Иннуиты просили Кунара показать им, как сделать такое оружие, но он не согласился. Сказал — не хочет, чтобы они сами себя погубили. Он так говорил оттого, что не понимал эскимосов. Не понимал, что мы отнимаем жизнь только тогда, когда иначе нельзя. Кунар боялся, что, если он откроет нам секрет смертоносного оружия, мы станем как индейцы.

Эскимосы любили Кунара, но годы шли, и Кунар затосковал. Он больше не ходил на охоту, а все сидел у своего чума и глядел на восток и говорил сам с собой на непонятном своем языке. Эскимосы жалели его, но ничем не могли ему помочь.

Пришла еще одна весна, и племя решило двинуться в глубь

страны, на земли, богатые оленями, неподалеку от Реки Людей; наш народ знал, что теперь мы сумеем отбиться от индейцев.

И вот племя пустилось в путь. И говорят, когда шли на запад, Кунар шел последним, и все оборачивался, и глядел на восток, и плакал.

Эскимосы пришли к берегам Реки Людей и разбили лагерь близ озера Ангику́ни — место хорошее, там было много жирных оленей. Три года племя жило спокойно и сытно, и все думали, что это Кунар приносит им счастье, и полюбили его больше прежнего.

Потом, на третий год, в месяц, когда забивают рыбу, охотники решили пойти на Север, вниз по течению Реки Людей, за мускусным быком. Попросили и Кунара пойти с ними, но он сказал, он совсем больной, пойти не может. Только заболел он душой, а не телом.

Охотники взяли каяки и пошли на Север, а Кунар остался в становище с женщинами, детьми и стариками. И случилось так, что, когда мужчины ушли, сверху по реке нагрянула орда индейцев-иткилитов, и они напали на становище эскимосов.

Была жестокая резня. Индейцы перебили половину женщин и детей. Если бы не Кунар, они убили бы всех.

Кунар сидел неподалеку от становища, сидел один — такой у него был обычай. Услыхал он вопли женщин и детей и бросился к чумам. В руках у него был его большой нож, на голове рогатая шапка, и солнце играло на его железной рубашке.

Он накинулся на индейцев и рычал, будто бурый медведь из тундры. И нож его мелькнул как молния и стал красный, и он мелькал и становился красный много раз.

Иткилиты не могли устоять против Кунара. Он убил многих, а кто остался в живых, кинулись к своим каноэ и уплыли вверх по реке. Да только прежде чем им скрыться из виду, один из них обернулся и пустил стрелу из своего длинного лука, и стрела эта попала в Кунара, ниже края железной рубашки, и впиалась в живот.

Когда вернулись наши мужчины, у многих жены и дети были уже похоронены, а уцелевшие женщины их оплакивали. Айрут и обоих детей Кунара тоже убили. А сам он лежал в чуме и ни с кем не говорил. Он своей рукой вытащил стрелу, что впиалась ему в живот, но рана была черная и зловонная.

Он ни с кем не говорил, пока к нему не подошел шаман. Сперва Кунар произнес страшные заклятия. Потом попросил шамана Киликту́ка принести ему дерево и крепкие, упругие рога мускусного быка. Киликтук все принес, и Кунар сказал,

какую форму придать дереву, а какую — рогу и как их соединить. Киликтук все так и сделал, и в руках у него оказался такой самый лук, как я вам показал.

И тогда Кунар заговорил:

— Это — дитя смерти. Прими его от меня в дар. Возьми его и походи в леса, где живут иткилиты, и убивай их всюду, где они ходят и где спят. Пусть во всем этом краю не останется в живых ни одного иткилита.

И, сказав так, умер.

Тело его отнесли на высокое место, недалеко от Реки Людей и рядом с ним положили все его вещи, даже его большой нож, которому цены не было. А потом над ним построили дом, построили из камня — он говорил, что так строят дома на его родной земле.

Там Кунар и лежит. Его дом вы и видели прошлым летом.

И еще про тот лук. Мы не пошли с ним на юг, не стали мстить. Такого обычая у нас нет. Но мы сделали много таких луков, и, когда нам нужно было мясо, мы убивали оленей. А иткилиты больше не показывались в наших землях — дитя смерти очень их напугало.

Так мы жили в довольстве и сытости, и скоро эскимосов стало многое множество. Дитя смерти служило нам ради жизни, и это было хорошо. Никогда никто не приносил нам такого бесценного дара, и как знать, может, если б мы его сохранили, мы все еще были бы большим племенем, а ведь сейчас нас осталось совсем мало. Пройдет еще немного зим — и никого из нас не останется.

А теперь устал я. Старый стал, скоро спать буду. Теперь идите, старый я...

Глава 13. ПЛАНЫ МЕНЯЮТСЯ

Задумчивые, сосредоточенные возвращались Анджелина и мальчики от Илайгутны. В глазах Анджелины блеснули еле сдерживаемые слезы. Ей так живо представилась трагическая судьба Кунара, словно все это случилось только вчера.

Рассказ старика растрогал их всех, но особенно глубоко задел Питьюка. Он молчал, и его всегда веселое лицо омрачала затаенная скорбь. Под вечер друзья забеспокоились и попробовали как-то его подбодрить.

— Ведь Кунар умер давным-давно, — напомнил Эуэсин.

Питъюк поднял голову, посмотрел хмуро, как никогда.

— Я не про Кунар думал. Про ихалмиутов. Это мой племя. Я, когда рос тут, часто мясо не был, и дети умирал, и старый люди голодный сидел. Вот я думал, что шаман рассказывал. Раньше много люди был, много олень, никто голодный не сидел. Теперь мало люди, мало олень, и, может, скоро все голодный станем. Вот как будет, если никто не помогает.

— Это дело властей — помогать людям, когда они голодают, — сказал Джейми. — Плохо, что никто про твое племя ничего не знает, Питъюк, только несколько торговцев. Спорим, власти даже не знают, что есть на свете такое племя. А вот мы, когда поедем на юг, мы всем про него расскажем и про то, что с ним делается.

Эуэсин безжалостно охладил пыл Джейми:

— Думаешь, нас кто-нибудь станет слушать? А что случилось с чипеуэями, забыл? Сколько раз белых просили помочь, а часто они помогали? Народ Питъюка чужой твоему народу. Даже если белые нам поверят, им ничего не стоит забыть.

— А я им не дам забыть! — с вызовом крикнул Джейми. — Уж я постараюсь, чтоб не забыли. Я такой шум подниму, на весь свет, и тогда придется им что-нибудь да сделать!

Но Эуэсин стоял на своем:

— А как ты это сделаешь? Ты ведь всего-навсего один человек, и за тобой охотится полиция. Кто станет тебя слушать? Я-то знаю, каково сейчас Питъюку, а ты не знаешь, Джейми. Ты мой лучший друг, и ты друг индейцев и эскимосов, но ты никогда не поймешь, каково нам.

Горечь, которую Джейми впервые слышал в голосе Эуэсина, безмерно поразила его. Он не сразу нашелся что сказать, его опередил Питъюк:

— Эуэсин правда говорил. Я рассказывать буду про ихалмиут. Ты хорошо слушай, Джейми. Раньше они сильный племя был, много оленина у них был, весь зима охотились на белый лисица. Раз в два зима самый сильный мужчина везли большой груз белый лисица на берег торговцу. Назад везли ружье, патрон, капкан. Очень далекий путь, трудный, два месяц ехали, три ехали. Такой путь только с полный желудок ехать можно. Только охотник с полный желудок может бежать много сотня миль по тундра за белый лисица. Потом давно-давно, я еще тогда не рождался, мужчина повезли большой груз белый лисица торговцу. Приехали на берег, а торговец говорит, белый лисица теперь не надо. Ничего не стоит. Мужчина поехал назад, ничего не привез — ни ружье, ни патрон. В тот зима

десять люди, двадцать люди умер, потому что не было пуля, нечем было зимой убивать олень. И тогда нет сил зимой охотиться на лисица. И каждый год меньше олень стало. Больно много олень белый люди на юге убивал. Тогда эскимосы, хочешь не хочешь, сиди в становище, и все до весна голодный. Четыре, пять лет назад Оухото и три мужчина опять поехал на берег. Говорил торговцу — патроны надо, никак нельзя без патроны. Торговец смеялся, говорил, вези много мех. Эуэсин правда сказал. Белый люди помогает только белый люди. Мой отец белый, но, может, я про это забуду. Лучше пускай мой отец эскимос.

Впервые с тех пор, как Джейми приехал на Север, он ощутил, что между ним и жителями этого края зияет пропасть. И ему стало страшно.

— Послушайте, — в отчаянии сказал он. — Белые ведь не все такие. Разве мой дядя Энгус такой? И там, подальше к югу, еще много таких, как он. Говорю вам, если б только они знали, что здесь творится, они бы послали помощь. Нет, мы заставим власти что-то сделать... — докончил он упавшим голосом: он видел, что Эуэсин и Питьюк ему не поверили. Он почувствовал себя глубоко несчастным и очень одиноким. Он отчаянно ломал голову: как одолеть это отчуждение?

И тут заговорила Анджелина. Заговорила тихо и мягко:

— Я вот все думаю: Джейми сказал, оружие викинга будет на юге больших денег стоить. А ведь это вещи Кунара. Он женился на эскимоске, и у него были здесь дети. Разве он не захотел бы помочь эскимосам еще больше, чем помог? Ведь если его вещи стоят больших денег, часть их надо отдать племени Питьюка, правда? Тогда эскимосы купят ружья, и патроны, и другое, без чего им нельзя жить.

У Джейми гора с плеч свалилась.

— Верно! — воскликнул он. — Конечно! Говорю вам, какой-нибудь музей тысячи за это заплатит. Денег вполне хватит и для дяди Энгуса, и для всего племени Питьюка. И потом вот что: газеты захотят узнать, как мы все это нашли. И мы расскажем про беды эскимосов. Вся страна прочитает. И тогда властям поневоле надо будет вмешаться. Им уже не дадут забыть.

Питьюк смотрел на Анджелину, и впервые за весь вечер на лице его промелькнула улыбка. Он протянул было руку, хотел, видно, коснуться ее плеча, но передумал и обернулся, только не к Джейми, а к Эуэсину:

— Толк будет, Эуэсин? Как думаешь?

— Пожалуй, будет, — осторожно ответил Эуэсин. — Если только мы сумеем сами все продать. А то, пожалуй, белые все у нас отнимут и ничего не дадут взамен. С нашим народом такое случалось... и с твоим тоже...

— А теперь не случится! — яростно перебил Джейми. — Со-кровище нашли мы, и никто не может его у нас отобрать. Когда поедем в Те-Пас, все спрячем, с собой возьмем только что-нибудь одно на образец. И никому не скажем, где спрятали: сперва надо твердо знать, что нам заплатят по-честному.

— Все так, — согласился Эуэсин. — Только неохота мне ехать в Те-Пас. У нас там нет ни одного друга, а враги есть. Полиция там, верно, очень зла на нас. Достанется нам от них.

Но тут Джейми осенило, и он разразился потоком слов:

— Питьюк! Когда эскимосы прежде ездили на берег, они в какое место ездили? В Черчилл, да? А мы можем туда проехать? Если можем, тогда все в порядке. Черчилл настоящий город, и там никто не узнает, кто мы такие. Оттуда я пошлю телеграмму в Торонто, директору школы. Он по части истории дока. И в музеях он людей знает. Он для нас сделает что только сможет, уж это наверняка.

Питьюк постарался не потонуть в потоке вопросов.

— Давний время эскимос ездил Черчилл зимой на собаках. Прямо не ездил, боялся чипеуэй встретить. Кругом ездил, долгий путь: Ангикуни, потом Большой река — почти до самый берег. Черчилл мы называл Иглу-уджарик — там большой каменный крепость. Сам я не знаю, может, по Большой река каноэ плавать можно.

Уныние, овладевшее ребятами после того, как они побывали у шамана, теперь рассеялось. И они еще долго захлеб во всех подробностях обсуждали новые планы. Конец этим разговорам положил дядя Питьюка, Оухото: он заглянул в палатку и, сияя улыбкой, объявил, что у него в чуме их ждет ужин.

Они пошли за ним и уселись на полу вокруг большого деревянного блюда, которое мать Питьюка с верхом наполнила вареной оленьей грудинкой. За едой Питьюк рассказал об их новых планах эскимосам, которые ужинали вместе с ними.

Тут же был и Кейкут, он внимательно все это выслушал.

— Да-а... — задумчиво протянул он. — В давние-давние времена эскимосы иногда ходили по Большой реке на каяках прямо до соленой воды и там встречали морских эскимосов и торговали у них тюленьи шкуры. Но мы-то этой дорогой летом никогда не ездили, только зимой, по льду. Надо спросить шамана — он один знает, как что было в давние времена.

... На несколько дней вернулось ненастье и остановило оттепель. Ночи были морозные, дни серые, ветреные: то и дело налетал мокрый снег, и река никак не могла освободиться ото льда. Мальчики и Анджелина держались поближе к становищу. После того, что они услышали от шамана, им еще сильнее не терпелось добраться до могилы Кунара и ждать становилось тягостно. Но что поделаешь... Эуэсин тщательно осматривал и чинил упряжь. Джейми много времени проводил с Оухото — тому белый юноша особенно пришелся по душе — и старался хоть немного научиться языку эскимосов. Анджелина и Питьюк постоянно бывали вместе, это не укрылось от глаз Джейми.

Скверная погода продержалась недолго. Через неделю после того, как ребята побывали у шамана; Питьюк объявил, что река почти уже очистилась ото льда и теперь можно плыть в каноэ. Решили на другое же утро отправиться к могиле Кунара. Поплывут они в тех двух каноэ, что дали им чипеуэи, и с ними пойдут проводниками Оухото и Кейкут в каяках. Собаки останутся на становище под присмотром Белликари.

Каменный дом — так они по-прежнему называли могилу викинга — находился милях в тридцати от стойбища, вниз по течению Иннуит Ку. Течение было такое стремительное, что они всего за полдня доплыли до порогов: здесь прошлым летом Джейми и Эуэсин потопили свое каноэ.

Водопада еще не было видно, слышался только его рев, но Кейкут уже повел флотилию к берегу. Каяки и каноэ вытащили на сушу и пошли пешком.

Потом все остановились на берегу, посмотрели на пенистые буруны, и тут Джейми и Эуэсин переглянулись. Питьюк заметил это и закричал, перекрикивая шум воды:

— Вы, может, недовольный, что мы пороги не переплываем? Думаете, эскимосы трусы? Только белый да индеец храбрый, может плыть такой большой пороги?

— Брось, Питьюк, — ответил Джейми. — Мы были не храбрые, а просто дураки, сам знаешь!

— Скромный стали! Вот пойдём дальше по Большой река, может, вы бедный эскимосский мальчишка тоже покажете, как плавать большой пороги? Я быстро научусь, честный слово.

Они, наверно, еще долго бы препирались, но их прервал Оухото. Он первый поднялся на невысокую гряду и теперь показывал рукой куда-то на север. Остальные взобрались к нему, остановились и молча глядели на каменистый холм, что поднимался по ту сторону затопленной талыми водами долины: на вершине холма виднелось массивное сооружение из камня.

Оухото поднялся на невысокую гряду и теперь показывал рукой куда-то на север.

То был Каменный дом, на поиски которого они пустились в такой далекий путь. То была могила Кунара, Железного человека.

Глава 14. МОГИЛА КУНАРА

В этот весенний день неоглядные холмистые дали наводили такую тоску, что ее не могло развеять даже ослепительно яркое солнце. Равнина казалась пустынной, давным-давно вымершей. Не слышно было птичьего пения. Среди одноцветных каменистых холмов и тающих сугробов в тундре, пропитанной водою, точно губка, не видно было ни единого оленя. Мхи и лишайники еще не ожили. Они все еще оставались мертвенно, по-зимнему тусклыми, серо-бурыми.

Наступил самый унылый час в жизни тундры: она пробудилась от зимней спячки, но еще не встрепенулась, лихорадочный восторг короткого лета еще не завладел ею. Она лежала серолицая и недвижимая, как мертвец.

Гнетущая безжизненность равнины подавляла, и Анджели-на, Эуэсин и Джейми невольно старались держаться поближе друг к другу. Эскимосам и Питьюку тоже стало не по себе. Оухото что-то тихонько сказал, и Кейкут медленно кивнул.

— Он говорит, здесь останутся. Ждать нас будут, — объяснил друзьям Питьюк. — Могила Кунар не ходят. Я тоже не хочу туда ходить. Но вы ходите, значит, я с вами.

Джейми встряхнулся, заговорил как мог бодро и деловито:

— Что мы, маленькие, что ли? Привидений испугались? Тут пугаться нечего. Мы с Эуэсином пробыли у Каменного дома целую ночь, и я туда лазил. С виду он и правда жутковатый, только никакие призраки там не водятся; да их и вообще не бывает. Так что пошли.

Эуэсин переглянулся с Питьюком и ответил за обоих:

— Может, в твоей стране и нет духов, Джейми. Может, глаза белого человека не видят того, что видим мы. Белые знают много, но они знают не все. — Он пожал плечами, повернулся и поднял дорожный мешок. Закинул его на плечо и снова повернулся к Джейми. — Заяц даже и слепой чует белую сову, — закончил он и зашагал к маячившему вдали Каменному дому.

Остальные трое пошли за ним, и Джейми так и не нашелся что сказать. Не впервые поведение друзей сбивало его с толку.

— Все-таки когда-нибудь я научусь помалкивать, — огорченно пробормотал он, нагоняя Эуэсина.

Они пересекли широкую болотистую долину, причем кое-где пришлось идти по колено в ледяной талой воде, и стали взбираться по усыпанному камнями склону холма, на котором похоронен был Кунар. Чем ближе они подходили, тем величественней становился Каменный дом, и под конец стало казаться, что он возвышается надо всем окрест. Но это только казалось, на самом деле он был не выше десяти футов, а основание его занимало не больше пятнадцати квадратных футов. Но такой обман зрения вполне понятен: ведь в здешних краях не видно никаких следов человека и оттого единственное творение рук человеческих стало главной вехой в море пустоты.

Они перелезли через расколотые морозом острые валуны, которые преграждали путь к дому, и им снова стало не по себе: будто снова они перенеслись из знакомого обжитого мира в чуждый мир бесконечно далекого прошлого.

В десятке шагов от могилы Эуэсин остановился. Ни на кого не глядя, он порылся в своем мешке, выудил оттуда плитку табака. И положил ее на плоский камень.

Потом подошел Питъюк. Он достал из своего мешка небольшой сверток с вяленой олениной и положил рядом с табаком.

Джейми смотрел на все это озадаченно, но смолчал. И сдержанность его была вознаграждена. Видя, что Джейми не подшучивает над ними и не проявляет никаких признаков нетерпения, Эуэсин объяснил, правда немного робко и смущенно:

— У нас так считается, Джейми: кто умер, тому надо делать подарки. У нас много всего есть, потому что мы живые. А у них нет ничего, потому что они мертвые. В прошлом году, когда мы с тобой тут были, я забыл поделиться с мертвым. А потом дал себе слово: если приду еще раз, ни за что не забуду. — Тут он заговорил чуть ли не умоляющим голосом: — Ты, может, думаешь, это все глупости, но только все равно не смейся. Пожалуйста, не смейся.

— Да мне и неохота смеяться, — серьезно сказал Джейми. Порылся в кармане и вытащил истинную драгоценность — перочинный нож, приз, который он завоевал в школе в Торонто несколько лет назад. И не без смущения взглянул на Эуэсина: — А мне можно? Ничего, если я тоже что-нибудь подарю?

Питъюк схватил левую руку Джейми, крепко ее сжал.

— Это очень, очень хорошо, Джейми.

С тех пор как они подрались на Кэсмирском озере, не часто голос его звучал так дружески. Джейми выступил вперед и положил нож на камень. За ним подошла Анджелина и рядом с их дарами положила пачку чая.

Эуэсин первый нарушил молчание и заговорил так весело, словно с души его свалилась немалая тяжесть:

— Ты прости, что я нехорошо сказал тогда в становище про твой народ. Мы с тобой отделились друг от друга, тут и я тоже виноват. Понимаешь, у нас в сердце столько гнева накопилось против белых, оттого мы иногда сердимся и на своих друзей. А ты нам друг: и Анджелине, и мне, и Питьюку. Зря мы на тебя обиделись.

— Я не обижалась, — колко заметила Анджелина. — Говори за себя Эуэсин. Ты забыл, я ведь люблю дикобразов.

— Выходит, я дикобраз? — спросил Джейми. — Ну ладно, Анджелина, твоя правда. Дикобраз и есть. И раз все тут вроде виноватые, так и я скажу: я тоже виноват, нехорошо говорил. Ну, а теперь займемся делом.

Массивную и неприступную гробницу Кунара строили, видно, с большим тщанием — камни сложены были в плотный куб, зазоры между ними наглухо зашпаклеваны болотным дерном. Дерн пустил корни, разросся, окутал гробницу мшистым покровом. Однако каменный куб был сплошным только с виду — Джейми обнаружил это еще в прошлом году. Он тогда отыскал узкий, наполовину осыпавшийся ход, что вел под северную стену, и пробрался во внутренний склеп. Теперь он повел друзей к этому ходу. И вдруг остановился как вкопанный: чуть в стороне среди мха что-то белело. В тот же миг это увидел и Питьюк и негромко ахнул.

— Ничего-ничего, Питьюк, — заторопился Джейми. — Это просто череп. Он лежал внутри, а прошлым летом я вытащил его, не разобрал, что это такое. Мы положим его на место.

Но слова эти не успокоили Питьюка. Он быстро попятился от гробницы, и Эуэсин тоже отступил — он-то видел череп еще в прошлом году и тогда отчаянно перепугался.

— Я туда не иду! — нетвердым голосом выговорил Питьюк. — Ты не обижайся, Джейми. Только я не иду.

— И не нужно, Питьюк, — ответил Джейми. — Я сам все сделаю. Эуэсин, помоги отвалить камни.

Эуэсин нехотя подошел, и вдвоем они сдвинули камни, которыми в прошлом году завалили узкий вход.

Это была всего лишь расщелина, дно ее густо поросло мхом, через трещины меж валунами сочился слабый свет. Джейми наклонился, заглянул в отверстие. Сердце его часто стучало, и ему вдруг отчаянно не захотелось лезть в эту сырую, темную дыру.

Он набрал в грудь побольше воздуха и сунул голову и плечи в проход. Руки его коснулись знобюще-холодного металла, и он тотчас выполз, таща за собой то, что успел нащупать.

Питьюк и Анджелина изумленно уставились на длинный, чуть не в четыре фута нож, покрытый корою грязи и ржавчины.

— Нож Кунара! — прошептал потрясенный Питьюк.

— Это меч, — объяснил Джейми. — Двуручный меч. С таким мог управиться только настоящий великан. Мне его даже поднять трудно. Эуэсин, положи-ка его осторожно на мох. Он весь изъеден ржавчиной. В нем, может, железа-то почти совсем не осталось.

Во второй раз Джейми нырнул в дыру уже с меньшей неохотой. Теперь он вытащил ржавый шлем, а потом и кинжал — от его лезвия осталась лишь узкая полоска металла, изъеденная ржавчиной.

— Вот и все, что я достал в прошлом году, — объяснил Джейми Питьюку и Анджелине. — Теперь полезу внутрь и погляжу, что там еще есть. Буду зажигать спички, а то ничего не увижу.

— Там одни кости, Джейми, — боязливо сказала Анджелина. — Может, не надо туда лазить? Может, и этого хватит? Джейми упрямо замотал головой.

— Нет, — сказал он. — Надо посмотреть, что там еще есть. И череп надо положить на место.

Эуэсин подошел к дыре и, опасливо глядя, как Джейми лезет в тесный проход, опустился на корточки. Питьюк и Анджелина стояли поодаль. Питьюк то и дело переводил взгляд с входа в гробницу на белый череп, который, казалось, пустыми глазами слепо уставился в небо.

Но вот Джейми скрылся из виду. Слышно было, как он чиркнул спичкой, потом раздался его приглушенный голос:

— Я внутри, Эуэсин. Здесь вроде пещеры. Фута три в высоту. Давай мне сюда череп.

Эуэсин с трудом заставил себя поднять череп, осторожно поднес его к дыре и сунул во тьму, где его перехватил Джейми.

Долго, нестерпимо долго из гробницы не слышалось ни звука. Но вот снова раздался приглушенный голос Джейми. Казалось, ему трудно говорить.

— Передаю еще кое-что. Придется тебе сунуть голову в дыру, Эуэсин. Ты поосторожней. Это вроде ящичка, только он тяжеленный.

Набравшись храбрости, Эуэсин стал на колени и сунул голову и руки до самых плеч в дыру, из которой несло затхлостью. Пальцы его коснулись чего-то холодного, скользкого, и он невольно отпрянул. Но вот чиркнула спичка, и он увидел лицо Джейми, совсем белое, в поту — прямо глядеть страшно. И Эуэсин невольно попятился.

— Держи, — нетерпеливо сказал Джейми. — Это же просто ящик. Он не кусается.

Прежде чем спичка погасла, Эуэсин увидел зеленоватую квадратную коробку. Стиснув зубы, он взял ее и полез из хода. Джейми — за ним следом.

Выбравшись наружу, Джейми поднялся на ноги и минутную другую молчал: казалось, ему не хватает воздуха.

— Ну ладно! — сказал он, отдышавшись. — Давайте поглядим, что это за ящик.

Оказалось, что это — подобие шкатулки, вырезанной из мыльного камня, десяти дюймов в основании и восьми дюймов глубиной. Когда-то у нее, видно, была деревянная крышка, но давно сгнила; дерево сохранилось лишь кое-где по толстому краю. Коробку наполнял какой-то черный прах, но, осторожно покопавшись палочкой, Джейми наткнулся на что-то твердое.

Мальчики и Анджелина, позабыв все свои страхи, склонились над коробкой. Джейми бережно вынул какой-то твердый предмет, пальцами счистил истлевший мох и плесень. И в руках у него оказалось широкое незамкнутое кольцо, похожее на браслет, в котором не хватает куска. Оно было металлическое, и металл какой-то очень тяжелый, тускло-зеленый. Джейми поскреб его ногтем.

— По-моему, это золото, — прошептал он.

Питъюк с жадным любопытством схватил палку и стал ворошить ею в коробке. Но Джейми удержал его за руку:

— погоди, Пит. Лучше не будем больше ничего трогать. Вдруг сломаем что-нибудь, что прогнило. Лучше оставим коробку как есть, пускай в ней роется, кто в этих делах понимает.

— Это не коробка, — сказал Питъюк, — это эскимосский горшок, старый-старый кастрюлька из камня.

— Горшок ли, коробка ли, а в ней вещи Кунара, — вмешалась Анджелина. — Джейми верно сказал: надо обернуть ее мхом и положить в чей-нибудь заплечный мешок.

Джейми показал рукой в сторону меча и кинжала, лежащих неподалеку на земле:

— С ними тоже хлопот не оберешься. Они до того ржавые: стукни посильней — рассыплются.

— Я сделаю, — сказал Питъюк; после того как Джейми его одернул, он хотел искупить свою вину. — Берем палка, кладем по бокам. Потом заворачиваем крепко мокрый олений шкура. Шкура высыхает, садится. Будет жесткий покрывка, очень крепкий, не гнется.

Эуэсин кивнул:

— Так и сделаем. Но сперва надо все это доставить в становище эскимосов. Каждый понесет по одной вещи, и если осторожно, все донесем в целости.

Они не стали задерживаться у гробницы. Но перед тем как уйти, Эуэсин собрал скромные дары, что лежали на плоском камне, и сунул в отверстие лаза. Потом вместе с Джейми завалил вход большими валунами.

Через полчаса они присоединились к двум эскимосам, поджидавшим их на дальнем холме. Кейкут и Оухото взглянули на все, что они принесли, но ничего не сказали. Легко вскочили и повели ребят обратно к каякам и каноэ.

Поздним вечером, когда все в становище улеглись и четверо друзей остались одни в своей палатке, Питъюк сказал:

— Я раньше не хотел говорить, только прошлый неделя

разговоры был, говорили, вы будете забирать вещи Кунар. Некоторый люди ходил шаман, и он бил бубен, пляска был, вызывал духи. Эскимосы слышал чудной голос, больно густой, говорил непонятный слова — никто не понимал. Только три раза слышал имя «Кунар». Шаман слушал с закрытый глаза. Дрожал весь. Потом упал на пол, будто помер. Скоро проснулся, говорил, очень плохо взять вещи с могила Кунар. Говорил, Кунар рассердится сильно, найдет на нас несчастье.

Джейми слушал и еле сдерживался — очень хотелось сказать: ерунда все это, пустая болтовня. Однако он молчал до тех пор, пока Питьюк не вышел на минуту из палатки. Джейми сразу обернулся к Эуэсину и даже поразился — такая тревога была в лице друга.

— Ты что? — резко спросил он. — Может, ты тоже веришь во всю эту чепуху?

У Эуэсина лицо стало совсем растерянное.

— Не знаю, что и думать. У нас тоже есть колдуны, Джейми; они всякое могут, ты даже не поверишь. Не знаю, правда ли это дух Кунара с людьми говорил, только не нравится мне разговор про то, что он найдет несчастье. Эскимосы теперь, наверно, не захотят нам помогать, а тогда нам ничем не найти путь, как плыть на восток, к побережью. Вот уж это и правда будет для нас настоящее несчастье.

Джейми уже готов был отчитать друга, но тут вернулся Питьюк и пришлось прикусить язык. Он позволил себе лишь несколько довольно кротких слов:

— Дядя Энгус говорит, счастье каждого человека зависит от него самого, и я ему верю. Мы прекрасно со всем справимся, только не надо пугаться сказок да заклинаний. А теперь давайте забудем про это и ляжем спать. Завтра у нас дел по горло.

Глава 15. НЕЖДАННАЯ ПОМЕХА

На другое утро мальчики и Анджелина принялись готовить сокровища викинга к далекому путешествию в Черчилл. Питьюк достал у одного из своих друзей эскимосов остов старого каяка, и ребята взяли из него несколько длинных и тонких палок, чтобы положить меч в лубки.

Они как раз прилаживали лубки, и вдруг полу палатки резко откинули, и к ним, шаркая, вошел шаман. Он впервые появился у них, и они не очень понимали, как его принимать. Но он не обратил внимания на их неловкие попытки оказать

ему радушный прием, а прошел напрямик к мечу и опустился подле него на корточки.

Бережно потрогал он тяжелый черенок — на нем еще виднелись остатки костяной или, может быть, роговой рукояти, с которой свисали зеленоватые металлические кольца. Потом отрывисто что-то приказал Питьюку, и тот поспешно подал ему кинжал, шлем и каменный «горшок».

Старик мельком взглянул на кинжал и на шлем, но так уставился на каменную шкатулку, что ребятам даже стало жутковато. Джейми выступил вперед, хотел показать ему металлический браслет, но старик яростно отмахнулся.

Потом шаман порылся в кожаной сумке, которая висела на ремне у него через плечо, и выудил кожаный мешочек. Был он до того черный и грязный, что ребята не могли толком его разглядеть. Старик ткнул им в сторону каменной шкатулки, что-то пробормотал и засунул обратно в сумку. Потом встал, изрыгнул какие-то сердитые слова, откинул полу палатки и исчез, не оглянувшись.

— Это еще что за дурацкое представление? — спросил Джейми.

Питьюк помялся, ответил не сразу, упавшим голосом:

— Он сердитый очень. Из сумка доставал очень сильный амулет. Когда поднимал его, он сказал горшок: «Не сделай мне зло. Не я виноват, другой выкопал твой кости. Виноват белый люди и индейцы». А когда пошел из палатка, сказал, мы большой дураки, а все эскимос, кто нам помогает, совсем большой дураки.

Незванный гость очень расстроил Питьюка, и Эуэсин тоже сильно встревожился. Джейми пробовал их успокоить:

— Послушайте, ребята. Ну неужто мы позволим этому старикашке нас запугать? Может, он и правда разговаривает с привидениями, а может, и нет. Но мы-то ведь не делаем ничего плохого. Археологи во всем мире каждый день раскапывают могилы, и ничего с ними не случается. И с нами тоже ничего не случится.

— Я не знаю, кто что в другой место делает, — упрямо возразил Питьюк. — А только в мой страна это худо — будить мертвец. Шаман говорит, очень худо.

Джейми обозлили слова Питьюка, но он уже научился держать себя в руках. Он старался придумать, как бы развеять страхи друга и при этом не рассердить его, и вдруг на помощь ему неожиданно пришла Анджелина:

— Джейми верно говорит, Питьюк. Мы Кунару ничего

плохого не делаем. Мы ведь хотим помочь эскимосам; по-моему, Кунар был бы тоже рад помочь. Я думаю, не все согласны с шаманом, что мы плохо делаем.

Джейми с благодарностью ухватился за помощь, хоть она и пришла не из самого приятного для него источника.

— Шаман — это только один человек. Давайте поговорим с Оухото. Он лучший охотник в становище, и его все уважают. Мы расскажем ему, зачем нам сокровища Кунара, и может, он встанет на нашу сторону.

К великому облегчению ребят, Оухото с ними согласился: в том, что они взяли оружие Кунара из гробницы, ничего плохого нет, тем более если продать его белым людям на юге и на эти деньги купить эскимосам ружья и патроны. А вот насчет каменной шкатулки Оухото сомневался. Ведь, по словам шамана, в шкатулке хранится стрела, которая убила Кунара, и — страшно подумать — кровь Кунара, что пролилась из смертельной его раны.

Переводя друзьям эти слова, Питъюк весь дрожал, и даже у Джейми екнуло сердце. Но он тут же себя одолел.

— Не верю я, — сказал он. — Откуда старику знать, что в шкатулке? Наконечник, может, и вправду там, а на счет крови — это он, скорей всего, выдумал, чтоб нас напугать. Наверно, самому захотелось шкатулку. Только что бы он там ни надумал, а мы заберем ее с собой. Я сам ее понесу и уж постараюсь ее уберечь. А вы все можете к ней даже не при-трагиваться. Скажи это Оухото, Пит. Спроси, поможет он нам?

Питъюк перевел, и Оухото ответил не вдруг. Долго и сурово глядел он на Джейми, потом раздельно что-то сказал.

— Он говорит, — перевел Питъюк, — ты, может, глупый, но и храбрый тоже. Говорит, будет помогать. Будет показывать дорога к Большой река, когда нам пора идти.

— Ну, а ты, Пит? Ты теперь согласен?

— Может, я тоже глупый, Джейми. Но храбрый, как ты. Мы берем каменный горшок.

Следующие десять дней погода становилась все лучше. В тундре, где, как известно, настоящей весны не бывает, уже наступило лето. Зима уходит в грохоте тающих рек, и едва они освободятся ото льда, как весь край наводняет всевозможная живность; чтобы до возвращения холодов произвести на свет и выучить потомство, зверям и птицам надо спешить.

Чайки, кулики, болотные птицы, утки, гуси и мелкие сухопутные пичуги появляются мгновенно, и их такое множество, что хор, в который вливаются мириады голосов, не смолкает даже ночью. Но настоящей ночи в ту пору и нет, солнце почти не скрывается за горизонтом и светит круглые сутки.

Стада тельных оленух к этому времени уже давно откочевали на север, и большинство оленей-самцов не спеша отправились вслед за ними, но многие самцы еще медлят, бродят кое-где по равнинам.

На песчаных холмах, с которых уже стаял снег, лают и пронзительно тьявкают подле своих нор полярные лисы — они уже сбросили белые зимние шубы и стали тускло-рыжими. На холмах повыше волчьих логовищ барахтаются драчливые коричневые волчата, лазают прямо по растянувшимся здесь же терпеливым родителям.

Повсюду на озерных болотах кишмя кишат похожие на мышей пеструшки.

Там, где посуше, столбиками стоят золотистые бурундуки, пересвистываются друг с дружкой и освистывают мохноногих ястребов, что парят над ними.

Мертвые земли ожили. В тундре повсюду закипела мимолетная летняя жизнь.

Все это время мальчики и Анджелина усиленно хлопотали, готовясь к путешествию на побережье. Шаман держался чем дальше, тем враждебней, однако почти все остальные эскимосы по-прежнему относились к ним хорошо, никогда не отказывались помочь в приготовлениях к отъезду. Старые охотники сообща припоминали места у Гудзонова залива, помогая Оухото выбрать самый лучший путь. Кейкут и Белликари согласились съездить на Малую речку за вещами, которые ребята спрятали там по пути сюда, и оставить у себя на лето их собак. Кейкут, Оухото и еще двое эскимосов обещали, что, едва только наступит зима и по льду и снегу можно будет проехать на нартах, они поедут на юг, к Танаутскому озеру. Они приведут собак и доставят припасы, которые ребята не смогут захватить с собой к Гудзонову заливу. И как будет хорошо, если с Танаутского озера они увезут в тундру ружья, патроны, чай и муку: всего этого вдоволь купят для них ребята на деньги, которые выручат за сокровища викинга.

Анджелина взялась починить одежду и мягкую упряжь. Но эскимосские женщины и девушки так усердно принялись помогать, что почти ничего не оставляли на ее долю. Зато они

учили ее шить непромокаемые кожаные сапоги. Внимательней всех к Анджелине относилась мать Питьюка, и всякий раз, завидев сына, что-то говорила ему, отчего он краснел и тут же старался улизнуть. Ни Анджелина, ни мальчики не понимали, что она говорит, а Питьюк наотрез отказывался переводить, но догадаться о смысле ее речей было не так уж трудно. И однажды утром Джейми простодушно сказал Эуэсину:

— Похоже, мать Питьюка выбрала себе невестку.

Питьюк сидел тут же и смазывал ружье и сделал вид, будто не слышит, но вот пропустить мимо ушей ответ Эуэсина оказалось не так легко.

— Верно, Джейми, — сказал Эуэсин. — А ты видал, как Анджелина шьет одежду на эскимосский лад? Я думаю, Питьюк будет хорошим мужем. Ведь если она у него будет голодать, мне придется его поколотить: брат должен присмотреть, чтоб сестра жила в достатке.

Этого Питьюк уж никак не мог стерпеть. Он вскочил и с криком кинулся на друзей, но они были начеку. Схватили его за руки, повалили наземь. Джейми уселся на него верхом, а Эуэсин озабоченно пощупал его лоб.

— Горячий. По-моему, любовная лихорадка. Анджелина! — громко крикнул он. — Иди скорей. Питьюк заболел. Тебя зовет!

Анджелина сидела в одном из чумов и шила. Она миглом примчалась на зов. Но с первого же взгляда поняла, что над ней подшутили. Не говоря ни слова, она схватила ведро, и ребята ахнуть не успели, как Анджелина окатила всех троих ледяной водой. Повернулась и, не оглянувшись, большими, сердитыми шагами ушла в чум.

Отплевываясь, тяжело дыша, ребята поднялись на ноги.

— Что ж, — отдышавшись, сказал Эуэсин, — теперь Питьюк остыл... ненадолго!

К концу июня в воздухе становища стали ощущаться перемены. Большинство эскимосов по-прежнему относились к ребятам дружески, помогали им, но явно чувствовали себя при них не в своей тарелке. Эуэсин сразу же это заметил и как-то вечером приступил к Питьюку с расспросами. Поначалу Питьюк отвечал уклончиво, но в конце концов признался, что назревают неприятности.

— Все старик. Говорит, нам беда будет, а если мы остаемся становище эскимосы, им беда будет тоже. Говорит всем, нам не добратья до Гудзонов залив. Говорит, Кунар не даст уносить свой вещи в чужой земля. Сказал Оухото — если идет с нами, не вернется живой.

— Старый черт просто завидует! — сердито выпалил Джейми. — Он сколько времени всем здесь заправляет, и поглядите, как эскимосам сейчас худо приходится. Сам он ничем не может им помочь, а мы вроде можем: вот он и лезет из кожи вон, чтоб нам напортить.

— По-моему, надо опять поговорить с Оухото, — спокойно, но твердо сказала Анджелина. — Ты злишься, Джейми, а от этого только всем хуже.

Ребята зашли в чум Оухото и застали у него нескольких эскимосов, но те сразу же под разными предлогами ушли. Да и сам Оухото казался угнетенным и беспокойным. Но когда Питъюк объяснил ему, зачем они пришли, ему явно полегчало.

— Я рад, что вы уже знаете, — сказал он через Питъюка. — Сам я не хотел вам говорить, и оттого было мне совсем нехорошо — ведь между друзьями не должно быть секретов. А теперь расскажу вам остальное. Шаман еще раз говорил с духами; при этом было почти все племя. Под конец он сказал, что Кунар вас проклял, и не велел больше с вами знаться. Теперь никто не понимает, как быть. Некоторые даже говорят, чтоб я с вами не ходил. Да разве я больной старик, чтоб духов бояться? Нет, я пойду с вами до Большой реки. И я так думаю: нам надо уходить поскорей, потому что племя все больше слушается шамана. Набрались страху, да чем дальше, тем больше, а от пуганого человека всего можно ждать.

— А скоро ли пойдём? — тревожно спросил Джейми.

Оухото задумался, сдвинул густые брови.

— Нам нельзя трогаться, пока сильный ветер не сломал подтаявший лед на больших озерах. Надеюсь, ждать теперь не долго. Нет у меня доверия к старику, а если, пока ждем, что случится с вашими каноэ, никуда вам не уехать.

— Не посмеет он ничего сделать! — крикнул Джейми, но в голосе его не было уверенности.

В этот вечер у себя в палатке они долго не могли уснуть, хотя час был уже поздний. Положение свое они обсуждали далеко за полночь, но так ничего и не придумали. Наконец Анджелина решила, что хорошо бы выпить по кружке чая, и вышла разжечь костер и вскипятить воды. Но скоро она вернулась, глаза ее радостно блестели.

— Слушайте, — сказала она. — Северный ветер задул, уже слышно, и по небу облака пошли. Может, он прямо сегодня взломает лед?

Когда ребята напились чаю, ветер уже гулял по становищу, и шум его, суля надежду, в конце концов успокоил их и усыпил.

Когда же они проснулись на рассвете, ветер дул вовсю. Они вылезли из палатки и увидели Оухото, который шел их будить. Он улыбался.

— Ешьте скорей, — сказал он, — у нас много дел. Сегодня лед тронется, а завтра и мы тоже.

Глава 16. ОЗЕРО-В-ОЗЕРЕ

Ветер весь день не утихал, а путешественники тем временем заканчивали приготовления к отъезду. Эуэсин тщательно осмотрел каноэ, проверил каждый шов, удостоверился, что смоляная прокладка надежна. Остальные ребята укладывали снаряжение и прочие припасы.

Ехать решили налегке, захватить только самое необходимое. Все, без чего можно обойтись, оставляли в становище. Лишнюю провизию отдали эскимосам, кроме того, Эуэсин и Питъюк оставили им в пользование свои ружья и большую часть патронов. Они рассчитали, что на время путешествия к побережью вполне обойдутся одним ружьем и полусотней патронов.

Поклажу составляли меховые одеяла, палатка, два дорожных мешка с запасной одеждой, из кухонной утвари только то, без чего никак нельзя в дороге: два топорика, веревка, чай, соль, мука, вяленая оленина, — и, конечно, сокровища викинга. Их тщательно уложили в два лубка, каждый обернули оленьей кожей, и каждый сверток привязали к одному из каноэ под банками: так они не потонут, даже если лодка перевернется. Решено было, что Джейми и Питъюк поплывут в одном каноэ, а Эуэсин с сестрой — в другом.

На рассвете следующего дня путешественники готовы были к отплытию. Провожать их пришло совсем немного народу. На берегу собрались только друзья и родные Питъюка, не слышно было обычных для такого случая добродушных шуточек, поддразнивания. Серьезно и тихо все помогали ребятам нагружать каноэ. Мать Питъюка только что принесла им на дорогу вареное мясо, и тут с холма, что возвышался над берегом реки, донесся хриплый крик.

Все обернулись: на фоне рассветного неба четко вырисовывался черный, зловещий силуэт шамана. Несколько мгновений он оставался недвижим. Но вот он занес правую руку, в которой сжимал короткое копьё, и яростно потряс им, будто грозя путешественникам, и злобно прокаркал что-то своим старческим, надтреснутым голосом.

Эскимосы испуганно забормотали и, казалось, готовы были разбежаться. Но тут выскочил Оухото, погрозил старому шаману кулаком, с вызовом прокричал что-то ему в ответ. Старик еще мгновение помедлил — и скрылся из виду.

Оухото повернулся к ребятам, стоявшим в нерешительности у своих каноэ, лицо его было мрачно. Он отрывисто бросил Питьюку несколько слов, и тот нетвердым голосом перевел:

— Шаман нас проклял, а я ему сказал: когда с вами случится беда, тогда буду брать нож, буду пропороть ему костлявый бок. Пошли, пора в дорога.

Ребята только этого и ждали. Питьюк оторвался от матери, а она стояла неподвижно, и по щекам ее текли слезы. Кейкут и еще несколько мужчин осторожно спустили каноэ на воду, и путешественники тут же в них прыгнули. Еще миг — и они понеслись по реке вслед за Оухото, чей маленький каяк вырвался вперед.

Анджелина обернулась, бросила прощальный взгляд на кучку молчаливых людей, на приземистые, крытые оленьими шкурами чумы, что виднелись позади них, на серую волнистую равнину, раскинувшуюся до самого горизонта. И ее пробрала невольная дрожь: она подумала о старике, чья злоба, казалось, последовала за ними в дальний путь, в неведомую страну, что лежала на востоке.

Когда лодки отошли на милю к северо-востоку от становища, Оухото направил флотилию в устье небольшой речки — той, где шла охота на оленей. Речка была очень быстрая, и гребцам приходилось изрядно налегать на весла, чтобы двигаться против течения, но через несколько часов они оказались в маленьком озерке и направились к его южному концу.

Отсюда вытекала уже и не речка, а просто ручей — узкий и такой мелкий, что ребятам пришлось вылезти из каноэ и вести их, шагая рядом вброд. Вот когда мальчики порадовались, что эскимосы научили Анджелину, как сшить им высокие сапоги! Для этих сапог брали выделанную, как пергамент, оленью кожу и тщательно сшивали ее нитками из оленьих сухожилий. Потом на несколько минут наливали в них воду. От воды нитки разбухали и швы становились водонепроницаемыми, а сама кожа — мягкой и гибкой.

Оухото незачем было брать свой каяк на буксир. В мелководье он просто поднимал его и нес на голове, а сам живо шагал дальше да еще покрикивал на спутников, чтоб поторапливались.

Ручей вливался в озерцо, которое они быстро переплыли,

а за ним шел длинный вóлок — каменистый водораздел — до Волчьего озера. Когда все пожитки наконец перетащили через волок, близился вечер и Оухото предложил раскинуть лагерь.

— Эскимос начинает путь — не спешит, — объяснил друзьям Питьюк. — Медленно начинает. Потом быстрее идет. Белый человек начинает быстро, потом идет медленно.

Джейми на сей раз не попался на удочку. Двадцать миль он то изо всех сил выгребал против течения, то тянул каноэ на буксире и теперь рад был согласиться с Оухото. В ответ на слова Питьюка он только усмехнулся:

— А я теперь сам эскимос. Сам иду медленно.

От их стоянки до становища на Иннуит Ку по прямой было всего восемь миль. Они же должны были идти по рекам и речушкам, а потому описывали широкую дугу. На Севере в каноэ редко можно двигаться кратчайшим путем: чтобы отъехать от места на десять миль, обычно проходишь на веслах миль тридцать, а то и все сорок.

Следующий день был удачнее. Перед ними на юго-восток до самого горизонта простиралось огромное, двадцать миль в длину, Волчье озеро. Еще только два дня назад воды его были скованы пятифутовым слоем льда. Весеннее солнце понемногу источило его, и едва подул сильный ветер, лед превратился в кашу и растаял. Когда на другое утро оба каноэ и каяк плыли вдоль западного берега, лед уже исчез бесследно.

Ветра в этот день почти не было, и воды озера оставались спокойными. Все утро путешественники плыли на юг, придерживаясь плоских голых берегов.

Из озера вытекала, устремляясь на юго-восток, довольно широкая речка. Талые воды напитали ее, она вздулась и несла каноэ и каяк со скоростью добрых трех узлов. Маленькая флотилия стремительно понеслась вниз по течению. Река текла по равнине, порогов на ней не было, и плыли они безо всяких происшествий.

— Вот здорово! — крикнул Джейми сидевшему на носу Питьюку. — При такой скорости мы за неделю будем на побережье!

— Хо! За неделю?! За месяц, может. Вот погоди. Совсем скоро не такой легкий путь.

— Ну, слишком-то трудно не будет, Пит. В лесном краю я по очень плохим речкам плавал. Не может быть, чтоб Большая река была хуже.

— На юг нет плохой река! — пренебрежительно заметил

Все обернулись: на фоне рассветного неба четко вырисовывался черный, зловещий силуэт шамана.

Питъюк. — Посади маленький ребенка в мокасин — и то по южный река могут плавать. Не то что Большой река. Оухото говорит, по такой река только большой рыба может плавать, сильный рыба.

Полчаса спустя Оухото, который сильно опередил их и пристал к острову посреди широко разлившейся в этом месте, точно озеро, реки, подал знак, чтобы они высаживались на берег. Он разжег костер, и в котелке уже кипел чай. Питъюк принес к костру запасы провизии, и Анджелина замесила пресные лепешки.

Скоро все уже ели лепешки, пили обжигающе горячий чай, и ребята расспрашивали Оухото про края, по которым лежал их путь. Питъюк переводил слова Оухото:

— Сейчас мы в К'унок, так место зовут — Без река. Имя такой дали, потому что озеро много, а пороги нету. Это половина речка, половина озеро. А потом будет Озеро-в-озеро. Такой большой озеро, лежит на остров, а вокруг остров совсем большой озеро.

Это тайный место. Сюда дорога очень трудно находить. Давний-давний время индейцы-иткилиты пришел летом на равнина, искал эскимосы. Знал, что эскимос живет на Кунок, и шел четыре отряд, много люди, много каноэ. Один отряд с восток, другой с запад, еще другой с юг и еще другой с север.

Один человек, по имени Яха, охотился на олень, увидел индейцы и скорей побежал становище сказать всем эскимосы. Почти сто эскимос был в тот становище, а индейцы пришел, наверно, три раза сто. Эскимосы не знал, что делать. Женщины все начал причитать, дети плачут. Тогда один эскимос, Кахутсуак, собрал всех и так сказал: «Берите все каяк. Пускай женщины садится перед гребец, а дети привязывайте позади гребец. Ночью уезжайте из становище, костры пускай все горят, чумы стоят, собаки привязан рядом с чумы. Я повезу все прятаться».

Все послушались Кахутсуак, и он повел каяки тайный путь на Озеро-в-озеро и на остров посреди внутренни озеро. Индейцы-иткилиты ничего не видел. Потом Кахутсуак говорил: «Все надо спать в ямы в земля. Не ставить никакой чум. Никто не зажигать огонь. В светлый время никто не ходит, тогда со стороны незаметно. Индейцы, все четыре отряд, пришли в Кунок, нашли эскимосский становище. Напали на него, а там никого — один собаки и пустой чумы. Индейцы стал очень злой. Стал всюду искать след, куда ушел эскимос, и ничего не нашел.

На остров эскимос очень плохо жил, тяжело жил. Нельзя еда готовить, вода греть, сам согреться. Каждый день дождь

шел, люди все мокрый. Один женщина, Пáмео, — очень красивый женщина, умный очень. Она говорит себе: «Индейцы никогда не найти этот место, зачем буду замерзать до смерти?»

Ночью тихонько ушел из становища, спрятался за песчаный холм на остров. Утром сделал совсем маленький костер, варил рыба. Совсем маленький костер, а дым все равно поднялся. То утро индейцы стоял на единственный холм, с который видно Озеро-в-озеро. Индейцы увидел дым.

На другой утро индейский каноэ со все стороны окружил остров, очень страшно кричал. Большой битва был. Только индейцы очень много был, никакой эскимос не остался живой, одна Памео, потому сама раньше ушел, индейцы ее не видел.

Когда индейцы ушел, Памео вернулся, видит — все мертвый. Она рвал одежда, волосы рвал, плакал долго. Никогда больше не ушел с.то место. Старый люди говорят, она и сейчас там, каждый ночь все плачет. Старый люди говорят, иногда дымок поднимается над остров. А никакой эскимосы этот остров не ходят. У этот остров имя — Мертвые Кости.

* * *

Путники поели и поплыли дальше на юго-восток. К вечеру Кунок перестала притворяться рекой и разлилась широким лабиринтом проток, усеянных множеством островов. Оухото повернул, повел флотилию этими извилистыми протоками и, наконец, вывел ее на открытое водное пространство посреди голой болотистой низины. Лишь один невысокий холмик нарушал унылое однообразие картины. К нему-то Оухото и направил каяк, и у его подножия все высадились.

Странное то было место. Ровная низина, нечеткая, извилистая линия берега — не разберешь, где кончается озеро и где начинается суша. Острова не отличить было от мыса, мыс от берега. Казалось, все сливается в смутный, бесформенный, неправдоподобный мир дурных снов.

— Что-то я уже запутался, — сказал Эуэсин, когда они с Анджелиной вытащили каноэ на берег и подошли к друзьям.

— Тут всякий индейцы запутается, — сказал Питъюк. — Не горюй. Сейчас влезает маленький холм. Может, тогда все понимаешь.

Оухото остался разводить костер и готовить ужин, а ребята начали подниматься по некрутому склону холма, чуть не по колено проваливаясь в пропитанные водой мхи. Добрались до невысокой вершины, огляделись по сторонам.

Чуть поблескивая в последних лучах заходящего солнца, перед ними лежало Озеро-в-озере. Воды его, протянувшись с севера точно руки великана, сомкнулись вокруг почти безукоризненного кольца суши миль двадцати в поперечнике. Внутри этого кольца лежало еще одно большое озеро, посреди него — обширный остров, и на самой середине острова поблескивало новое озеро.

— Вон там эскимосы прятался от индейцы, — объяснил Питъюк, показывая на островок. — А с этот холм индейцы увидел дым от костра Памео.

Джейми глядел на плоские однотонные просторы затопленных земель — тундры и озер, — где ни единое деревцо, ни единый каменистый гребень не нарушали однообразия, и его пробрала дрожь.

— Пошли, — сказал он, — а то еще и нам тоже привидится дым! — И он первый двинулся к крохотному костру, который тускло алел внизу, подле темнеющих вод озера.

Ужин был скудный. Привал на эту ночь устроили на узкой полоске усыпанного галькой берега, что едва поднимался над водами озера. Только здесь и можно было поставить палатку: со всех сторон их окружало сплошное болото. Топливом мог служить лишь сырой мох, и Оухото потратил целый час на то, чтобы вскипятить воду. Приготовить какую-нибудь еду все равно бы не удалось, так что путники обошлись холодными лепешками и горячим чаем и сразу же завернулись в меховые одеяла. Спали плохо, а Питъюк всю ночь напролет беспокойно бормотал и всхлипывал, словно во сне его тревожил дух за-пустения, что обитал в этом краю.

Глава 17. ЭНОИУК — УРАГАН

Утро наступило хмурое, сумрачное. Стали разжигать костер, но тут посыпала мелкая серая изморось, так что не удалось даже вскипятить воды. Все мрачно забрались в каноэ и под этой изморосью поплыли по озеру.

— Ты ночью так расшумелся, мертвых и то мог разбудить, — сказал немного погодя Джейми. — С чего это ты, а?

— Плохой шутка, Джейми, — рассудительно сказал Питъюк, перестав на миг грести. — Не говори про будить мертвый. Прошлый ночь я, наверно, слышал Илайтутна. Он говорил, мы

останемся на Озеро-в-озере. Наши кости останетса с кости эскимосы, который давний время здесь умирал.

— Ох, Пит, не болтай чепуху! — вспыхнул Джейми: угрюмые эти места угнетали и его. — Ну, что нам помешает отсюда выбраться?

— А вон что, Джейми. — Питъюк показал на восток: на горизонте возникла серая зыбкая стена тумана и пошла на них.

Оухото тоже увидел эту надвигающуюся стену, как его миглом очутился меж двух каноэ, и он тревожно закричал.

— Скорей, скорей, говорит, — перевел Питъюк. — Хикикóк идет. Туман с дождь делает нас слепой, потом энои́ук, большой ветер, нас гонит. Мы не найдем берег. Может большой волна топить каноэ.

Голос Оухото прозвучал так, что стало ясно: медлить нельзя. Оба каноэ понеслись за ним со всей скоростью, какую могли из них выжать налегшие на весла гребцы, к ближайшему клочку суши — низкому каменистому островку посреди озера. Казалось, оба каноэ и каяк, точно птицы, летят над свинцовыми водами, но где им было тягаться с хикикоком. До спасительного островка оставалось всего полмили, и тут все вокруг исчезло. Словно они вдруг вплыли в черный мокрый туннель. Эуэсин и Джейми, сидя на корме своих каноэ, с трудом различали Анджелину и Питъюка, сидящих на носу. Лодки потеряли друг друга из виду, можно было только перекликаться.

Серый туман-дождь был густой, плотный, но ветер еще не поднялся. И только заглушенные крики Оухото, которыми он указывал путь остальным, нарушали зловещую тишину.

Ребята, всерьез испуганные, усердно налегали на весла: отчаяние прибавляло им сил. Дышали тяжело, никто не произносил ни слова, но в душе каждый недоумевал: как же теперь Оухото найдет этот островок? Сердца громко стучали от напряжения и тревоги, и вдруг Анджелина, а за ней Питъюк предостерегающе закричали: оба каноэ перенеслись через каменный выступ, едва прикрытый водой.

Из тьмы возник Оухото, ухватил нос одного каноэ, другого, выволок их на островок. Ребята соскочили на берег. Оухото резко скомандовал, они подняли лодки, потащили на середину острова. Каяк Оухото был уже там; теперь эскимос велел им навалить в свои каноэ большие камни и сам занялся тем же.

Все спотыкались, сталкивались друг с другом, натыкались на что-то, не различимое в мокрой тьме, падали.

— Да что ж это такое? — жалобно завопил Джейми, с на-

тугой поднимая тяжелый камень. — Оухото спятил, что ли? Для чего это нужно?

— Не говори, работай! — сердито буркнул Питъюк. — Совсем скоро увидишь, что будет. Больше не скажешь глупый шутка про мертвый.

Они все еще накладывали камни в лодки, когда налетел ветер. То был эноиук, грозный ураганный ветер; в открытом море его называют штормом, но он бушует и на бескрайних равнинах тундры. Эноиук разражается внезапно, среди полного безветрия, и порывы его сразу же достигают скорости сотен миль в час. Ничто, кроме потемневшего, угрюмого неба, его не предвещает. И он свирепствует недолго, но мало что способно против него устоять.

Первый же порыв эноиука закрутил Джейми волчком. Но чья-то рука схватила его, бросила наземь и кто-то навалился на него. То был Оухото. Другой рукой он крепко обхватил Анджелину. А Питъюк схватил Эуэсина, и вдвоем они подкатились под защиту каноэ.

Встать на ноги было невозможно. Ветер бил точно исполинский таран, и под его ударами лодки поддались, со зловещим скрипом поползли по каменистой земле. Оухото подтолкнул

Анджелину прямо в руки Джейми, на четвереньках подполз к ближайшей лодке, перекинулся через нее, стараясь удержать. И скрип прекратился, но появилась новая опасность.

Ветер взбил, вспенил мелкие воды озера, крутые короткие волны гневно наступали на островок. Они все росли. Скоро уже пена с гребней хлестала по всему островку — вот-вот через него начнут перекатываться волны!

Ураганом разогнало туман, но из-за густо летящих брызг все равно мало что было видно. Однако в какой-то миг Джейми заметил: Эуэсин и Питьюк по примеру Оухото, вцепившись в борта, прижимают к земле второе каноэ.

— Одна продержишься? — крикнул он в самое ухо Анджелине.

Анджелина вымокла, замерзла, худо ей было да еще и страшно. Но она вовсе не желала показать Джейми свою слабость. И храбро прокричала в ответ:

— Справлюсь! Иди!

Джейми выпустил ее и пополз к лодкам. Оухото показал ему на каяк: тот дергался, точно раненая птица, которая пытается взлететь. Джейми повернул, подполз к хрупкой эскимосской лодчонке, вскарабкался на нее, лег, прижал к земле. И тотчас огромная волна разбилась подле самого каяка — Джейми вмиг промок до нитки.

Пятеро людей, оцепенев, жались к островку, а его быстро, неотвратимо заливало. Они ничего больше не могли сделать. Каждый чувствовал холодную руку смерти, что уже тянулась к ним. . . Они ничего, ничего не могли сделать.

И вдруг эноиук затих — так же внезапно, как налетел. Небо стало светлеть. Рев урагана умолк, его сменил грохот прибоя.

Потрясенные, без кровинки в лице, ребята поднялись и окружили Оухото. Они смотрели на озеро: все оно бурлило водоворотами, дыбилось волнами, которые сшибались друг с другом, суля неминуемую мгновенную гибель любой лодке. С наветренной стороны волны накатывались на островок на добрых полсотни футов вглубь — чуть не до середины их крохотного каменного прибежища.

Тумана с дождем как не бывало, но небо еще хмурилось и все вокруг было до неправдоподобия угрюмо и пустынно. Лицо Оухото помрачнело от усталости, а быть может, от чего-то еще. Он вполголоса сказал несколько слов Питьюку.

— Говорит, теперь опасность нет, — перевел Питьюк. — Но только его тапек помог, удача его. Очень сильный тапек. Илайтутне его не перешибить.

Джейми взглянул на друга, но не нашлось у него насмешливых слов, какими он возразил бы прежде. Сейчас ему нечего было сказать.

Лишь далеко за полдень озеро успокоилось настолько, что можно было плыть дальше. Лодки спустили на воду, и ребята сразу же яростно налегли на весла. Гребли с неослабным рвением, пока Оухото не ввел флотилию в маленькую бухту у Южного берега. С юга в бухту впадала небольшая речка.

— Земля мертвых позади, — с облегчением сказал Оухото.

Глава 18. ОЛЕНЬЯ ДОРОГА

Плыть вверх по реке, все еще по-весеннему полноводной, поначалу было нелегко: приходилось часто вылезать из каноэ, переводить их через малые пороги. Но некоторое время спустя они вплыли в крохотное озерко; на южном берегу его виднелась купа карликовых ив. Путники так радостно поспешили к этим жалким «зарослям», словно то был густой лес.

И словно для того, чтобы совсем их развеселить, небеса прояснились. Вскорости уже пылал костер, варилось вдоволь мяса, которому предстояло унять урчание в пустых желудках.

— Теперь пойдут хорошие места, — сказал Питьюк. — Видите? На берегу много олений след.

Остаток дня они плыли по маленьким озерам и протокам к главному волоку, а вокруг становилось все оживленней. Повсюду на воде резвились, справляли свадьбы утки. Дважды с песчаных холмов на них глядели дымчато-коричневые полярные лисицы. Стаи сухопутных птиц то и дело взлетали по кромкам озер. К вечеру, когда они миновали волок и поплыли вниз по течению другой небольшой речки, на каменистом холме они увидели стадо самцов-карибу. Рога у всех были еще бархатистые, только-только пошли в рост, и все же казалось, будто на фоне неба поднялись раскидистые деревья.

Оухото зорко поглядел на стадо и крикнул что-то Питьюку; тот расплылся в улыбке и перевел друзьям:

— Говорит, мы хороший время пришли. Завтра придем главный олений дорога на свете. Может, увидим Великий стадо.

Еще не совсем стемнело (в это время года в полярной тундре не бывает настоящей ночи: солнце не успеваешь сесть, как уже снова восходит), но Оухото объявил привал, и они раз-

били лагерь на холме, где недавно видели оленей. Стрелять в оленей никто и не думал: в каноэ еще оставалось свежее мясо, а ни эскимосы, ни индейцы не убивают зверя без надобности.

После ужина мальчики сидели у небольшого уютного костра, который веселил душу, грелись и попивали чай. Анджелина тем временем старательно шила: когда мальчики шли по мелководью, острые камни продырявили их сапоги.

— А что это за Великое стадо, Питъюк? — спросила она.

— Это вот что, Анджелина. Тукту, олень, никогда не стоит на один место. Весной идет далеко на север, как птицы. Начинается зима — идет далеко на юг, как птицы. И летом олень тоже идет. Когда июль, отовсюду весь олени собирается большой стадо и вдруг пойдет на юг. Один большой толпа олени. Потом доходят до лес, и там большой толпа распадается, и все опять идет назад, на север. Когда они в июль идут на юг, тогда мы видим Великий стадо. Олень тогда везде, полно, туча, как мошка все равно. Где идет, все вытопчет. Самый лучший место для Великий стадо мы называем олений дорога — это в северный конец Ньюэлтин-туа.

— Помню, мой отец тоже говорил про такое стадо, — сказал Эуэсин. — Наше племя никогда его не видело, а вот чипеуэи часто про него рассказывали. Я думал, таким стадам уже пришел конец — ведь оленей теперь куда меньше.

— Может, скоро конец, — ответил Питъюк. — Сейчас не конец. Завтра, может, увидим... Олень, кругом, как мошка...

Его прервал громкий хлопок: это Джейми ладонью хлопнул себя сзади по шее.

— Кстати, о мошке: меня уже сожрали заживо. Откуда берется эта проклятая мошкара? В лощинах еще снег, а они уже тут как тут!

Да, сомнений быть не могло. В ночной тиши уже слышалось ноющее гудение: откуда ни возмись, на стоянку налетели тучи злобной, проголодавшейся мошки. То были первые посланцы заполярного гнуса. Крохотные, ненасытные, неотвязные мошки появляются еще до того, как сошел снег, и остаются до конца лета. В безветренные дни все теплокровные животные терпят от них адские муки. К счастью, на великих равнинах тундры безветренные дни — редкость, не то летом жизнь там была бы просто невыносима.

Но, как назло, сегодняшней вечер выдался тихий, и, когда гудение мошкары обратилось в оглушительный рев, путешникам пришлось искать спасение под меховыми одеялами, в которые

все закутались с головой. Задышаться или быть съеденными заживо — иного выбора не оставалось, и они предпочли задышаться.

На заре подул западный ветерок и принес избавление от мошкары. Путники позавтракали и все утро плыли вниз по течению все той же речушки. Незадолго до полудня достигли берегов северо-восточного залива Ньюэлтин-туа.

С тех пор как несколькими неделями раньше они оставили позади северо-западный залив этого обширного озера, они сделали огромный круг. Зиму сменила весна, и озеро стало теперь совсем другое. Кое-где в южном конце еще виднелись пятна льда, но большая часть озера уже освободилась от зимних лат, и когда каноэ вошли в него, тут гулял ветер, взбивал белую зыбь. К счастью, острова, а их тут было множество, служили хорошей защитой лодкам, не то пришлось бы раскидывать лагерь и ждать, когда спадет ветер.

Несколько часов Оухото в своем легком суденышке проворно и ловко вел флотилию меж островами, с подветренной стороны. Под вечер приплыли в залив, оттуда вытекала бурная речка. Она прогрызла в сером камне глубокое русло, и рев порогов путники слышали задолго до того, как достигли губы.

Они причалили к берегу перед коротким крутым водопадом, и, глядя, как он кипит и пенится, мальчики и Анджелина совсем присмирели. Оухото посмотрел на их задумчивые лица и ухмыльнулся. Отвесил им низкий поклон, забавно подпрыгнул, вскочил в каяк и помчался прямо в пенный водоворот.

Анджелина приглушенно вскрикнула, но тут же прикусила язык; мальчики затаили дыхание. Каяк взметнулся на шести-футовую волну, помедлил мгновение на гребне, точно птица, готовая взлететь, и скрылся за белой водяной завесой. Еще несколько мгновений — и они вновь его увидели: он летел стрелой и Оухото так яростно работал веслом, что вокруг головы его образовался смутный ореол света, отраженного от широкой лопасти. Еще несколько мгновений... Каяк вырвался из нижнего водоворота, замер, вызывающе закачался в тихой заводи, и Оухото помахал ребятам, приглашая следовать за ним.

Джейми не верил своим глазам.

— Вот уж не думал, что такая жалкая скорлупка — и останется цела! — сказал он.

— Хо! Жалкая скорлупка? — возмущенно воскликнул Питъюк. — Да она как рыба. Эскимоса каяк всюду пройдет. Пускай индейский каноэ с ним потягался, сейчас будем глядеть.

Не слишком охотно все четверо уселись на свои места. Джейми занял пост рулевого на корме одного каноэ, Эуэсин — другого. Оухото поддразнивал их, знаками предлагая поторопливаться, а они все равно приближались к порогу с превеликой осторожностью, табанили изо всех сил и все же, наконец, течение подхватило их, и пришлось им отдаться во власть реки.

Едва первый миг неуверенности миновал, ребятами овладел неистовый восторг: ведь они плывут через бурлящие пороги! Они ловко направляли лодки, увертываясь от самых больших волн. И вот целые и невредимые, хотя и промокшие под фонтанами брызг, они вылетели на спокойную воду.

Оухото встретил их громким добродушным хохотом, круто повернул свою лодчонку и понесся вперед, в свободные ото льда воды простиравшегося перед ними нового озера.

— Эскимосы зовут его Тюлений озеро, — ответил Питъюк на вопрос Джейми. — Говорят, тюлень доплывает сюда из океан. Может, правда говорят, может, нет.

— Здорово, если правда! — воскликнул Джейми. — Если тюлень поднимается по Большой реке, значит, мы наверняка сумеем спуститься.

— Переплыл один порог — сразу хвастать, — предостерег его Питъюк. — Гребите крепче, болтайте меньше, а то Оухото не догоним.

Ветер дул теперь путникам в спину, и лодки быстро пересекли шестимильное Тюленьё озеро. Задолго до сумерек они причалили к глубоко вдающемуся в озеро песчаному мысу; он был оторочен ивняком, и это сулило топливо для костра.

Узкий этот перешеек протянулся с юга на север миль на пять и отделял Тюленьё озеро от другого, побольше, лежащего восточнее. Низкий, ровный, он был отличной естественной дорогой для оленей, идущих к северу или к югу вдоль растянувшихся на сто миль берегов Ньюэлтин-туа. Это было первое место, где олени стада могли пересечь преграждавшее им путь огромное озеро. Эскимосы называли этот перешеек оленьей дорогой, и путникам было видно, что совсем недавно по нему прошли многие тысячи оленей.

Разбивая лагерь, они сразу же ощутили острый запах хлева. А когда отошли чуть подалее от берега на плоскую мшистую равнину, оказалось, что несчетные стада карибу обратили ее в густое бурое месиво.

Ребята стояли и смотрели и скоро увидели, как с отдаленного холма в северном конце перешейка на них пошла медлен-

ная и темная, точно патока, волна. Скоро стало ясно, что это — тысячное стадо самцов: по пятьдесят — шестьдесят в ряд, они двигались так неотвратно, что Джейми струхнул.

— Скорей уйдем с дороги! — закричал он Эуэсину и Анджелине, что стояли чуть поодаль.

— Зачем боялся, Джейми? — крикнул Питъюк. — Олень не ест тебя. Стой смирно, увидишь, что будет.

Джейми отчаянно хотелось отойти к берегу, но разве мог он отступить: ведь Питъюк не двигался с места. Однако Эуэсин тревожился за сестру и решил не рисковать зря. Олени длинными прыжками пожирали пространство, стадо быстро приближалось, и Эуэсин отвел сестру к самому краю перешейка.

Но вот от головы стада до трех маленьких фигурок, оказавшихся у него на дороге, осталось всего ярдов двести, и первые самцы учуяли запах человека. Некоторые вздернули головы, громко зафыркали, остановились было. Но сзади напирали сотни оленей, и передовым пришлось двинуться дальше.

Оленья волна неумолимо наступала на Джейми. Он круто обернулся, расширенными глазами посмотрел, что делают Питъюк и Оухото. И поразился: Оухото сидел и набивал табаком свою короткую каменную трубочку, а Питъюк небрежно оперся на ружье и посвистывал.

Джейми хотелось бежать что есть духу, но он не дал себе воли, только вскинул ружье. И вот стадо нахлынуло на него.

Казалось, его неминуемо затопчут, но в последний миг поток оленей разомкнулся — они обтекали человека с двух сторон, держась футах в десяти.

Урчало у оленей в животах, похрустывали суставы, остро и резко пахло зверем. Страх Джейми постепенно рассеялся, на смену пришло странное, небывалое волнение, какой-то благоговейный, никогда прежде не испытанный трепет. Живой бурливый поток, стремящийся мимо, несуетливый, бесстрашный, взволновал мальчика до глубины души. Его переполняло чувство близости, чуть ли не любви к этому великолепному невозмутимо спокойному зверю. Стадо наконец прошло, а Джейми стоял словно зачарованный и долго, долго глядел ему вслед.

Подошел Питъюк, лицо у него было торжественно спокойное.

— Теперь чувствуешь, Джейми, да? Дух оленя. Теперь ты знаешь, что эскимос чувствует к тукту. Тукту дает эскимосу жизнь. Тукту, он нам брат.

Глава 19. МОШКАРА — ПРОКЛЯТИЕ ТУНДРЫ

За большим стадом проследовало несколько стад поменьше, и в одном из них Оухото пристрелил на редкость упитанного оленя. Анджелина взяла кусок мяса и пошла готовить ужин, а мальчики и Оухото остались разделывать тушу.

В этот вечер все пятеро долго не ложились, сидели у костра и разговаривали. На завтра предстояло выйти к Большой реке, дальше ребята пойдут одни, без Оухото.

Они плохо представляли себе, что ожидает их впереди. Знали только, что рано или поздно река приведет их к Гудзонову заливу, что на пути будет несколько озер, что река чуть не сплошь в порогах — течение очень быстрое — и что у побережья они, быть может, встретят морское племя — тамошних эскимосов. И конечно, не хотелось расставаться с Оухото. Джейми так и подмывало спросить Оухото, не пойдет ли он с ними до самого побережья, да гордость удержала. К тому же он понимал, что Оухото не сможет подняться потом вверх по Большой реке. По ней только один путь — вниз по течению.

Наутро вставать никому не хотелось. Завтракали хмуро, молча. Наконец Оухото бросил вызов царящему у костра унынию. Он вскочил, весело крикнул, взъерошил волосы Анджелины, добродушно толкнул Питъюка носом в песок и, закинув за спину свой дорожный мешок, побежал к каяку. Путники приободрились, быстро сложили палатку, нагрузили лодки. И под голубыми небесами, подгоняемые попутным ветерком, поплыли к истокам Большой реки.

Они только еще вошли в залив, из которого брала начало река, всего несколько миль отделяло их от последней стоянки, и вдруг Анджелина подняла весло.

— Слушайте, — сказала она. — Что это?

Мальчики напрягли слух: откуда-то доносился низкий, приглушенный рокот, точно вдалеке грохотал летний гром.

— Пороги или водопад, — осторожно сказал Эуэсин.

— Большой пороги! — прибавил Питъюк. — Еще много миль до конца залива. Очень большой пороги, а то не услышать против ветер.

Оухото, который далеко их всех опередил, нетерпеливо махнул ребятам, и они налегли на весла. Но все оробели, притихли. Чем ближе к концу залива, тем громче становился рокот.

Они причалили к мысу в устье реки, вытащили лодки на берег и вслед за Оухото поднялись на невысокий холм — всем хотелось увидеть, что ждет их впереди.

Картина, представшая их глазам, могла поколебать уверенность самых отважных гребцов. Они стояли словно на приподнятом краю гигантской чаши. К востоку она наклонялась до едва видимого в смутной дали горизонта, и по этому бескрайнему склону катила свои воды самая могучая река тундры.

У нее не было ясно очерченных берегов, как у обыкновенной реки. Она переливалась через край чаши и с ревом неслась по каменистому склону — могучий, пенный водоворот, растянувшийся на многие мили.

Грозен был вид реки, но земля, по которой она неслась, и вовсе наводила ужас. Мертвую эту землю всю сплошь усыпали расколотые морозом камни, так что она казалась гигантской кучей шлака. Никому не дано было пройти по ней, даже оленю-карибу. Путь на восток был один — по ревущей реке.

Оухото долго, мрачно смотрел на Большую реку. Когда он обернулся к мальчишкам, его обычно веселое лицо прорезали морщины, выдавая тревогу. Он тихо заговорил с Питьюком.

— Оухото говорит, он видел Большой река только зимний время, покрытый льдом, — перевел Питьюк. — Говорит, он не знал, она такой плохой река. Говорит, может, лучше идти назад, становище иннуитов, и плавать на юг тем дорога, каким мы пришли, или ждать зима, тогда ехать на юг на собаках.

Питьюк и Эуэсин посмотрели на Джейми.

— Нет, это не годится, — медленно сказал Джейми. — Помните Илайтутну? А как вели себя эскимосы, когда мы уезжали? Если мы вернемся, этот старый черт скажет: иначе и быть не могло, ведь он нас проклял, — и тогда все перейдут на его сторону. И, наверно, не дадут нам увезти сокровище викинга. И все равно, если мы поедем на юг тем же путем, нас, пожалуй, поймает полиция, мы даже и до Те-Паса не дойдем. А уж в Те-Пасе нас обязательно схватят. Либо мы плывем по Большой реке, либо признаем, что ничего у нас не вышло, и теряем сокровище викинга. Вот только одно: нельзя брать с собой Анджелину — слишком большой риск. На этой реке с нами что угодно может случиться. Пускай возвращается с Оухото, а зимой приедет с ним на юг, на Танаутское озеро.

Джейми хотел Анджелине только добра, но она так рассвирепела, словно он дал ей пощечину. Она круто обернулась, глаза ее горели таким гневом, что Джейми даже попятился.

— Нет, ты от меня не избавишься! — крикнула она. — Ты уже сколько раз пытался, Джейми... Ты ненавидишь меня, наверно, потому, что я девушка. Но в пути я не хуже тебя. Может, даже лучше. Ведь ты только... только белый!

Последние ее слова были как плевок в лицо.

Эуэсин сердито схватил ее за руку, рванул назад.

— Замолчи, сестра! — резко сказал он. — Джейми не ненавидит тебя — он за тебя боится. И можешь не возвращаться в становище эскимосов. Ты уже почти взрослая, решай сама, как быть. Только поступай как женщина, а не как девчонка!

Ссоре не дал разгореться Питьюк:

— Нам разве трудно позаботиться об Анджелине? Да и как ее отпустим? А кто с Эуэсином будет грести, а? На этот река один в каноэ долго живой не будешь.

— Послушай, Анджелина, — примирительно сказал Джейми. — Я это совсем не со зла. Просто боялся: вдруг с тобой что-нибудь случится! Но ты молодец, не хуже мужчины, правда-правда, не хуже любого из нас, и Питьюк верно говорит, ты нам нужна. Не обижаешься на меня?

Анджелина успокоилась так же быстро, как вспыхнула, застенчиво тронула Джейми за плечо:

— Прости, Джейми. И вот увидишь, со мной не будет никаких хлопот. Ну, поговорили — и хватит. Мужчины всегда слишком много говорят. Пошли, а то опять заспорим.

— Верно, — сказал Джейми. — Поглядим подольше на эти буруны да так напугаемся, что и весла не поднимем.

С Оухото простились быстро и сдержанно. Раз уж все решили продолжать путь, он не стал говорить с ними об этом. Он потерся носом об нос Анджелины, дружески похлопал по спине мальчишек и, запев какую-то эскимосскую песню, скорым шагом пошел к своему каяку, оттолкнулся и понесся по заливу. Он ни разу не обернулся: распрощавшись, эскимосы не оборачиваются. У них это считается дурной приметой.

Ребята еще помедлили на холме, приглядывались к реке, к порогам, строили планы, как плыть. Теперь, когда решено было продолжать путь, вялости их как не бывало.

— Лучше всего пойти по средней протоке, — предложил Эуэсин. — После вон того островка свернем в южную протоку. А там видно будет. Для начала я пойду первым, если хотите. А потом будем меняться, по очереди выбирать путь.

— Что ж, неплохо, — сказал Джейми. — Итак, уважаемые путешественники, поглядим, как мы справимся с Большой рекой!

Каноэ влетели в скользкую воронку — начало первой стремнины, и гребцы подобрались, напряглись, во рту у всех пересохло, глаза впились в быстрину. Но вот она вышла на стре-

жень, их неудержимо повлекло к первому порогу, и всеми завладел настоящий азарт. В первом каноэ Анджелина мастерски работала веслом, мгновенно повинаясь командам Эуэсина. Сам же он, всегда такой сдержанный, скоро уже кричал и вопил, точно индеец из кинобоевика, а юркая маленькая лодчонка металась меж водоворотами, точно испуганная форель. Джейми с Питьюком не отставали: рыжие вихры Питьюка развевались по ветру, Джейми быстрыми, как у белки, глазами всматривался в буруны, стараясь не налететь на камни.

Пустившись в это плавание, остановиться было уже невозможно. Лодки неудержимо несло вперед, казалось, долгие часы, а на самом деле всего минут двадцать. Но вот река круто повернула, обе лодки вылетели в небольшое озеро, и гребцы могли наконец перевести дух.

— Ух ты! — закричал Джейми. — Это почище американских гор! Ай да речка! Мы даже не задели ни одного камешка. А как вы, Эуэсин?

Эуэсин широко улыбнулся, отер лоб.

— У меня баковый гребец что надо. Еще и меня за пояс заткнет.

— Вот как! — засмеялся Джейми. — Ну, двинулись, друзья, живо! При такой скорости мы завтра будем в Черчилле.

Еще несколько часов они все так же мчались вниз по течению. Стремительные пенистые потоки иногда сменялись маленькими озерками, но даже и в них скорость течения была две-три мили в час. К середине дня ребята начали уставать, и когда Эуэсин уловил, что рев впереди становится басовитей, грозней, он круто свернул к берегу, и, радуясь случаю передохнуть, вторая лодка пошла за ним.

Оказалось, что причалили они как раз вовремя.

Когда они вскарабкались на берег, чтобы размяться, они увидели впереди чудовищный водопад; по сравнению с ним все прежние пороги были легкой рябью на мирном ручейке.

До сих пор Большая река только еще играла с ними. Теперь она показала зубы. Впереди, сколько хватал глаз, воды было не видно — одна лишь кипящая пена, из которой там и сям торчали темные лоснящиеся валуны. Казалось, река выплеснулась из своего русла, и, точно взбесясь, мчится на восток по круто уходящему вниз склону.

От недавнего радостного возбуждения не осталось и следа.

— Это уже не порог, — пробормотал Джейми. — Не знаю, как это назвать, но только... только ни на какой лодке там не пройти.

Никто не возразил. Все молча, с испугом глядели на реку.

— Я думаю, может, Оухото верно говорил, — сказал наконец Питъюк. — Может, назад идти надо, другой дорога искать.

— Назад нам нельзя, — возразил Эуэсин. — Мы плыли больше пяти часов. А с какой скоростью — забыл? Чтобы вернуться назад, надо тридцать, а то и сорок миль тащить каноэ против течения. На это уйдет много дней, и на такой реке это еще куда опасней, чем плыть вниз по течению.

— Эуэсин верно говорит, назад пути нет, — сказал Джейми. — Надо двигаться дальше... Но как?

— Только одно делать можно, — сказал Питъюк. — Много идти пешком. Места здесь плоский. Не такой, как позади остался. Холмы нет, большой камни нет, ходить легко. Нам нести не много надо. Каноэ, они легкий. Справимся, а?

— По-моему, либо идти пешком, либо оставаться здесь — другого выхода нет, — сказал Джейми. — Только давайте здесь переночуем. На сегодня с меня хватит Большой реки!

Следующий день был из тех, которые запомнились ребятам на всю жизнь. Утро стало серое, пасмурное, в воздухе ни ветерка. Еще задолго до рассвета налетело комарье. И с ним еще один бич тундры — гнус.

Мошкара эта рождается в мелких водоворотах на быстрых реках, а на Большой реке таким водоворотам нет числа. Гнус так и роился над стоянкой, облаком окутывал головы ребят. Мошки проникали в каждую дырочку в одежде, а дорвавшись до голого тела, впивались в него — на коже оставалась капелька крови и вздувался волдырь, который нестерпимо зудел.

Едва выбравшись из спальных мешков, путники уже не могли даже развести костер и позавтракать.

— Живей! Живей! — кричал Джейми. — Хватайте поклажу! Надо скорей уносить ноги!

Ни слова не говоря, Эуэсин поднял одно каноэ, Питъюк подхватил другое. Перевернули их вверх дном, вскинули на плечи и рысцой пустились по пропитанным водою мхам. Джейми и Анджелина поспевали за ними по пятам, обвешанные поклажей: тащили свертки, спальные мешки и весла. Захватить все не удалось, за несколькими тюками надо будет вернуться.

Они сбежали, но преследователи не отставали. Туча мошкеры разрасталась. Эуэсин и Питъюк должны были обеими руками удерживать каноэ и потому не могли отмахиваться от насекомых, а те садились на лицо, лезли в глаза, забивались в ноздри, в рот. Через полмили поневоле пришлось сбросить каноэ на землю, чтобы отогнать мучителей.

Досталось и Джейми с Анджелиной. Нагнав товарищей, они тоже сбросили поклажу и неистово замахали руками.

— Не могу я! — закричал наконец Джейми. — Надо что-то придумать!

— Раскройте тюки. Достаньте запасные рубашки, — распорядился Эуэсин. — Оберните ими голову и лицо. Затяните потуже манжеты курток. Станет полегче. Надо идти дальше. Может, увидим у реки ивняк, тогда разложим дымовой костер.

— Оставляем каноэ здесь, — прибавил Питъюк приглушенно: он уже обернул голову длинной фланелевой рубахой. — Быстро бежим. Надо находить топливо, пускать большой дым!

Засунув тюки под каноэ, ребята последовали его совету, и скоро уже мчались по равнине, точно за ними гнались бесы.

Измученные, чуть не плача от усталости, они забрели в какую-то долинку, по которой бежал к Большой реке ручеек, и в этом укромном местечке увидели негустой ивняк. Точно дикие звери, тянули и рвали ребята зеленые ветки и скоро накидали их целую кучу. Дрожащими руками Эуэсин поднес спичку к сухому мху, который он подсунул под ветки.

Ветки были зеленые, сырые, разгорались медленно и не давали тепла, но не тепла жаждали путники.

Желтый дым клубился над тлеющей кучей и низко повисал в недвижимом воздухе. Один за другим ребята кидались в дым и, тут же вынырнув, кашляли, отплевывались, вытирали слезящиеся глаза. На них миглом набрасывался новый рой мошкары и снова загонял их в дым.

Так они промучились несколько часов кряду. То задыхались от дыма, то доходили до неистовства от несчетных укусов. Когда наконец пришло спасение — сильный дождь, а потом и восточный ветер, — все четверо уже выбились из сил.

Таким счастьем было избавиться от гнуса, что они не замечали ни промокшей насквозь одежды, ни холодного восточного ветра и, пока Эуэсин их не поднял, в изнеможении лежали на пропитанных водой мхах.

— Надо возвращаться к каноэ. Если ветер разгуляется, они перевернутся, и все наши пожитки промокнут.

— Пускай льет! Пускай льет! — закричал Джейми. — Это ж надо — радоваться дождю! Вот уж не думал! Ладно, Эуэсин, ты прав, как всегда. Пошли.

В темноте, по мокрой тундре побрели они к брошенным каноэ. Пока дождь не кончился, нечего было и думать идти дальше; они забрались под лодки и, мокрые, дрожащие от холода, провели там остаток этого мучительного дня. К вечеру дождь поутих, лишь слегка моросило, и ребята вылезли наружу. Все мышцы у них одеревенели, лица распухли, и они совсем пали духом, но делать было нечего — пришлось тащить каноэ и всю поклажу в укромную долинку. С трудом опять разожгли костер, но огонь был так слаб, что даже чаю не удалось вскипятить; выпили просто по кружке теплой воды. Валясь от усталости, поставили палатку и забрались в нее.

Промокшие, сбившись кучкой, точно едва не утонувшие щенята, они в конце концов задремали, но прежде Питъюк несколько минут что-то бормотал по-эскимосски.

— Ты чего там, Пит? — спросил Джейми.

— Не смейся надо мной, Джейми. Я говорю старый шаманский песня, прошу дух ветра: дуй, дуй, всегда дуй.

— Смеяться над тобой? Послушай, Пит. Скажи мне слова, и я сам тоже запою. Пускай будет любой ураган, только бы не эта мошка!

То ли дух ветра внял заклинанию Питъюка, то ли путникам просто улыбнулось счастье, но ветер не ослабевал всю ночь и теперь задул с севера. Утро наступило ясное, прохладное, гнуса как не бывало.

Ребята плотно позавтракали, подняли свою ношу и зашагали вслед за Питьюком — он, казалось, умел находить надежную опору для ноги даже в самых заболоченных местах.

Идти пришлось не так долго, как они боялись. Милях в пяти от начала бешеного водопада они вышли к довольно большому озеру. Анджелина и Эуэсин остались здесь разбивать лагерь, а Джейми с Питьюком пошли назад за оставленной поклажей. Вернулись они уже почти в темноте, но их ждал жаркий костер и вдоволь мяса, зажаренного на длинных палках над угольями.

Усталые, но успокоенные, они завернулись в меховые одеяла. Назавтра им предстояло плыть несколько миль по спокойной воде. А что будет за этим озером, они не позволяли себе думать. И брат с сестрой и Питьюк усвоили с самого детства: надо жить сегодня и не слишком тревожиться о том, что принесет тебе завтра. Джейми начал понимать, что такое отношение к жизни необходимо тем, кто странствует и кочует. Засыпая, он уже спокойно думал об их путешествии:

«Сумасшедший край. Один день несемся, как экспресс, делаем чуть не сорок миль. А назавтра ползем, как больной лемминг¹. Ну и пускай, когда-нибудь ведь доберемся... Наверное доберемся».

Глава 20. О ВОЛКАХ И ПЛАВАНИЯХ

На другой день, то был их третий день на Большой реке, путники продвинулись далеко вперед. Легкий ветерок держал мошкару в осаде и подгонял лодки. Впрочем, подгонять их вовсе и не требовалось: Большая река по-прежнему мчала свои воды вниз по склону с головокружительной быстротой. Гребцам приходилось налегать на весла лишь настолько, чтобы направлять каноэ куда требуется, а течение само несло их порою со скоростью восемь, а то и девять миль в час.

Нередко путь преграждали пороги, но мальчики и Анджелина уже начинали к ним привыкать. Они благополучно одолели десяток крупных порогов и несчетное множество мелких.

Теперь стало полегче, и они могли чаще смотреть по сторонам, но смотреть-то, в сущности, было не на что. Большая река по-прежнему несла их через голую, однообразную тундру. Под вечер плоскую равнину сменили невысокие холмы. Ребята глядели в оба: не покажется ли наконец ельник? Эскимосы го-

---

¹ Л е м м и н г — млекопитающее из семейства мышеобразных.

ворили, что лес должен начаться перед единственным на этой реке большим озером.

Завечерело. Они плыли по небольшому озерку, и вдруг Питьюк, сидевший на носу первого каноэ, крикнул и указал веслом. И все увидели у подножия высокого песчаного бугра, с южной стороны, несколько деревьев. Радостно взволнованные, они повернули к берегу и причалили подле этого «леса».

Жалкий это был лес: всего-то несколько темных карликовых елей, больше похожих на кусты, чем на деревья. То были самые выносливые лазутчики лесов, что росли южнее. Они как-то ухитрились выжить здесь, на краю открытых всем ветрам равнин. Джейми срубил одну ель и по кольцам на древесине определил, что дереву этому, поднявшемуся всего на шесть футов над землей, больше ста лет.

Впервые за много недель путники разожгли в этот вечер большой и жаркий костер. Они развесили вокруг на деревьях одеяла и одежду, чтобы все просохло, а сами блаженствовали, сидя подле пляшущего пламени. На землю спустились густые сумерки, которые летом в тундре заменяют ночную тьму. Питьюк и Анджелина уже забрались в свои спальные мешки, а Джейми и Эуэсин еще допивали чай. И вдруг Джейми вздрогнул так, что пролил чай, и, оцепенев, прошептал Эуэсину:

— Гляди! Вон там, у берега!

Эуэсин обернулся, и волосы у него стали дыбом. В каком-нибудь десятке шагов от них сидели два огромных белых волка; глаза их в отсветах костра отсвечивали зеленым.

Ребята замерли в испуге. Потом Джейми осторожно протянул руку. Не сводя глаз с волков, медленно подтянул к себе ружье, неслышно достал патрон и уже хотел прицелиться.

— погоди! — прошептал Эуэсин. — Не стреляй. Они не собираются на нас нападать. Понимаешь? Им просто любопытно.

Джейми с сомнением опустил ружье. Но понемногу он пришел в себя и понял, что Эуэсин прав.

Волки не сделали ни одного угрожающего движения и только с откровенным любопытством смотрели на мальчиков.

Наконец зверь поменьше поднялся; встряхнулся, совсем как собака; медленно, словно бы неуверенно помахал раз-другой пушистым хвостом и осторожно двинулся ближе к костру. Это была волчица. Она очень походила на громадную, дружелюбно настроенную лайку, и страх Джейми совсем рассеялся.

— Наверно, они никогда не видели людей, — прошептал Эуэсин. — Они еще не знают, что нас надо бояться. Смотри, я сейчас кину им кости от ужина.

Эуэсин медленно встал, чуть отошел от костра, подобрал несколько ребер. При первом его движении волчица замерла на полушаге, с поднятой лапой, а волк встал и попятился.

Эуэсин принялся урчать, точно пес, который хочет свести дружбу со своим собратом. И оба волка мигом наострили уши.

Эуэсин осторожно кинул им кости и вернулся к костру.

— Они не понимают, что мы такое, — пробормотал Джейми.

И чуть не фыркнул — такой у волков был озадаченный вид: они глядели друг на друга, будто спрашивали: «Ну, как нам быть?» Наконец волчица боязливо сделала несколько шагов, схватила кость, повернулась и пустилась наутек, словно уди-рала от самого черта. Волк следовал за ней по пятам.

Эуэсин громко рассмеялся:

— Им будет что рассказать своим волчатам. Их логово где-нибудь поблизости — может, прямо среди валунов. Волки любят такие места. Может, утром успеем посмотреть.

Утром Джейми рассказал Питьюку и Анджелине про ночных гостей, и Питьюк разволновался:

— Эмоу, волк, мой дружеский дух. У каждый эскимос есть какой-нибудь зверь — дружеский дух. Волки, наверно, приходили ко мне в гости, а я спал. Теперь они думают, я плохой друг. Пойду искать их дом, скажу, виноватый я.

Он вскочил и быстро полез по крутому склону холма.

Питьюк пришел через полчаса, когда остальные уже свернули лагерь и совсем собрались в путь. Он улыбался до ушей, в руках у него копошился серый мохнатый комок.

Это был волчонок. Питьюк опустил его наземь, и пушистый звереныш кинулся на своих коротких лапах к Эуэсину, стал обнюхивать его ноги. Людей он ничуть не боялся.

— Поздоровайтесь с маленький эмоу, — сказал Питьюк друзьям. — Он будет здесь недолго. Ему домой надо. Вон видите? Старый волк ждет.

Питьюк показал на гребень холма: там стояли и беспечно подергивали хвостами оба взрослых волка.

— Черт возьми, Пит! Это же очень опасно! — воскликнул Джейми. — Собака и та не спустит, если тронешь ее щенка.

— Не бойся, Джейми. Я с волками друзья. Они знают, мы не обижаем. Эскимосский мальчишка часто играет у логова с волчата.

— Какой милый, жалко отдавать, — сказала Анджелина; она опустилась на колени и ласково трепала волчонка за уши.

— Нет, лучше он живет свой край, — мягко сказал Питьюк. — Надо относить. Вы ждете, я быстро.

Он взял волчонка, который тотчас принялся жевать его ухо, повернулся и полез вверх по склону. Джейми смотрел с тревогой. К его изумлению, волки не попятись, но стояли и ждали, а когда Питъюк прошел мимо в каких-нибудь трех шагах от них, затрусили следом.

— Нипочем бы не поверил, если б не увидел своими глазами, — ошеломленно и даже почтительно сказал Джейми. — Если Пит умеет так приручать волков, значит, он любого дикого зверя приручит.

Эуэсин расплылся в улыбке:

— Верно, только, по-моему, лучше всего он приручает диких индейских девушек.

В то утро они все пустились в путь в отличном настроении. Джейми даже осмелился слегка пошутить насчет проклятий шамана, хотя меж ним и Питъюком существовало молчаливое соглашение об этом не заговаривать. Каноэ миновали небольшой порог, обогнули мыс, и Джейми дружелюбно сказал:

— Вроде счастье начинает нам улыбаться, Пит. Если не брать в расчет гнуса, мы ушли так далеко, что, похоже, колдовство Илайтутны уже не действует.

Но Питъюк все еще не склонен был относиться к этому так легкомысленно.

— Мы еще не приехал Черчилл, — отрезал он. — Лучше молчи, гляди оба глаза.

А на Большой реке и в самом деле надо было смотреть в оба: плавание все больше напоминало слалом. В этот день пороги встречались все чаще, и от одного до другого удавалось передохнуть всего несколько минут. Но ребята уже приноровились и двигались так быстро, что делать привал не хотелось, и они неслись вниз по течению до самых сумерек. Лодка Джейми и Питъюка шла первой, когда река вдруг круто повернула, сузилась, и они очутились на грохочущей стремнине. Порог предстоял трудный, и прежде следовало бы задержаться и разведать его, но они были уверены в себе, и Джейми предпочел взять его штурмом.

Зато уж им с Питъюком и досталось: как раз посреди реки, за порогом, возник невысокий мыс; вода, откатываясь от него, вставала дыбом. Их каноэ благополучно проскочило сквозь эту водяную стену, хотя оба основательно промокли. За мысом была заводь, и тут они задержали свою лодку, дожидаясь чуть отставших Эуэсина с Анджелиной.

Но когда Эуэсин оказался перед стеной кипящих вод, он вдруг изменил курс, попытался свернуть влево, где стена казалась не такой грозной. Не успела Анджелина понять, чего он хочет, как лодку развернуло бортом. Еще миг, и лодка вышла из повиновения — ее кинуло бортом на волну.

В ужасе, не в силах ничем помочь, Джейми и Питьюк смотрели, как лодка друзей исчезла в кипящей пене. Через миг она вынырнула за мысом, но уже вверх дном, да и оно едва выступало из воды. С безмерным облегчением ребята увидели, что и Эуэсин и Анджелина держатся за свою потерпевшую крушение посудину.

Джейми и Питьюк в два счета оказались подле затопленной лодки, ухватили ее за нос и потащили к берегу, подальше от водоворота, Эуэсин с Анджелиной с трудом выбрались на сушу, оба тяжело дышали и похожи были на вынырнувших из воды мышей. Все четверо подтянули затопленную лодку и выволокли на берег.

Анджелина и Эуэсин совсем окоченели. Питьюк кинулся разжигать костер — на предыдущей стоянке они запаслись сушняком. Меж тем Джейми поспешно распаковал свои и Питьюка одеяла и спальные мешки, чтобы брат и сестра могли скинуть промокшую одежду и завернуться во все сухое и теплое.

Потом Джейми с Питьюком принялись извлекать все пожитки из полного воды каноэ. Одеяла и одежду развесили на веслах, воткнутых стоймя в землю у костра. Драгоценный тюк с сокровищем викинга осмотрели и с радостью обнаружили, что он и в самом деле не пропускает воду и ничуть не пострадал. В каноэ с одного борта зияла пробоина дюймов в десять длиной, но ее ничего не стоило заделать, наклепив растопленной смолой заплату из бересты. Короче говоря, ребята вроде бы легко отделались, а ведь были они на волосок от гибели.

Сообразив, какой опасности избежали, они несколько ошартели от радости. Эуэсин даже попытался посмеяться над своей глупостью — надо ж ему было менять курс! — но Питьюк не дал ему договорить.

— Нигде не вижу ружье, — негромко сказал он.

Все ошеломленно смолкли.

— Оно было на дне каноэ! — в отчаянии крикнул Эуэсин. — Я его отвязал, думал, на берегу олень стоит... и забыл привязать.

До них не сразу дошло, чем им грозит потеря ружья. Вслух об этом сказала Анджелина:

— Без ружья не раздобыть мяса. А без мяса нам нельзя — слишком мало припасов.

Питьюк мрачно кивнул:

— Не будем стрелять олень — скоро голодный будем. Запас всего на два, на три день.

— Слушайте, — хватаясь за последнюю надежду, сказал Джейми, — эта заводь наверняка не очень глубокая. И вода как стеклышко. Пошли, Пит! Свету еще хватает. Может, углядим ружье и как-нибудь выудим.

Мальчики мигом прыгнули в уцелевшее каноэ и поплыли на середину заводи, чуть пониже мыса. Джейми перегнулся, вглядываясь в воду, попробовал нащупать веслом дно.

— Ничего не выходит, — сказал он наконец. — Дна не видно, и веслом до него не достать. Пит! Привяжи топорик к тросу и кинь за борт.

Питьюк опустил топорик за борт, а когда он достиг дна, потянул веревку обратно, вымеряя рукой ее длину.

Он был мрачнее тучи.

— Глубина больше десять футов, Джейми. Там мы не найти ружье.

Хмурые, они причалили к берегу, рассказали друзьям о своем невеселом открытии. Похоже было, надеяться не на что. Эуэсин и Питьюк были не слишком хорошие пловцы; где уж им совладать с таким быстрым течением, а тем более нырять на глубину десять футов... А Джейми хоть и плавал отлично, но нырять не мог: в детстве он перенес тяжелое воспаление среднего уха и давление на барабанные перепонки причиняло ему нестерпимую боль. Казалось, выхода никакого нет, но тут заговорила Анджелина.

— Я нырну за ружьем, — сказала она. — Это и моя вина, что мы его потеряли. Сообразила бы я быстрее, что Эуэсин поворачивает, лодка бы не опрокинулась. Плаваю я хорошо и ныряю глубоко.

В сердце Джейми вспыхнула надежда, но тут же погасла.

— Нет, Анджелина, это не годится. Вода слишком холодная. Тебе не выдержать.

Глаза девушки засверкали.

— Тебе, может, и не выдержать. А я из племени кри!

— Моя сестра плавает и ныряет, как выдра, — вмешался Эуэсин. — Но ты верно говоришь, Джейми: вода слишком холодная и слишком быстрая.

Теперь Анджелина обрушилась на брата:

— Может, нам лучше всем помереть с голоду, да? Говорят

тебе, я умею нырять и нырну! — Она повернулась к Питьюку, который стоял молча, не зная, что сказать. — Питьюк, ты ведь веришь, что я справлюсь? Скажи им, что я справлюсь!

Восхищенный ее мужеством и в то же время уверенный, что правы Эуэсин и Джейми, бедняга Питьюк только что-то неразборчиво пробормотал. Анджелина смерила его холодным взглядом, потом так быстро, что мальчики не успели ей помешать, отшвырнула одеяло и кинулась к берегу. Эуэсин сердито крикнул, бросился за ней, но было уже поздно. Тоненькая фигурка Анджелины на миг застыла на береговом откосе, искусный прыжок — и она скрылась под водой.

— Спятила! — завопил Джейми. — Хватай каноэ, Пит!

Эуэсин, не в силах помочь, стоял на берегу, а Джейми с Питьюком вскочили в каноэ и, яростно работая веслами, понеслись к середине заводи. С Анджелиной они поравнялись, когда, сильно и уверенно взмахивая руками, она подплывала к мысу. Питьюк перегнулся через борт, хотел ее схватить, но она нырнула, точно тюлень.

Через несколько секунд она вынырнула уже у самого подножия водопада. Мальчики устремились к ней, но опоздали — она глотнула побольше воздуха и снова скрылась под водой.

Эуэсин был вне себя. Он по бедру вошел в реку и хотел уже пуститься вплавь, и только гневный окрик Джейми остановил его:

— Не дури, Эуэсин. Ты тоже потонешь. Я сейчас за ней нырну... Пит, удерживай каноэ...

Джейми сбросил сапоги, куртку, и тут Питьюк крикнул:

— Вынырнула! Помогай, Джейми!

Чуть не опрокинув лодку, Джейми прыгнул на нос. Питьюк держал Анджелину одной рукой, но у него не хватало сил втащить ее в лодку. Джейми перегнулся, подхватил ее под мышки. Вдвоем они подтянули ее повыше, перетащили через борт. Анджелина свалилась на дно лодки, и тут что-то тяжело стукнуло о дерево. Правая рука Анджелины крепко сжимала ружье.

Анджелина почти потеряла сознание, им насилу удалось разжать ее холодную как лед руку и вынуть ружье. Через несколько минут они уже перенесли ее к огню, закутали в меховые одеяла, и Эуэсин старался влить горячий чай в плотно сжатые синие губы. Все тело Анджелины волнами сотрясала неудержимая дрожь. И все же она ухитрилась слабо улыбнуться. И едва слышным шепотом, так что мальчикам пришлось к ней наклониться, чтобы расслышать, сказала:

— Девушка кри все может... Теперь видите?

Джейми молча кивнул. Но Питъюк наклонился к ней поближе, неловко взял ее за руку; в глазах его светилось чувство еще более глубокое, чем восхищение.

— Я очень хорошо вижу, — хриплым от волнения голосом пробормотал он. — Я так думаю, мы никогда не забыть, на что способен девушка кри.

Глава 21. МОРСКОЕ ПЛЕМЯ

Июльские дни мелькали один за другим, и путники все дальше продвигались к востоку. Большая река как будто немного поуспокоилась; пороги, правда, встречались ничуть не реже, но почти все их можно было одолеть, хотя и не без труда. А уж там, где река оказывалась непроходимой, ребята берегом перетаскивали лодки и весь груз. Погода по-прежнему стояла сносная, ураган налетел лишь однажды, и тогда из-за проливного дождя и штормового ветра они два дня просидели в палатке. Наконец они добрались до озера Эдехон. Это огромное озеро протянулось на тридцать миль к юго-востоку. Ребята медленно плыли вдоль сильно изрезанного берега, отыскивая выход, и нашли его на северо-западе, в почти незаметном со стороны заливе. На поиски эти ушло еще два дня.

Так пустынен был край, по которому пролегал путь, что, в конце концов, это стало их угнетать. После оленьей дороги они не встречали никаких следов человека. Не видно было ни старых стоянок, ни хотя бы следов топора в изредка попадавшемся ельнике. Можно было подумать, будто человечество спокон веку избегало Большой реки, и ребятам понемногу становилось не по себе: словно они покинули обитаемый мир и вступили в какую-то гиблую пустыню.

Но если на Большой реке не было людей, была на берегах ее другая жизнь. Несколько раз ребята видели волков, и почти каждую ночь на стоянки заявлялись полярные лисицы — бесстрашно подходили чуть не к самому костру. Раз Анджелина даже соблазнила лисицу взять у нее из рук кусок мяса.

На самой реке тоже шла своя жизнь. Здесь много было гусей, уток, встречалась и вовсе незнакомая живность. Однажды, вскоре после того как осталось позади озеро Эдехон, путники миновали крутой порог и оказались в крохотном озерке, которое посредине перерезала песчаная полоса. Джейми заметил на ней три огромных лоснящихся черных камня, и только было

хотел показать Питьюку эти странные камни, как вдруг один из них перевалился к самой кромке берега и с оглушительным плеском бултыхнулся в воду.

Путники в изумлении таращили глаза на то место, где скрылся живой «камень». Джейми первым понял, кого же это они видели. С криком направил он каноэ к длинному мысу.

Два оставшихся тюленя подпустили к себе лодку футов на сто и тоже двинулись к воде. Питьюк схватил ружье, но поздно — тюленей и след простыл.

Питьюк был явно огорошен, и это очень позабавило Джейми.

— Тюлени — не олени, чудак человек! Они плавают не по воде, а под водой. Теперь смотри в оба. Где-нибудь они еще высунутся, глянут на нас.

Через несколько мгновений совсем близко вынырнула лоснящаяся усатая большеглазая голова. Появилась она так внезапно, что Питьюк чуть не вывалился из каноэ. Не успел он опомниться и вскинуть ружье, как тюлень уже снова исчез.

Второй тюлень неосторожно всплыл около самого каноэ и снова поспешно нырнул, подняв такой фонтан брызг, что ими обдало Питьюка и на миг ослепило. И тут Анджелина не удержалась и захохотала.

— Брось, Пит! — крикнул Джейми, видя, как запрыгало ружье в руках приятеля. — Еще пристрелишь кого-нибудь из нас. И что толку их убивать... Потонут, и нам все равно не вытащить. Садись, давай просто посмотрим.

Не слишком охотно Питьюк сел и отложил ружье. Лодки лениво отдались на волю течения, и скоро все три тюленя высунули головы из воды. Они подплывали все ближе, ближе, но изредка то один, то другой вдруг пугался. Шумно фыркнув, он с плеском уходил под воду, а потом любопытство опять брало свое, и он опять выглядывал.

Наконец представление это надоело ребятам, они взялись за весла, поплыли дальше, и тюлени последовали за ними. Они сопровождали лодки, пока те пересекали озерко, и отстали только перед новым, особенно грозным порогом.

— Я читал про пресноводных тюленей, — сказал Джейми, когда они готовились обойти порог берегом. — Они вообще-то живут в устьях рек, но некоторые привыкают к пресной воде и поднимаются вверх по рекам, заплывают в озера и так там и остаются. Ученые мало что о них знают, из белых почти никто не видел их на Севере. Так что нам повезло.

— Хорошо, я не стрельнул, — сказал Питъюк. — У них морда как у смешной старик. Они хороший знак. Раз тюлень здесь, значит, соленый вода недалеко.

Наутро — ровно через две недели после того, как путники миновали дорогу оленей, — они вошли в длинный западный залив какого-то озера. Они плыли вдоль каменистого берега, и вдруг Питъюк стал неистово размахивать веслом. Все на него уставились, и тогда он показал на невысокий холм неподалеку от берега: там стояли три инукока, три эскимосских каменных человека, и, казалось, безмолвно приветствовали путников.

— Теперь близко! — крикнул Питъюк. — Наверно, их сделал морской племя. Оухото говорил, поздний лето они идут вверх по река и ждут тукту. Зимой живут на равнина, а пришел весна — опять идут к море. Теперь надо становище искать.

Но знакомство с морским племенем произошло не в становище. Немного позднее в тот же день они снова входили в Большую реку и на холме, неподалеку от берега, увидели перевернутое вверх дном, непривычно большое белое каноэ.

Ребята причалили и взобрались на холм. Поблизости не видно было никаких признаков становища, а каноэ оказалось очень старым. Паруса почти все сгнили, деревянную обшивку выбелили ветры и солнце.

Питъюк озадаченно уставился на каноэ, а Эуэсин и Джейми стали тщательно его осматривать.

— Наверно, под ним что-нибудь спрятано, — сказал Джейми. — Давай перевернем.

Вдвоем они наклонились и взялись за планшир. Пришлось поднатужиться: ведь это было не маленькое речное каноэ, а морское, длиной в двадцать два фута. Сильно рванув, они его приподняли, и тут Питъюк закричал:

— Нет, нет! Не ворочать! Оставляй!

Но было уже поздно. Большое каноэ закачалось и с треском упало набок.

— Нельзя трогать! — кричал Питъюк. — Дурак я. Раньше не догадался. Это могила морской эскимос!

И он был прав. Под каноэ лежала бесформенная груда сгнивших шкур карибу. Лисицы и зверье помельче основательно все здесь перерыли, и кое-где виднелись белые человеческие кости. Рядом с останками оказался деревянный ящичек без крышки, а в нем — каменные трубки и иная походная мелочь. Тут же лежало насквозь проржавевшее ружье, гарпун на длинной рукояти и два сломанных весла.

— Надо быстро закрывать! — резко, взволнованно сказал Питъюк. — Наши края эскимос хоронит мертвых на земля, кладет с ним инструмент и оружие для другой мир. Мой племя кладет наверх камни, а морской племя кладет каноэ.

Он поспешно шагнул к каноэ. Джейми и Эуэсин, потрясенные тем, что увидели, молча к нему присоединились. Все вместе они наклонили тяжелое каноэ и осторожно опустили его на прежнее место, закрыв покойника и его снаряжение.

Подавленные, притихшие, ребята торопливо поплыли вниз по реке. Но они понимали, что большое каноэ — все же добрый знак. Наверно, пониже этого места река не такая уж порожистая и неодолимая, иначе никто не привел бы большую лодку так далеко против течения.

Нрав Большой реки и в самом деле переменялся. Она уже не мчалась вниз по склону, будто скорый поезд. Теперь она много спокойнее катила свои воды по плоской равнине меж озер, болот и бесчисленных топей. Хотя путники и не знали этого, но они были уже на прибрежной равнине, которая окаймляет Гудзонов залив.

В этот вечер они остановились на ночлег в том месте, где люди останавливались уже многие века. Ясно видны были следы десятков чумов. В нескольких сложенных из камня очагах еще сохранилась свежая зола. Тут же неподалеку аккуратно составлены были под грудами камней покрытые шкурами ящики и тюки. Здесь запрятано зимнее снаряжение нескольких эскимосских семей, пояснил Питъюк.

— Теперь скоро будем на место, — радостно объявил он.

У Джейми лицо стало серьезное, озабоченное.

— На каком месте? — спросил он. — Мы ведь понятия не имеем, в каком месте Большая река впадает в Гудзонов залив. Никто из твоих зимой никогда не доходил до самого ее устья, Пит. Между озером Эдехон и морем они уходили с реки и ехали напрямик, по равнине. Дальше мы совсем не знаем дороги.

— Ну, кое-что мы знаем, Джейми, — возразил Эуэсин. — Знаем, что устье севернее Черчилла. Значит, повернем на юг и поплывем вдоль берега — только и всего.

Джейми презрительно фыркнул:

— Легко сказать! «Только и всего» называется! Ты не знаешь моря, Эуэсин. Видел то большое эскимосское каноэ? Для открытого моря оно совсем не такое большое. А уж что будет с нашими скорлупками, даже думать не хочу.

Анджелина налила всем по кружке жидкого чая — заварки у них уже почти не осталось.

— Чего ты беспокоишься? — весело спросила она. — Мы прошли много-много миль, и все живы и здоровы. Ничего с нами теперь не случится. Трое настоящих мужчин и я — вот увидишь, отлично управимся.

Наутро они проплыли больше десяти миль, а потом их внесло в маленькое треугольное озеро. В северном его конце они увидели еще одно морское каноэ, вытащенное на берег, а рядом с ним эскимосский чум — топэй. Дымок над небольшим костром означал, что на этот раз они увидят живых людей.

Когда они поплыли к стоянке, их охватило беспокойство. Чувство это было сродни тому, что испытывает актер перед выходом на сцену. Слишком давно не видели они незнакомых людей, и оттого при мысли о предстоящей встрече с чужим народом даже растерялись немного.

Они подплывали так тихо и осторожно, что их заметили, когда до берега оставалось всего несколько ярдов. Старый эскимос с жиденькой черной бороденкой вышел из чума, глянул на них, вздрогнул и поспешно нырнул обратно в чум. Через минуту он снова появился, а с ним вышли старуха и двое подростков. Все четверо стояли и опасно смотрели на пришельцев, а те так же молча смотрели на них.

Недоверчивое ожидание длилось бы еще долго, но Анджелина погрузила весло в воду, готовясь подвести каноэ к берегу, и певуче выкрикнула приветствие на языке племени кри.

Тут и мальчики вышли из оцепенения.

— Так толк нет, Анджелина. Они не понимал. Я скажу.

Питьюк окликнул хозяев на своем языке. Молчаливая настороженность четверых людей на берегу как будто рассеялась. Старик крикнул что-то в ответ, и у него с Питьюком завязалась оживленная беседа.

Наконец Питьюк сказал друзьям:

— Все порядок. Они хороший люди. Мы ходим на берег.

Пока они вытаскивали лодки из воды, он объяснил:

— Мы напугал эти люди. Никто никогда не плавал в каноэ вниз по Большой река, они никогда такое не слышал. Они не знают, кто мы такой. Но теперь все ладно. Они хорошо меня понимал, только говорят немножко не как мой племя. Они рады гостям. Мы пойдем их чум.

Люди из морского племени оказались такими же радушными и дружелюбными, как и все другие эскимосы в других мес-

тах. Старик, его жена и два их внука были только частью семьи, состоящей из двенадцати человек. Все остальные за три недели перед тем отправились на побережье охотиться на тюленей и продавать лисьи шкурки белому человеку, который, по словам старика, жил в дельте Большой реки. Стариков и обоих мальчишек оставили здесь, чтобы они ловили сетями и вялили полярного гольца — красную рыбу вроде лосося.

Старуха суежилась у костра, варила в котле гольца для угощения, а путники сидели в чуме и разговаривали со стариком и робеющими мальчишками. Услыхав, что в дельте реки живет белый торговец, ребята обрадовались:

— Спроси, как зовут этого белого, Пит. Спроси, он представитель Гудзоновой компании или кто-нибудь еще?

— Он говорит, этот человек не Гудзонов компания. Говорит, зимой сам ставит капканы на лисица. Весной немножко торгует с морской племя. Летом плывет в большой лодке в Каменный крепость — это они Черчилл так называют.

— Вольный торговец! Слушай, Пит! Когда он уплывает в Черчилл? Может, еще не уплыл?

Питъюк снова заговорил со стариком.

— Говорит, не знаю. Может, уплыл, может, нет. Говорит, нам скорей плавать надо, может, успеем. Говорит, перед дельта Большой река разделяется. Много, много рукав. Только один идет к дому белый человек.

— Спроси: может, он покажет нам дорогу? — вмешался Эуэсин.

Питъюк спросил.

— Сам идти не может, — перевел он. — А один внук, может, пойдет. У старика нет табак. Сильно хочет табак. Внук может идти, потом приносить старику табак. Говорит, плыть надо завтра утром. Теперь будем много есть, рассказать, откуда пришел.

Ребята очень боялись, что не успеют повидать белого до его отъезда в Черчилл, но понимали: ничего не поделаешь — придется обуздать нетерпение. И весь этот долгий день они отдыхали. Они досыта наелись свежим гольцом и копчеными оленьими языками. Любопытные, как щенята, сновали они по становищу в сопровождении мальчиков-эскимосов, которых звали Пайак и Миккилук. Со всех сторон рассмотрели каменную запруду, с помощью которой заворачивали гольца в заводь, когда рыба шла вверх по течению метать икру. С восхищением глядели, когда Пайак и Миккилук показывали, как ловить гольца длинным гарпуном о трех зубьях, точно трезубец Нептуна.

В тот вечер они много часов просидели в чуме, пока старик разговаривал с Питьюком. Эуэсину, Анджелине и Джейми было скучновато, но Питьюк и старик отлично провели время. Впервые за несколько десятилетий встретились представители двух племен, и им было что порассказать друг другу. Джейми, Эуэсин и Анджелина устали и легли спать, а беседа между Питьюком и приморскими жителями была еще в разгаре.

Глава 22. ДЖОШУА ФАДЖ

Наутро ребята чуть свет простились с гостеприимными хозяевами и снова поплыли по реке. Джейми пересел в каноэ Эуэсина, и Анджелина сидела теперь посредине. Каноэ Питьюка шло первым, на носу лоцманом сидел Миккилук.

Следуя его наставлениям, они без труда преодолели пороги, которые встретились за несколько часов плавания. Ближе к полудню Миккилук направил каноэ к берегу, чтобы перекусить. Мальчики и Анджелина взобрались на берег, на крутую гряду валунов, и глазам их открылась необозримая ширь серых вод.

— Море! — с гордостью сказал Миккилук.

Это и вправду было море, ибо Гудзонов залив — тот же океан; он раскинулся с севера на юг на восемьсот миль, а в поперечнике в нем больше четырехсот миль. Вид этих бескрайних волнующихся вод поразил Питьюка, Эуэсина и Анджелину — никто из них никогда еще не видел моря.

— Ой, ой! Очень большой для меня! — воскликнул Питьюк.

— Да, в шторм там лихо придется, — согласился Эуэсин. — Теперь я понимаю Джейми. На каноэ туда соваться нечего.

— Может, повезет, тогда каноэ не понадобятся. Если торговец еще не уплыл, может, он нас возьмет с собой? Если только он не очень вредный.

Ребята очень скоро узнали, что за человек этот торговец.

Большая река начала делиться на рукава: они раздавались вширь и их становилось все больше. Путники вошли в широкое, доступное приливам устье, которое разлилось на десятки квадратных миль, образуя почти непроходимый лабиринт рукавов и низких голых островков. Без Миккилука им пришлось бы много дней искать дом торговца. Но Миккилук безошибочно вел их из протоки в протоку до самого последнего поворота.

Здесь, на мыске, они увидели эскимосское становище, с которого сейчас снимались хозяева. Миккилук закричал, замахал руками, и оба каноэ причалили к берегу.

Прощание вышло короткое. Джейми и его друзей одолевало нетерпение, и, едва Миккилук выскочил из каноэ, они оттолкнулись и налегли на весла.

Они лишь наскоро махнули ему на прощание — не до того было: впереди на плоском голом берегу Гудзонова залива стоял большой деревянный дом и еще того лучше — в лагуне стоял на якоре парусник.

На палубе не было ни души, но Джейми отчаянно боялся опоздать, а потому, рискуя свалиться за борт, встал в лодке и закричал во все горло, возвещая об их прибытии.

В ответ залаяли и завyli на разные голоса привязанные у дома собаки. Потом распахнулась дверь, и появился громадный лысый человек; лицо его покрывала мыльная пена.

Он словно прирос к порогу и во все глаза глядел на подплывающие каноэ. Затем кинулся в дом и тотчас вернулся с биноклем. Приставил его к глазам и отнял, лишь когда ребята причалили к берегу. Он не произнес ни слова, ничем не показал, что заметил гостей.

— Он вроде не очень-то приветливый, — с тревогой сказал Эуэсин, когда они втаскивали лодки выше полосы прилива.

Великан опустил бинокль и, не двигаясь, поджидал четве-

рых путников, которые с опаской к нему подходили. Они заметили, какие у него мускулистые руки, как грозно блестят голубые глаза. Наконец он заговорил, и голос его, похожий на рев лося, приковал ребят к месту.

— Откуда вы взялись? И кто вы такие, черт подери?

Питьюк и Эуэсин совсем онемели, Джейми и тот не сразу отважился ответить.

— Мы с реки Кейзон, сэр, — запинаясь, проговорил он. — То есть с Танаутского озера.

— Что, к чертям, за дребедень! — заорал великан (иначе, он, видно, говорить не умел). — Вруны вы несусветные! Сроду еще никто не приплывал с Танаута по Большой реке.

— А мы правда оттуда, сэр, честное слово, — сказал Джейми. — Меня зовут Джейми Макнейр.

— Макнейр? Случаем не родня Энгусу Макнейру, а?

— Я его племянник, сэр. А вот они — сын и дочь мистера Миуэсина, вождя племени кри с Танаутского озера. А это Питьюк Андерсон: его отец промышлял пушного зверя в тундре.

— Еще и Андерсон, ишь ты?! Черт меня дери, да это ж как дома в праздник! Да что ж вы стоите? Заходите! Заходите! — И он посторонился, давая им пройти в дом.

Нигде поблизости от устья Большой реки не было ни дерева, поэтому дом построен был из струганых досок, доставленных на шхуне из Черчилла. Построен на совесть: четыре комнаты, много окон, три плиты, — и всюду множество выпитой по почте полированной мебели. Из сверкающего радиоприемника, что стоял на столе в кухне, гремела музыка, и небольшие лампочки на потолке говорили о том, что у хозяина есть свой собственный электрогенератор.

Великан вдруг вспомнил, что лицо у него в мыльной пене. Пробормотав извинение, он схватил полотенце и стер пену. Потом торопливо засновал по дому: набросал в кухонную плиту угля, с грохотом выставил на стол тарелки.

— Откуда вы там ни пришли, а наголодались, видно, порядком. Вам надо подзаправиться! Чего вам дать? Яичница с беконом и тюленьи бифштексы — как, подойдет?

Ребята лишь молча кивнули — слишком их ошеломила такая перемена. Всего несколько часов назад они были кочевниками в пустынном и диком краю. Теперь же их окружала роскошь, какой Питьюк и Эуэсин с Анджелиной даже вообразить не могли и какой Джейми не видел уже несколько лет. Вот они и лишились дара речи.

— Вы что, языки проглотили? — крикнул великан. — Меня зовут Джошуа Фадж. С Ньюфаундленда я. Торчу в этом проклятом краю уже тридцать лет. А почему — сам не знаю. Фрэнк Андерсона очень даже хорошо знал, сто лет назад. Говорил ему, дураку, чтоб не ходил в тундру. Да он не послушался. Стало быть, ты его сын, а? Волосы у тебя его — это уж точно. И Энгуса Макнейра знал. Стало быть, он, такой-разэтакий, еще жив? Мы с ним три года промышляли пушного зверя на Маккензи. Ты его племянник? Мелковат, как я погляжу. Ну, вот вам жратва. Заправляйтесь, молодцы. На меня не смотрите. Многовато болтаю. Так ведь целый год не с кем было слова сказать, только с эскимосами. Набралось чего порассказать. . .

Заговорив, Джошуа, видно, уже никак не мог остановиться. А четверка под раскаты его голоса налегла на угощение и понемножку осваивалась. К тому времени как ребята насытились, они привыкли к громоздому рыку хозяина да и сам он стал им нравиться. Когда с завтраком или с обедом, или как еще можно назвать это пиршество, было покончено, Джошуа налил всем по большой кружке кофе и повел их в другую комнату. Это была просторная гостиная, в ней стояли кресла, а на полках по стенам громоздились книги и журналы.

— Садитесь, молодцы. Извините, красавица. Не обижайтесь, что так вас называю. Я всегда так разговариваю. В наших краях не часто встретишь женщину, разве только эскимоску. Не обижайся, Питьюк, или как там тебя прозывают. Я не хотел сказать ничего худого про эскимосов. Они мне лучшие друзья. Даже единственные друзья. Ну, а теперь растолкуйте, что это за чертовщина, будто вы приплыли по Большой реке? Откуда вы на самом деле приплыли и как?

Джошуа примолк, и Джейми стал рассказывать про путешествие по тундре. Великан слушал с возрастающим интересом и все ближе наклонялся к Джейми, так что едва не упал со стула. «Да ну?» — порой оглушительно кричал он, однако дал Джейми договорить до конца.

— Стало быть, вон какие дела? Так вот, молодцы, вы пришли куда надо. Макнейр в беде? А за вами охотятся фараоны? Ха! Это мы еще посмотрим. И викингов клад? Любопытно на него поглядеть. Ну, вот что, молодцы. . . Я отплываю в Черчилл послезавтра. Годится? Дойдем за два дня, лишь бы погода не подвела. В Черчилле я сразу на телеграф. Мигом разузнаем про Энгуса — это одно. А ежели понадобится, поеду с вами в Те-Пас. Мне самое время проветриться. И черт меня дерь, уж когда я с вами, никто не посмеет вас тронуть!

Тут он замолчал, ибо увидел, что теряет слушателей. Ошеломленные радушием Джошуа Фаджа, счастливые тем, что одиночеству их пришел конец, они разомлели в тепле, и теперь их неодолимо клонило в сон. Джошуа все понял:

— Сдается мне, надо спускать паруса. Пора на боковую. Пошли. У меня две спальни. На одной кровати даже простыни есть. Это будет для девицы. А вы трое ляжете вместе. Ну, пошли! А я позабочусь о вашей поклаже.

Конец напряжению, которого потребовало плавание по Большой реке, конец сомнениям, как добираться до Черчилла! Теперь можно отдыхать — есть, спать, знакомиться поближе с удивительным хозяином.

Джошуа был отменный повар. Стол ломился от яств. Чего тут только не было: груды свежего хлеба, пончиков, огромные куски жаркого, картофель, яблочные пироги, компоты, домашнее печенье! Хозяин не умолкал ни на минуту и мог без конца рассказывать всякие истории из собственной жизни.

Он рассказал им, как впервые приехал на Север служащим Гудзоновой компании, но тяжкий этот труд, за который платили гроши, скоро ему надоел, и он стал вольным охотником. За тридцать лет он исколесил все Заполярье от Баффиновой земли до Аляски и нажил немалое состояние. Десять лет назад он решил осесть в дельте Большой реки и построил отличный дом. Слава об этом удобном красивом доме идет по всему северному краю. Теперь Фадж не слишком утруждает себя работой: довольствуется несколькими участками в низовьях Большой реки — ставит там капканы на белых лисиц. Вышло так, что взялся он вдобавок торговать с эскимосами, живущими на Большой реке: ведь им даже в больших «морских» каноэ до Черчилла добираться трудно. Вот он и стал в обмен на меха снабжать их всеми необходимыми товарами, но лишнего с них не берет, почти не получает дохода с этой торговли. В летние месяцы он вместе с несколькими друзьями эскимосами отправляется на своей шхуне «Арктика» в охотничьи и исследовательские плавания вдоль берегов Гудзонова залива. В прошлом году они заплыли далеко на север, до острова Сэутгемптон: охотились на моржа — зимой моржовым мясом кормят собак.

Рассказы Фаджа пленили всех его гостей, но больше всего увлекли Питьюка. С первого взгляда в нем вспыхнула настоящая страсть к морю. Он никак не мог наслушаться, все приставал к Джошуа, чтобы тот еще и еще рассказывал о море.

На другой же день после приезда ребят Джошуа повел их осматривать судно. Это была пятидесятифутовая ньюфаундленд-

ская шхуна. В дополнение к парусам на ней стоял мощный дизельный мотор. Строили ее специально для плавания среди льдов, и потому обшивка была двойная, прочная как железо. Кубрик был поместительный — с обеденным столом и четырьмя койками, хороший камбуз да еще каюта на носу, и в ней тоже четыре койки.

Мальчики облазили все уголки и закоулки.

— Вот это, я понимаю, плавание! — воскликнул Джейми, когда все они уже сидели в каюте и пили кофе. — Больше никаких каноэ, никакого дождя, ветром не гонит, палатки не протекают...

— И никакой пороги! .. — поддержал его Питъюк.

— И никакой мошкары! .. — сказала Анджелина.

Джошуа слушал их, и голубые глаза его блестели.

— Вот что... — прогудел он. — Беру вас всех в плавание. Пойдете со мной летом? Отправимся в залив Буття. Там, говорят, магнитный полюс. Прихватим его с собой на память.

— Большое спасибо, мистер Фадж, — ответил Джейми. — Мы бы с радостью, даже так скажу — в лепешку бы расшиблись, чтобы с вами сплавать. Да только нам надо на юг: надо продать вещи викинга, которые мы нашли, и о моем дяде позаботиться, и постараться как-то помочь тем эскимосам.

Глава 28. КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЮ

Сразу же после завтрака все принялись грузить на шхуну меха Джошуа, снаряжение ребят и каноэ. Джошуа проверял снасти и мотор. Около полудня «Арктика» была готова к отплытию.

День выдался отличный, с берега дул легкий ветерок — бриз, как его назвал Фадж. С помощью мальчиков, которым сразу понравилось быть матросами, Джошуа быстро поставил паруса, поднял якорь, и шхуна вышла в море.

Она уходила прямоком от берега до тех пор, пока низкая прибрежная равнина совсем не скрылась из виду. Джошуа объяснил, что от побережья надо держаться подальше, так как южнее там часто встречается опасное мелководье. Но когда земля исчезла и со всех сторон их окружила серая пустыня океана, Питъюку чуть не изменило мужество.

— А если тонем, что делать будем? — с тревогой спросил он друзей.

— Свистнем кита и поплывем на нем к берегу, — весело

ответил Джейми. — Не бойся, не потонем. Ну, а на крайний случай здесь ведь наши каноэ и на борту есть спасательная шлюпка-плоскодонка.

Замечание насчет китов оказалось пророческим. Как только Джошуа взял курс на юг, Эуэсин, стоявший на носу, предостерегающе крикнул. Впереди прямо по курсу в воздух взвились небольшие смерчи, и сразу же из воды дугой выгнулось несколько крупных белых блестящих тел.

— Белуха, белые киты, — объяснил Фадж. — Тут их полно.

Питьюк, Эуэсин и Анджелина с таким любопытством смотрели на китов, что забыли про недавние страхи, а через несколько часов уже совсем освоились с жизнью в открытом море. Они засыпали Фаджа вопросами, и он объяснял, как держать курс, как управляться с парусами и множество прочих мореходных правил.

Ветер по-прежнему дул с берега, поэтому волнения и качки не было и ребятам не пришлось маяться морской болезнью. Настоящей темноты в эту пору не бывает, и Джошуа вел шхуну на юг всю ночь напролет. К вечеру следующего дня Эуэсин, которого Джошуа послал на ванты впередсмотрящим, углядел вдалеке неясные очертания огромного бетонного элеватора. Это был Черчилл. Здесь кончалась железная дорога, и отсюда летом по короткому полярному пути корабли увозили в Европу канадскую пшеницу.

«Арктика» приблизилась к городу, взяла курс на устье реки Черчилл, и Джошуа включил мотор и помог мальчикам убрать парус. Шхуна прошла мимо руин древнего форта Принца Уэллского — из-за этого форта эскимосы называли Черчилл Каменной крепостью — и направилась вдоль пристани.

Питьюк, Анджелина и Эуэсин во все глаза смотрели на гигантский, в несколько сот футов высотой, элеватор. Не меньше их поразили и величина двух океанских грузовых судов, пришвартованных к длинному причалу, и грохот товарного поезда, нагруженного пшеницей, который только что подошел к портовой платформе: он прибыл из Виннипéга, проделав путь на север длиной в семьсот миль.

Долго озираться по сторонам ребятам не пришлось. Как только шхуна пришвартовалась, Джошуа велел им идти вниз.

— Оставайтесь все на борту и никому не показывайтесь на глаза, — сказал он. — Здесь прорва полицейских. Я сбегаяю на берег, крутанусь там. В Черчилле я всех знаю и меня все знают. Разведаю, не ищет ли вас полиция, и сразу назад. Разожгите плиту, поешьте. Только на палубу не вылезать!

Готовить ужин пришлось Джейми. Брат с сестрой и Питъюк прилипли к иллюминаторам — ведь они еще никогда в жизни не видели настоящего города. А Джейми рад был заняться делом: уж очень его одолевала тревога из-за полиции.

Прошел не один час, и вот наконец по палубе затопали тяжелые сапоги. Ребята напряженно уставились на трап, но, когда увидели Фаджа, на душе у всех полегчало. Однако следом за ним показался какой-то незнакомец, и они снова насторожились. Человек был гладко выбрит и хорошо, по-городскому одет.

— Это профессор с юга, — представил его Джошуа. — Я наскочил на старика Уинди Джобунза, он мне и сказал про этого парня, что, мол, он копается в развалинах форта Принца Уэллского. Я так прикинул — он должен знать про эти ваши древности — ну и нашел его в гостинице. И вот привел.

Незнакомец улыбнулся.

— Меня зовут Армстронг, — сказал он. Голос у него был приятный. — Дело в том, что я археолог Государственного музея в Оттаве. Мы сейчас ведем раскопки старого форта. Я занимаюсь периодом ранней колонизации, но кое-что знаю и о культуре древних скандинавов. Мистер Фадж сказал мне, что у вас есть предметы, которые, по вашему мнению, принадлежат древним скандинавам.

— Может быть, и есть, — осторожно ответил Джейми. Он боялся сказать лишнее: как знать, надежный ли это человек...

— Поверьте, вам незачем меня опасаться. Все, что вы нашли, по праву принадлежит вам. Никто этого у вас не отнимет. А я, вероятно, буду вам полезен, если выскажу свое мнение о ваших находках.

Джейми посмотрел на Питъюка и Эуэсина, они согласно кивнули; тогда он встал, пошарил под одной из коек и вытащил два тщательно упакованных свертка. Положил их на обеденный стол, разрезал ремни, развернул оленьи кожи.

Археолог склонился над столом, тщательно осмотрел меч и шлем. И присвистнул сквозь зубы.

— Похоже, что это подлинные вещи, мальчики, — сказал он. — Когда мистер Фадж сообщил мне, что вы думаете о своей находке, я не поверил. Но, полагаю, сомнений нет — очевидно, это и в самом деле скандинавский меч и шлем двенадцатого или тринадцатого века. А что в этом каменном ящичке?

— Мы сами толком не знаем, сэр, — ответил Джейми, забыв обо всякой осторожности. — Мы не стали в нем копаться: боя-

лись что-нибудь повредить. Решили, пускай лучше понимающий человек посмотрит.

Армстронг одобрительно кивнул:

— Очень разумно. Но я вижу скандинавский браслет... Кажется, он к тому же еще и золотой.

— Это вещи Кунар. Давний время это был все у Кунар, — сказал Питъюк.

Брови Армстронга взлетели вверх.

— Откуда вы знаете его имя? Расскажите-ка мне все подробно про вашу находку.

Он сел на койку и внимательно слушал, а Джейми с помощью то одного, то другого из ребят рассказывал все подряд, начиная с прошлого лета, когда они случайно наткнулись на каменную гробницу. Под конец археолог совсем разволновался. Вскочил, зашагал по каюте из угла в угол.

— Не хочу вас слишком обнадеживать, пока мы не проверили все факты. Взять, например, эту свинцовую дощечку. Ее должны посмотреть опытные рунологи. Но я рискну забежать вперед: может статься, молодые люди, что ваша находка — одно из важнейших исторических открытий нашего века.

А теперь вместе подумаем, как действовать дальше. Все это слишком большая ценность, эти вещи нельзя держать где попало. Я бы вам посоветовал передать их полиции на хранение. Я сегодня же вечером свяжусь по радио со своими коллегами в Оттаве... Что случилось? Я сказал что-то не то? — Он озадаченно посмотрел на Джейми, который явно встревожился и отчаянно старался поймать взгляд Джошуа.

— Сдается мне, я знаю, чего он напугался, профессор. Только зря ты беспокоишься, Джейми. Я перемолвился словечком с одним здешним капралом. Он мне старый дружок. Говорит, он про тебя и слыхом не слыхал. Никто здесь не объявлял на тебя розыск. А главное, он говорит: раз тебе скоро шестнадцать, никто, наверно, и не думал упрятать тебя в приют. Просто они хотели проверить, не помрешь ли ты там, в лесу. Выходит, зря ты от них улепетывал по всему Заполярью. Можно сказать, удираю от собственной тени. — Он добродушно усмехнулся, увидев, что Джейми и обрадован и смущен. — И это еще не все новости. Я отбил телеграмму в Те-Пас, в больницу. И сразу получил ответ: Энгус Макнейр уже скоро месяц как пошел на поправку, его не нынче-завтра выпишут. Ну, я отбил ему телеграмму: пускай старый буйвол встречает нас в следующий вторник на Узловой станции Гудзонова залива, отсюда на юг поезд раз в неделю.

К величайшему недоумению археолога, мальчишки и Анджелина восторженно завопили, повскакали на ноги и потребовали подробностей.

— Тихо! — проревел Фадж. — Успокойтесь! Профессор подумает, вы сбесились. Не знаете, как себя вести, а? Ну-ка, барышня, сварите для гостя кофе. А тебе я вот что скажу, Джейми: профессору вы можете довериться. Уинди Джоунз говорит, он человек стоящий, а уж Уинди не ошибется. Так что делайте, как он скажет.

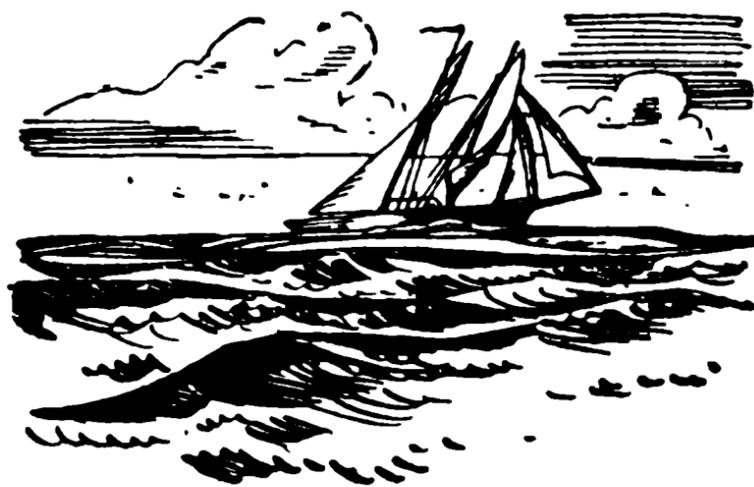
— Спасибо, мистер Фадж. Можете мне довериться, мальчишки, и вы, мисс, тоже. Сдадим находки в полицию и возьмем расписку. Если в Оттаве к моей радиограмме отнесутся так, как я надеюсь, я сам поеду с вами на юг и постараюсь, чтобы в Виннипеге нас встретили специалисты из музеев Оттавы и Торонто. Вы ведь не откажетесь доехать до Виннипега? Ручаюсь, что все расходы по этой поездке вам возместит Национальный музей.

Неделю спустя поезд, уходящий из Черчилла в долгий путь на юг, увозил четверых взволнованных молодых пассажиров, причем Джошуа Фадж за свой счет одел их всех в новое, с иголочки, «готовое платье». Мальчишки в новой одежде держались связано и неловко. Зато Анджелина пришла в восторг от своего наряда — почувствовала себя в нем хорошенькой, да так оно было и на самом деле. И многие пассажиры бросали на нее восхищенные взгляды, а Питьюк потихоньку ворчал и с трудом подавлял ревность.

Эуэсин, Анджелина и Питьюк впервые ехали поездом, и это им очень понравилось. Теснясь на задней площадке, они смотрели, как убегают назад рельсы, а поезд с грохотом сворачивает от серых вод Гудзонова залива к чахлому еловому лесу. И хотя Джейми уже и прежде ездил поездом, он был взбудоражен не меньше других, потому что перед самым отъездом пришла телеграмма от Энгуса Макнейра: он сообщал, что присоединится к ним на Узловой Гудзонова залива. Решено было всем вместе ехать в Виннипег и, пока знатоки будут заниматься сокровищами викинга, отдохнуть и попраздновать в этом степном городе.

Джошуа Фадж присоединился к ним и через минуту ткнул пальцем вверх: смотрите, мол! Там, в бледном вечернем небе, зыбким треугольником чернела стая канадских гусей — они тоже направлялись на юг.

— Жители Большой реки говорят, будто гуси уносят с собой лето, — сказал Фадж своим молодым спутникам, — а весной приносят его назад. Может, в будущем году вы, молодцы, нагрянете вместе с ними на Большую реку? И тогда мы пустимся в то плавание на северо-запад, про которое прежде толковали... Но это после. А сейчас пойдете-ка глянем, чем тут кормят в этом «болотном экспрессе»...

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Юрий Рытхэу. О ФАРЛИ МОУЭТЕ И ЕГО КНИГАХ . . . . .</i>	3
Глава 1. ШКОЛА СРЕДИ ЛЕСОВ	9
Глава 2. ХОЛОД, КОТОРЫЙ УБИВАЕТ	14
Глава 3. АНДЖЕЛИНА	20
Глава 4. В БЕГАХ	26
Глава 5. БЕГСТВО НА СЕВЕР	33
Глава 6. ЗЭБЭДИС	40
Глава 7. НЮЭЛТИН-ТУА — ОЗЕРО СПЯЩИХ ОСТРОВОВ	47
Глава 8. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ	53
Глава 9. СТОЙБИЩА ИХАЛМИУТОВ	58
Глава 10. ИННУИТ КУ — РЕКА ЛЮДЕЙ	65
Глава 11. ИЛАЙТУТНА	70
Глава 12. ЛУК ВИКИНГА	76
Глава 13. ПЛАНЫ МЕНЯЮТСЯ	80
Глава 14. МОГИЛА КУНАРА	86
Глава 15. НЕЖДАННАЯ ПОМЕХА	92
Глава 16. ОЗЕРО-В-ОЗЕРЕ	98
Глава 17. ЭНОПУК — УРАГАН	104
Глава 18. ОЛЕНЬЯ ДОРОГА	108
Глава 19. МОШКАРА — ПРОКЛЯТИЕ ТУНДРЫ	113
Глава 20. О ВОЛКАХ И ПЛАВАНИЯХ	120
Глава 21. МОРСКОЕ ПЛЕМЯ	127
Глава 22. ДЖОШУА ФАДЖ	133
Глава 23. КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЮ	138

Для среднего школьного возраста

Фарли Моуэт

ПРОКЛЯТИЕ МОГИЛЫ ВИКИНГА

Повесть

Ответственный редактор **Н. В. Ш е р е ш е в с к а я**. Художественный редактор **Н. З. Л е в и н с к а я**. Технический редактор **С. Г. М а р к о в и ч**. Корректоры **К. И. К а р е в с к а я** и **К. И. Т я г е л ь с к а я**. Сдано в набор 28/IX 1971 г. Подписано к печати 4/II 1972 г. Формат 60 × 84^{1/16}. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 8,4. (Уч.-изд. л. 8,86). Тираж 50 000 экз. ТП 1972 № 502. Цена 41 коп. на бум. м/мел. Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Детская литература“ Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва. Центр, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика „Детская книга“ № 2 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 141

41 коп.